

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

Негосударственное образовательное частное учреждение
высшего профессионального образования
«МОСКОВСКИЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

ВЕСТНИК

Московского института лингвистики

№ 2 / 2012

Соучредители: «Московский институт лингвистики»
«Московский финансово-экономический институт»
Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-37854

Редакционный совет

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор.
Виноградов В.А., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Гриценко Е.С., доктор филологических наук, профессор.
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор.
Егоров М.А., доктор филологических наук, профессор.
Караулов Ю.Н., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Коттхофф Хельга, доктор филологических наук, профессор, Фрайбургский университет им. Альберта Людвига, ФРГ.
Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор.
Красных В.В., доктор филологических наук, профессор.
Поляков Ф.Б., доктор филологических наук, профессор, Венский университет, Австрия.
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор.
Слышкин Г.Г., доктор филологических наук, профессор.
Тарасов Е.Ф., доктор филологических наук, профессор.
Тер-Минасова С.Г., доктор филологических наук, профессор.
Уфимцева Н.В., доктор филологических наук, профессор.
Шоре Элизабет, доктор филологических наук, профессор, Фрайбургский университет им. Альберта Людвига, ФРГ.

Редакционная коллегия

Терентий Л.М. – ректор НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», кандидат политических наук, *главный редактор*.
Багрова А.Я., кандидат педагогических наук, доцент.
Дмитрюк С.В., кандидат филологических наук, *выпускающий редактор*.
Каменский А.С., кандидат экономических наук, доцент.
Кирилина А.В., доктор филологических наук, профессор, *заместитель главного редактора*.
Лапин А.А., кандидат политических наук.
Сазанов А.В., доктор исторических наук, профессор.
Сподах Г.Г., кандидат экономических наук.
Усачев Е.В., проректор по внешним связям МИЛ.
Хаимова В.М., кандидат филологических наук, доцент.
Шишканов И.В., кандидат филологических наук, доцент.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Выходит 1 раз в полугодие.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Адрес редакции: Москва, ул. Новомосковская, д.15а

e-mail: vm@inyaz-mil.ru

Москва 2012

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2012

ISBN 9-785904-360085

ISSN 2222-9283

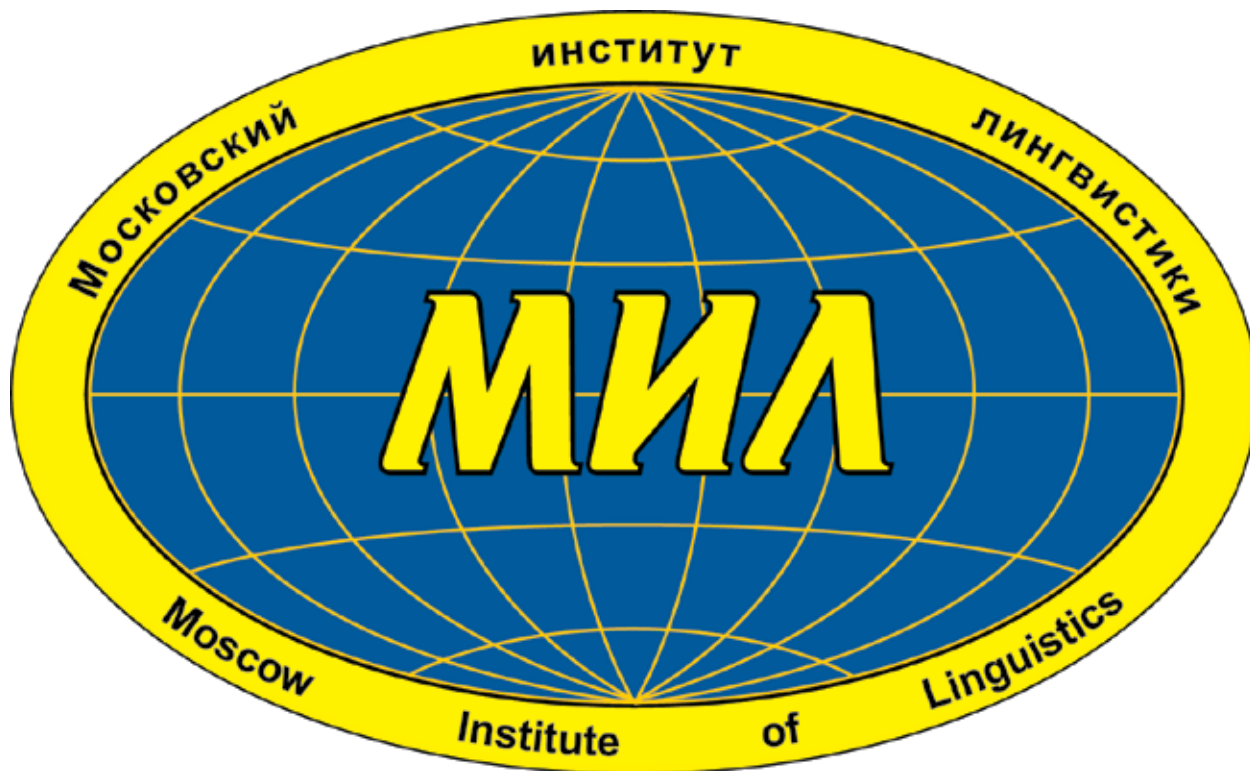

Подписано в печать 21.10.2013. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Зак № 0212. Усл. печ. л. 8,15. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер»

150008, г. Ярославль, Столярная улица, д. 14

**Выпуск содержит материалы
Седьмой международной научно-практической
конференции
ОБЩЕСТВО – ЯЗЫК – КУЛЬТУРА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В XXI ВЕКЕ
7 ДЕКАБРЯ 2012**

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Багрова А.Я. Мотивация усвоения иностранного языка – важный фактор при обучении иноязычному речевому общению.....	6
Андрей Демьянович. Особенности языковой ситуации в современной Белоруссии: русско-белорусское двуязычие.....	10
Зайцев А.Б. Несколько слов о «дискурсе».....	12
Зайцева С.Е. Исследование методики формирования социолингвистического компонента коммуникативной компетенции при обучении английскому языку студентов неязыковых вузов.....	20
Купцова Г.И. Контакт языков в повседневности Москвы (на материале текстов, нанесенных на детские игрушки).....	30
Масленникова Е.М. Субъективное переживание культурно-значимых смыслов при текстовой коммуникации.....	36
Мичурин Д.С. Анализ поликодовых коммуникативных событий (на материале имидж-форумов).....	42
Монина Т.С. Актуализация типа речевого субъекта в поэтической речи (Ф. Тютчев «Умом Россию не понять...».).....	46
Николаева М.Н. Прецедентные имена диккенсовских персонажей как феномен межкультурной коммуникации.....	52
Пучкова И.Н. К вопросу о переводе историзмов в художественном тексте.....	58
Самохин И.С. Перспективы современной российской философии в контексте глобализации.....	64
Спиряева С.В. Английский язык в эпоху глобализации.....	78
Черных О.Ю. Способы создания конструкции «текст в тексте» в педагогическом дискурсе.....	82

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

Веселкова Е.Е. Классификация «иностраннных инвестиций».....	88
Муравьев К.Е. Особенности индексных фондов.....	94
Пителинский К.В., Шиманский С.А. О применении нейронных сетей при изучении социоэкономических систем.....	98

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	104
ИНФОРМАЦИЯ.....	105

CONTENTS

LINGUISTIC RESEARCHES

Bagrova A.Ya. A Foreign Language Understanding Motivation Is an Important Factor of Foreign Language Communication Skills Teaching.....	6
Demyanovich A. Language Situation in the Contemporary Republic of Belarus: Russian-Belorussian Bilingualism.....	10
Zaytsev A.B. On the Notion of Discourse.....	12
Zaitseva S.E. Study Of Methods Of Formation Of Sociolinguistic Component Of Communicative Competence in the English Language Teaching.....	20
Kuptsova G.I. Language Contacts in the Linguistic Landscape of Moscow (Based on Texts, Imprinted on Children's Toys).....	30
Maslennikova E.M. Subjective Experience of Cultural Prominent Meanings in Text Communication.....	36
Michurin D.S. Analysis of multicode communicative events (based on image-forum data)..	42
Monina T.S. Actualization of Speech Subject Type in Poetic Speech (F. Tyutchev «The Mind Can Not Understand Russia...».).....	46
Nikolaeva M.N. Precedent Dickensian Characters' Names as a Phenomenon of Cross-Culture Communication.....	52
Puchkova I.N. On Translating Historisms in a Fiction Text.....	58
Samohin I.S. Prospects of the Russian Philosophy in the Globalizing World.....	64
Spiryaeva S.V. English in Globalization Era.....	78
Chernykh O.Yu. Means of Construction of 'Text Within the Text' Structure in Pedagogical Discourse.....	82

MANAGEMENT: SCIENTIFIC ANALYSIS

Veselkova E.E. The Classification of Foreign Investments.....	88
Muravyev K.E. Peculiarities of Index Funds.....	94
Pitelinskiy K.V., Shimanskiy S.A. Application of Neural Networks in Socioeconomic System Studies.....	98

NOTES ON CONTRIBUTORS	104
INFORMATION	105

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Багрова А.Я.

УДК 372.881.1

МОТИВАЦИЯ УСВОЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ РЕЧЕВОМУ ОБЩЕНИЮ

Для оптимальной организации учебного процесса важно глубокое знание мотивов учения школьника и умение правильно выявлять их и разумно управлять ими. Существуют различные мнения и решения данной проблемы. Мотивация учения может определяться внешними и внутренними мотивами. Мотивация – явление многогранное, поэтому содержание обучения должно включать в себя целый комплекс средств для её поддержания.

При обучении иноязычному общению первостепенное значение имеет учёт личностных свойств учащихся, что приводит к возникновению коммуникативной мотивации, т.е. обеспечивает инициативное участие ученика в учебном или реальном общении.

Наибольший интерес представляют следующие виды мотивации:

- 1) коммуникативно-мотивационная;
- 2) лингво-познавательная;
- 3) страноведческая мотивация.

Ключевые слова: мотив учения; мотивация: коммуникативно-мотивационная; лингво-познавательная и страноведческая; внешние и внутренние мотивы; содержание обучения.

A.Ya. Bagrova

A FOREIGN LANGUAGE UNDERSTANDING MOTIVATION IS AN IMPORTANT FACTOR OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION SKILLS TEACHING

The article considers foreign language communication skills teaching where students' personality is of great importance. This results in communicative motivation, i.e. encouraging students' self-motivated participation in communication both in a classroom and in real life. The following motivations are of great interest:

- 1) communicative-motivational;
- 2) linguistic- cognitive;
- 3) cross-cultural motivation.

Key words: study motive, motivation, communicative-motivational, linguistic-cognitive and cross-cultural, external and internal motives, teaching content.

Управление мотивацией изучения иностранного языка является одной из центральных проблем методики обучения в школе. Иностранный язык как предмет обладает рядом специфических черт, одной из которых является овладение иностранным языком путём обучения умению общения на иностранном языке. К сожалению, на данный момент обучение иностранному языку в основном носит искусственно-учебный характер в силу отсутствия у школьников «естественной потребности» в общении на иностранном языке.

В связи с этим перед учителем стоит задача создания обстановки иноязычного речевого общения в процессе обучения языку, максимально приблизив её к естественным условиям.

Для оптимальной организации учебного процесса важно, в первую очередь, глубокое знание мотивов учения школьника, и во-вторых, умение правильно выявлять их и разумно управлять ими. В связи с этим обратимся к теоретическим исследованиям по проблемам мотивации. Анализ имеющейся отечественной и западной литературы показал следующее.

В данный момент нет единого мнения или однозначного решения данной проблемы, а именно, что же такое мотивация в целом и мотивация учебной деятельности в частности. Поиск путей решения вопроса о мотивации учения возможен в плане психологических исследований этого направления, где рассматриваются психологические основы мотивации.

По словам И.А. Зимней, «мотив – это то, что объясняет характер данного речевого действия, тогда как коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель преследует говорящий, планируя ту или иную форму воздействия на слушающего» [Зимняя 1991].

В зарубежной литературе также уделяется большое внимание роли мотивации, называемой зарубежными авторами «Motor»,

«Key-word» в обучении иностранному языку. Многочисленные эксперименты показали, что в течение одного учебного года отношение обучаемых к различным видам речевой деятельности на иностранном языке может резко изменяться в отрицательную или положительную сторону. Это в свою очередь, зависит от стиля работы преподавателя (постоянное использование одного лишь учебника, однообразных видов упражнений ослабляет положительные эмоции, и учащийся превращается в пассивного созерцателя) от учебно-методического комплекса, от результатов обучения и т.п. И наоборот, низкая успеваемость сильно коррелирует с отрицательной когнитивной, мнемонической, коммуникативной установкой.

Положительная установка на изучение иностранного языка способствует улучшению результатов научения речевой деятельности.

Помимо этого для оптимальной организации речемыслительной деятельности необходимо знать и типы мотивации. Мотивация учения может определяться внешними (узколичными) мотивами и внутренними мотивами.

Внешние мотивы не связаны с содержанием учебного материала: мотив долга, обязанности (широкие социальные мотивы), мотив оценки, личного благополучия (узко социальные мотивы), отсутствие желания учиться (отрицательные мотивы).

Внутренние мотивы, напротив, связаны с содержанием учебного материала: мотивы познавательной деятельности, интереса к содержанию обучения (познавательные мотивы), мотивы овладения общими способами действий, выявление причинно-следственных связей в изучаемом учебном материале (учебно-познавательные мотивы). Интерес к процессу обучения по иностранному языку держится на внутренних мотивах, которые исходят из самой иноязычной деятельности. Таким образом, в целях сохранения интереса к предмету учитель иностранного языка должен развивать у учащихся внутренние мотивы.

При этом ключевыми и решающими параметрами считаются те, которые присущи данному индивиду: личный опыт, контекст деятельности, интересы и склонности, эмоции и чувства, мировоззрение, статус в коллективе. Это позволяет вызвать у учащихся истинную мотивацию. В этом случае работает не стимуляция, а внутреннее побуждение; мотивация оказывается не привнесённой в обучение извне, не навязанной ему, а является прямым порождением самого метода обучения. Перед учителем возникает целый ряд задач, основные из которых заключаются в использовании межличностных отношений и создании эмоционального благополучия, что в свою очередь обеспечит повышение эффективности обучения иноязычному общению.

Поскольку мотивация – явление многогранное, то содержание обучения должно включать в себя целый комплекс средств для её поддержания. В системе обучения иностранному языку как иноязычной культуре в первую очередь важны средства поддержания мотивации познавательной, развивающей и воспитательной деятельности, что в конечном итоге вызывает у изучающего иностранный язык коммуникативную мотивацию. В общей структуре мотивации доминирующим является основной мотив, определяющий учебную деятельность, и формирование отношения к ней. Это познавательный мотив, так как в его основе заложено постоянное стремление к познанию, а также имеет место связь с содержательной и организационной стороной самой учебной деятельности.

В процессе учебной деятельности начинают действовать и возникающие частные мотивы, руководящие постановкой, принятием и решением отдельных задач для достижения конкретных задач и конкретных целей обучения иноязычному речевому общению. Познавательные мотивы в овладении иностранным языком дифференцируются следующим образом: интерес к иностранному языку как таковому способствует формированию мотивов к анализу языковых

явлений, всевозможным по форме и содержанию занятиям с иностранным языком, к развитию лингвистического мышления; возможность использования иностранного языка как средства обмена информацией, получения знаний с его помощью, изучение культуры, истории, развития и действительности страны изучаемого языка, расширение кругозора формирует мотив отношения к иностранному языку как необходимому средству познавательной деятельности.

Мотивационный аспект имеет решающее значение также и для активизации всех психологических процессов – мышления, восприятия, понимания и усвоения иноязычного материала. Для этого необходимо повышать уровни мотивации, способствуя развитию познания и интеллектуальной деятельности у учащихся, стремясь, в конечном итоге, повысить эффективность процесса обучения.

«Внутреннее условие», психические и физические переживания (потребности), осознанная внутренняя или внешняя потребность (мотивы) придают смысл, тем самым стимулируя речемыслительную деятельность, мышление и приводят к желанию больше узнать и научиться мыслить на языке. Благодаря ситуации удовлетворяются потребности личности и создаются положительные установки на изучение иностранного языка. Таким образом, мотивы, интересы, ситуации, установки взаимообусловлены и составляют гармоничное единство личности, являются внутренним энергизатором.

Поскольку обучение иноязычному общению происходит посредством общения, которое является сугубо личностным процессом, в котором осуществляется обмен интересами, передача черт характера, то при коммуникативном обучении учёт личностных свойств учащихся имеет первостепенную значимость. Без учёта вышеперечисленных факторов речевые действия учеников отрываются от их реальных чувств, мыслей, интересов, то есть теряется источник, питающий речевую деятельность.

Именно учёт личностных свойств

приводит к возникновению ситуационной коммуникативной мотивации, то есть обеспечивает инициативное участие ученика в учебном или реальном общении. Из всего многообразия свойств личностная индивидуализация, обеспечивающая вызов коммуникативной мотивации, традиционно предлагает учёт шести методически наиболее значимых свойств ученика как личности: контекста деятельности; личного опыта; сферы желаний, интересов, склонностей; эмоционально-чувственной сферы; мировоззрения; статус ученика в группе. Всё это побуждает учащихся к обучению.

Успешность овладения иностранным языком в его когнитивной функции способствует формированию языкового чутья; удовлетворение собственно познавательных мотивов при изучении иностранного языка формирует устойчивую мотивацию постоянной работы с ним; использование иностранного языка для получения определённой информации (чтение журналов, газет, толковых словарей и тому подобное) делает данный язык незаменимым в познавательной деятельности обучаемого. Вместе с тем сам иностранный язык усиливает общую познавательную деятельность обучаемых, а следовательно, повышается и мотивация изучения языка.

Ряд исследований предлагает различные формы обучения иностранному языку, которые взаимозависимы и взаимосвязаны с содержанием обучения. Учёные, исследующие мотивацию усвоения иностранного языка, выделяют целый ряд видов мотивации с учётом индивидуального развития

потребностей обучающихся. Наибольший интерес представляют следующие виды мотивации:

- коммуникативно-мотивационная, определяющаяся на основе потребностей в общении;
- лингво-познавательная мотивация, основанная на стремлении обучаемого к познанию языковых явлений;
- страноведческая мотивация, зависящая от тематики и эмоциональной заинтересованности учащегося.

При обучении иностранному языку ведущим видом речевой деятельности является устная речь; изучение иностранного языка приобретает выраженный страноведческий характер.

Всё это придаёт заданиям и упражнениям, всей учебной деятельности «вполне коммуникативно-мотивационный характер». Согласованность же содержания обучения и способов его подачи с реальными возможностями и интересами школьников способствует формированию положительной мотивации. Это позволяет удачно сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучаемых с новой для них действительностью. Такой подход к обучению иностранному языку в школе во многом обеспечивает не только более эффективное решение практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач, но и содержит огромные возможности для вызова и дальнейшего поддержания мотивации учения.

Литература

Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. – 3 изд. Переработанное и дополненное. – М.: Русский язык, 1990. – 248 с.

Андрей Демьянович

УДК 8 81, 81-2, 81'272

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССИИ: РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ.

Данная статья содержит в себе информацию социолингвистического свойства. Главная цель этой статьи – ознакомить с языковой ситуацией в современной республике Беларусь и распределением языков и диалектов в некоторых областях данного государства. Также в статье описываются некоторые особенности взаимодействия двух родственных языков (белорусского и русского) и такое явление, как «трасянка» (русско-белорусское двуязычие), приводятся примеры данного явления.

Ключевые слова: социолингвистика, Беларусь, языковая ситуация, билингвизм, белорусский язык, русский язык, трасянка.

Andrey Demyanovich

LANGUAGE SITUATION IN THE CONTEMPORARY REPUBLIC OF BELARUS: RUSSIAN-BELORUSSIAN BILINGUALISM

The paper deals with the sociolinguistic studies of the language situation in the contemporary Republic of Belarus and the distribution of languages and dialects on its territory. The paper provides an overview of the cognate language contact (Russian and Belorussian), it examines and exemplifies a phenomenon called *trasyanka* (Russian-Belorussian bilingualism).

Key words: sociolinguistics, Belarus, language situation, bilingualism, Belorussian language, Russian language, trasyanka.

Языковая ситуация в Белоруссии, как и вообще белорусская социолингвистика, – одна из малоизученных областей белорусистики, особенно по сравнению с общим количеством исследований, посвященных различным аспектам белорусского языка. В докладе под языковой ситуацией мы понимаем лингвогеографическое единство идиомов, которые соприкасаются в границах социума и взаимодействуют между собой, и функциональные отношения между этими идиомами на определенном этапе существования данного языкового сообщества [Беликов 2001: 26].

Белорусский язык (Беларуская мова) – один из трёх восточнославянских языков, распространённых в основном в Белоруссии и восточной Польше. Государственный язык Республики Беларусь (наравне с русским). Общее число говорящих – около 7-8 млн человек.

В Белоруссии, на наш взгляд, представлена единая языковая ситуация с несколькими подситуациями. Основная подситуация включает в себя русский и белорусский языки и промежуточные между ними формы речи.

Другие подситуации представлены:

- на западе страны, где к основным языкам добавляется польский язык в литературной и диалектных разновидностях;

- на северо-западе, на границе с Литвой, где к основным языкам добавляются островные литовские говоры;

- среди евреев, сохраняющих в быту язык идиш; в этой подситуации сейчас присутствует еще только русский язык, а сама подситуация уже практически исчезла, хотя в довоенные годы занимала важное место в общей языковой ситуации;

- на юго-западе страны, в Западном Полесье, где место белорусского языка занимают полесские говоры, структурно приближающиеся к украинскому языку.

Русский язык в Белоруссии гораздо более однороден, но также представлен несколькими вариантами. Литературный русский в своих письменной и разговорной формах распространен повсеместно, однако степень владения им варьирует от хорошего литературного языка, максимум с легкой белорусской интонацией, до сильно смешанной речи, которая уже скорее относится к трасянке. Наравне с русским и белорусским языками в Белоруссии существует и промежуточная форма смешанной речи – так называемая «трасянка». Трасянка имеет, как правило, белорусскую фонетику и интонацию, смешанную морфологию и двойной набор лексики. Определить основу трасянки – русскую или белорусскую – реально очень сложно из-за близости языков и большого количества отклонений от нормы. «Считается, что смешанная относится к тому языку, к какому относится грамматический строй речи. В практике же бывают случаи, когда, например, предлог белорусский, а окончание русское (*аб чалавеке*) или, наоборот, союзы белорусские, что затрудняет использование этого принципа» [Вешторт 1999: 98]. Вот один из примеров трасянки: Шчас *пагляджу, якіе сапожкі прадаюць* (Минск). Здесь налицо белорусская фонетика (шч, дж, -ць); лексика представлена и белорусской (*якіе*) и русской (*шчас* (=сейчас), *сапожкі*), лексема *прадаюць* (продают) и *пагляджу* (погляжу) есть как в русском, так и в белорусском языках. Большое количество примеров представлено в статье Г.А.Цыхуна [Цыхун 1998].

Литература

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М., 2001.

Вешторт Г.Ф. Смешанные формы речи // Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. – Минск, 1999.

Цыхун Г.А. «Трасянка» як аб'ект лінгвістычнага даследавання // Беларуская мова у другой палове XX стагоддзя. – Минск, 1998.

Электронные ресурсы

Web: <http://ru/science.wikia.com/wiki/>

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ДИСКУРСЕ»

В статье рассматривается проблема псевдонаучного употребления слова «дискурс» в отечественной лингвистике: очерчивается история проблемы, нынешнее положение дел. В заключение приводится представляющийся продуктивным подход к изучению дискурса, предложенный профессором В.Л. Наером и разрабатываемый сегодня представителями его школы.

Ключевые слова: дискурс, текст, речевое произведение.

Alexander Zaytsev

ON THE NOTION OF DISCOURSE

This paper provides an overview of some faulty, as well as sound, approaches to the notion of discourse in Russian linguistics. The very word 'discourse', having been borrowed from English into Russian, has paradoxically become a stumbling block to most scholars working in the field of text linguistics.

Key words: discourse, text, pragmatics, speech unit.

Появление и развитие (точнее, массовое распространение, популяризация) термина «дискурс» в российской лингвистике не лишены курьезности.

Не секрет: соприкосновение языков дает порою особенные результаты. Например, слово «киллер» – англицизм, закрепившийся в русском языке. Какое значение придали мы, русские, этому слову? – «наемный убийца». А каково значение слова *killer* в английском языке? – *a person, animal, or thing that kills*¹; если имеется в виду человек, то это «убийца вообще» – субъект, из-за действий которого (возможно, непреднамеренных) кто-то погиб. Наемный убийца – *assassin, hitman, goon, thug, contract killer*.

Иногда такие результаты межъязыковых контактов в определенном смысле полезны; иногда безвредны; иногда не совсем: они (являющиеся следствием ошибок, заблуждений, случайностей) могут рождать целые ответвления в серьезных сферах деятельности. Пример (отчасти напоминающий ситуацию с английским *discourse*, французским *discours* и русским «дискурс») – из области русского искусства, которое (как и лингвистика) не может не иметь связи с философией. Елена Петровская в статье «Спектаклей и хлеба!» пишет:

«Иногда дурную услугу современному искусству оказывает современная теория. Вернее, перевод ее на русский. Именно это произошло со знаменитой книгой француза Ги Дебора «Общество зрелища» («*La société du spectacle*», 1967). В том, что Дебор обсуждает зрелищный – зримый, видимый, наглядный – характер общества потребления, в котором мы живем, сомневаться не приходится. В центре его внимания находятся образы, причем настолько могущественные, что они насквозь опосредуют собой общественные отношения. Именно Дебор вдохновит другого известного теоретика Фредрика Джеймисона на мысль о том, что все сегодня опосредовано культурой: сама

идеология явлена нам преимущественно в зримых формах, а образ (прямое повторение Дебора) есть не что иное, как полноправный товар.

Иными словами, никакой продукт уже неотделим от его рекламного двойника, более того – образы потребляются не меньше, чем собственно материальные продукты. Пример, приводимый Джеймисоном, прост: новая модель машины – это образ, который о нас составляют другие, следовательно, мы потребляем не столько саму вещь, сколько ее абстрактную идею. Образ, по Дебору, – последняя и крайняя форма товарного опредмечивания.

Но русские переводчики не пошли по пути очевидности. В их интерпретации «общество зрелища» превратилось в «общество спектакля» [Дебор 2000]. Частный случай зрелищности, а именно театральное представление, стал для них ключом ко всему многообразию визуальных образов в культуре. Почему так произошло, понять невозможно [Петровская 2011].

Итак, установлен и доказан не только факт ошибки, но даже ее «авторство». Однако особенно интересно следующее:

«<...> дело не ограничилось неудачным переводом, а они в гуманитарной сфере, увы, растут по экспоненте. "Спектакль" пустил свои глубокие и причудливые корни в умах актуальных художников. Первым, кто купился на «спектакль», был не кто иной, как оформитель русского издания Дебора, а именно акционист Анатолий Осмоловский. Он провозгласил свой подход к искусству нон-спектакулярным. Это очень впечатляет. То есть если вы не в состоянии тут же сделать перевод, то перед вами открываются бездны. Одно дело сказать, что вас интересуют незрелищные формы искусства, и совсем другое – "нон-спектакулярность"» (там же).

Откуда пришло в отечественную лингвистику слово «дискурс», сходным образом пустившее в умах российских лингвистов

¹ Oxford Dictionary of English, 3rd Edition © Oxford University Press 2010. Цит. по: ABBYY Lingvo X5.

корни глубокие и, в некоторой степени, причудливые? Чем объяснить массовое, отмеченное предельным разномыслием использование его русскими лингвистами сегодня? Чем объяснить известную настойчивость, с которой многие отечественные исследователи возвращаются к нему вновь и вновь, вводят его в свои труды по любому поводу, не всегда задумываясь о целесообразности?

Попробуем ответить (хотя внимательный читатель, конечно, частично смог вывести ответ на последний вопрос из процитированного фрагмента статьи Е. Петровской).

Слово «дискурс» пришло в нашу науку из англоязычных и франкоязычных работ по лингвистике и философии.

Взглянем на английское *discourse*. Слово это используется носителями английского языка (и лингвистами в том числе) *нетерминологически* несколько столетий. Вот его значения из Оксфордского словаря:

written or spoken communication or debate;

a formal discussion of a topic in speech or writing;

a connected series of utterances; a text or conversation².

Последнее – с пометой *Linguistics*.

Получается, что рассматриваемая лексическая единица в английском языке может означать и «вербальную коммуникацию» вообще, и «форму речи», и «сферу вербальной коммуникации», и «текст», и «речь» (мы имеем дело с *многозначным* словом). Но для всего этого, как видим, есть соответствующие русские слова и словосочетания.

Слово *discourse* англоязычными исследователями в большинстве случаев используется именно как *нетермин*.

Ранние попытки *терминологического* употребления этой английской вокабулы отечественные языковеды возводят к Зелигу Харрису (а французской – к Эмилю Бенвенисту) – см., например, (Милевская). Считается, что два вышеназванных ученых положили начало «переосмыслению» этого

слова, которое далее все принялись использовать уже в некоем новом понимании.

Но проведем небольшой обзор. Вот английский лингвист Джордж Кэмбелл (George Campbell), живший в первой половине девятнадцатого века, в работе *Philosophy of Rhetoric* пишет:

Syntax regards only the composition of many words into one sentence; style <...> regards further the composition of many sentences into one discourse. (Цит. по: (Levinson 1983)).

Очевидно, что для Кэмбелла традиционным было употребление слова *discourse* в значении «текст».

А вот пример из фундаментального труда Стивена Левинсона *Pragmatics*, увидевшего свет в 1983 году:

Discourse deixis concerns the use of expressions within some utterance to refer to some portion of the discourse that contains that utterance [Levinson 1983].

Как видим, и полтора столетия спустя слово употребляется в том же значении. *Discourse* здесь понимается либо как «текст», либо как «речевое произведение» (это словосочетание, заметим, давно уже используется в отечественно лингвистике).

Ниже другие примеры – из объемной лингвистической работы Роберта Алена де Богранде. Она называется *A New Introduction To The Study Of Text And Discourse* и была опубликована в 2004 году.

Судя по названию, понятия *text* и *discourse* автором разводятся. Посмотрим, насколько. Вот де Богранде пишет:

<...> dramatic trends in official and international discourse <...> [de Beaugrande 2004].

В данном случае слово *discourse*, очевидно, употребляется *нетерминологически* – в значении «совокупность каких-либо речевых произведений», т.е. обозначает сферу вербальной коммуникации (см. словарные дефиниции, приведенные выше). В английском языке это вполне допустимо – ведь (по-

² Oxford Dictionary of English, 3rd Edition © Oxford University Press 2010. Цит. по: ABBYY Lingvo X5.

вторим) слово *discourse* имеет разные «ненаучные» значения и постоянно используется в таковых и в лингвистических работах. (Ср. с русским «язык»: «русский язык и язык медицины», «язык СМИ» – такие обороты можно встретить во многих современных русскоязычных лингвистических публикациях.)

Другой пример из труда де Богранде – исследователь замечает в предисловии, что старался писать книгу просто, дабы она была доступна и понятна всем:

On the ‘stylistic’ side’, by the same reasoning, my own discourse must remain clear and accessible even when the issues grow complex or controversial (ibid.).

Мне (как переводчику) ясно, что и здесь слово *discourse* использовано нетерминологически и означает – индивидуальные особенности письменной речи автора.

Далее, в том же абзаце:

...discourse itself is ‘work in progress’ in the dual senses that its essence is to seek inclusion and that it can always be rendered more inclusive (clearer, more accessible, more user-friendly, etc.) (ibid.).

Здесь *discourse* – это конструирование и понимание речевых произведений в собственно языковом, когнитивном, политическом, социальном, культурном аспектах. То есть – опять «общезыковое» значение – «вербальная коммуникация». Автор, очевидно, не ломает себе голову, пытаясь придумать новые значения старому английскому слову. Он не ссылается здесь на философов-постмодернистов или представителей иных отраслей знания. Получается, что и фигурирующие в названии существительные *text* и *discourse* могут быть переведены как «текст» и «вербальная коммуникация».

Между тем, как мы уже сказали выше, некоторые российские лингвисты утверждают, что в 1950-е годы Эмиль Бенвенист и Зелиг Харрис, используя, соответственно, слова *discours* и *discourse*, заложили новое понимание их (впрочем, те же исследователи признают, что оба слова традиционны для лингвистики и в англоговорящих странах, и во Франции – например, (Милевская)).

Что же: Э. Бенвенист писал о «речи, присваиваемой говорящим», а З. Харрис начал исследовать текст не как набор предложений, но как совокупность высказываний и как последовательности высказываний. Такой взгляд на речевое произведение – не столько в его статичном, «изолированном», «узколингвистическом» аспекте, сколько в экстралингвистическом плане – был вполне в духе развивавшейся коммуникативной лингвистики, в русле становления прагматики как направления лингвистических исследований. Утверждать же, что слова *discours/discourse* после этого превратились в особый новый термин, обозначающий что-то совершенно и принципиально для лингвистики новое и ранее никогда не изучавшееся, неверно. (Да и, по замечанию В.Л. Наера (см. [Наер 2004]), что вообще нового в изучении языка в действии?)

Безусловно: для французской философской «школы» (Мишель Фуко и др.) *discours* – это речь, «окрашенная» социально-политическими и идеологическими веяниями эпохи. Но: с одной стороны, это не противоречит одному из значений французского слова *discours*; с другой стороны, нет ничего странного в том, что, исследуя вербальную коммуникацию, так сказать, «с высоты птичьего полета», философы интересуются, прежде всего, не вербальной коммуникацией как таковой, а идеями, распространяющимися в обществе, господствующим «мироощущением», то есть делают акцент именно на неязыковых ее особенностях. Для них вербальная коммуникация – не объект исследования, а средство для исследования иных феноменов. Но ведь мы – языковеды; несмотря на всё влияние философской мысли на другие отрасли научного знания, лингвистика – это не философия, и применение междисциплинарного подхода не отменяет существования собственно лингвистики.

Слова *discourse/discours* как лингвистические термины, действительно, применялись и применяются. Например, Карел Гаузенблаз в работе *On the characterization and stratification of discourses*, написанной в 1966

году, предложил различать простые и сложные discourses, а также зависимые и независимые. (И, что примечательно, в контексте его статьи переводчик предпочел перевести discourse на русский язык как «речевое произведение» (см. [Гаузенблаз 1978]). В связи с этим подчеркнем, что многие термины являются таковыми только в рамках определенной системы взглядов конкретного автора или научной школы; они не приобретают универсальности.

Проблема употребления слова «дискурс» в российской лингвистике *сегодня* такова: часть исследователей (немногочисленная) применяет его последовательно и – простите за простоту – разумно; другая же часть поступает иначе. Основная ошибка последних, пожалуй, в том, что они, с одной стороны, пытаются придать русской вокабуле все мыслимые значения английского и французского слов, с другой же стороны, стремятся «записать» эту вокабулу *в термины*, то есть в разряд слов, обозначающих строго определенное научное понятие.

Оговоримся: мы не хотели бы видеть ограничения попыток расширения филологии; мы лишь хотим иметь при этом минимальные необходимые «условия взаимопонимания» (см. [Фрумкина 2011]), а также желали бы отбросить то, что Мандельштам (говоря, конечно, о мире поэзии) называл «просто ерундой».

«Многогранностью понятия “дискурс”» отдельные исследователи пытаются объяснить бессистемное употребление красивого заимствования, употребление во многих **взаимоисключающих** вариантах. Цитируя один только (!) сборник научных трудов, В.Л. Наер отмечал, что: такой-то автор понимает дискурс как речь вообще; другой автор пишет о «манипулятивном дискурсе» – то есть, понимает дискурс как прагматически ориентированный тип речи; третий автор пишет о «диалогическом дискурсе» – то есть, воспринимает дискурс как

структурно дифференцированную речевую разновидность; четвертый автор пишет о «политическом дискурсе», пятый – об «экологическом дискурсе» и «педагогическом дискурсе»: эти исследователи, очевидно, понимают дискурс как сферу человеческой деятельности; шестой и седьмой авторы пишут о «научном дискурсе» и «публицистическом дискурсе» – то есть, понимают дискурс как функционально-стилевую разновидность, приравнивают дискурс к функциональному стилю (Ю.Н. Караулов указывал на то, что в англоязычных работах слово discourse часто использовалось для обозначения таких сущностей, как функциональные стили, именно потому, что на западе не было понятия «функциональный стиль»); восьмой автор пишет о «дискурсе фашизма» и «дискурсе коммунистической партии СССР»: для него дискурс – это идеологически дифференцированная форма речи (см. [Наер 2004]). Следует ли считать все эти словосочетания терминологическими или квазитерминологическими? Свидетельствует ли полное отсутствие общего видения о «прогрессе в науке»?

Однако многие лингвисты либо не знают о такой критике, либо стараются ее не замечать. Более того, вот что пишет один исследователь в статье «К проблемам понимания термина “дискурс”», (опубликованной в сборнике «Молодой ученый»):

«Определение дискурса до сих пор остается в центре внимания современных научных обсуждений, в этом и есть его актуальность и научная ценность» [Сычева 2011: 42].

Такая формулировка, конечно, вызывает улыбку. Но, похоже, что для очень многих деятелей лингвистической науки сегодня «дискурс» представляет ценность именно своей размытостью, нечеткостью и неопределенностью. «Мы не знаем, что мы изучаем; но наши попытки понять, что мы изучаем – и есть наш вклад в развитие науки», – словно заявляют они³.

Примеров можно привести сотни – но

³ Подчеркнем: в настоящей статье мы рассматриваем только ситуацию в России. Однако, вот, к примеру, цитата из статьи о положении дел в Германии: «В последнее десятилетие к числу самых популярных методов исследования в общественных и гуманитарных науках все чаще относят дискурс-анализ. К сожалению,

мы, будучи ограниченными рамками статьи, остановимся только на одной диссертации – «Аксиологические аспекты британской рекламы (на материале журнала “The Economist”» [Ваничкина 2010].

Касаясь (кажущейся автору важной) проблемы соотношения рекламного текста и *рекламного дискурса* (при том что далее автор проводит анализ материала, в основном, *на уровне предложения*), в параграфе 2 и его подразделах он предпринимает обзор взглядов на то, что можно считать текстом и дискурсом, и заявляет о намерении выработать понимание терминологического словосочетания «рекламный дискурс». На странице 22 «под термином “рекламный дискурс” понимается многоэтапный процесс создания рекламного продукта»; на странице 25 рекламный дискурс характеризуется как «вид коммуникации»; в разделе 2.1.2. понятие «рекламный дискурс» встраивается в некую систему как «разновидность институционального дискурса»; на странице 32 автор определяет «рекламный дискурс как связный, вербально-невербальный, письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации (а именно: прессой), взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» (авторская пунктуация сохранена); наконец, на странице 33 автор вводит четвертый вариант понимания термина «рекламный дискурс», выделяя «журналь-

ный рекламный дискурс». «Вывод»: автор диссертации говорит о «расплывчатости понимания» дискурса, устранить которую на современном этапе развития языкознания, по-видимому, не под силу ни одному специалисту – «понятийный диапазон термина на дискурс очень широк» [Ваничкина 2010: 27]. И так, в своей готовности изучать дискурс автор не идет дальше заявления о ней. Повторим: сотни работ, тысячи страниц диссертаций посвящаются таким (не будем лукавить) малопродуктивным изысканиям.

Голоса лингвистов, которые рассуждают о дискурсе гораздо более содержательно, словно не слышат. Процитируем В.Л. Наера, который в статье «Дискурс и текст: речевое произведение» [Наер 2004] очертил понятие «дискурс», на наш взгляд, наиболее удачно:

«И текст и дискурс могут быть осмыслены и как абстрактные явления, и как конкретные реализации. На уровне абстракции текст – это инвариантная структура, обусловленная рядом специфических текстовых категорий <...>. Дискурс – инвариантная система коммуникативно значимых параметров – экстралингвистических (темпоральных, локальных, антропоцентрических, культурологических), прагматических, социальных. На уровне конкретики и текст и дискурс, являясь реализациями соответствующих абстрактных структур и систем, оказываются тесно слитыми двумя сторонами одной коммуникативной сущности – речевого произведения. Они не противопоставлены друг другу, а представляют собой двуединую сущность, с которой мы, как правило, имеем дело в исследовательской практике.

несмотря на многообразие публикаций, затрагивающих как теорию дискурса, так и концепции дискурс-анализа, весьма проблематично найти конкретные эмпирические исследования с подробным описанием проведения дискурс-анализа. Это, несомненно, затрудняет выбор модели дискурс-анализа, наиболее эффективной для того или иного исследования, особенно, если принимать во внимание существование разнообразных трактовок понятия «дискурс», и соответственно, различных подходов к его изучению. С подобными проблемами сталкиваются не только российские, но и немецкие исследователи» (Ушанова). Между прочим, показательно фигурирование в приведенном фрагменте слова «популярный» – как ни странно, разговор в таком ключе заводится часто и весьма именитыми учеными – ср.: «<...> сегодня предпочитается дискурсивный анализ» [Кубрякова: 2001]. А главное – опять-таки – то, что «найти конкретные эмпирические исследования с подробным описанием проведения дискурс-анализа» «проблематично».

Нет между ними и иерархических отношений, которые им иногда приписывают <...>. Они равноправны и представляют собой две стороны одной медали. <...>

Текст – сторона речевого произведения, обращенная к языку (лингвистическая сфера), дискурс обращен к миру (экстралингвистическая сфера). Текст дискретен и статичен, дискурс подвижен и процессуален. Дискурс напрямую связан с актом коммуникации, с иллюкуцией. Текст является вербальным отражением иллюкутивного акта – эксплицитным, а чаще имплицитным его результатом, следствием, вместилищем перлюкации. В дискурсе отчетливо проявляется эго адресанта, его личность, картина мира, позиции, оценки, идиосинкразии, эмоции, намерения. В тексте вербализован (лексика, грамматические структуры, фонологические и стилистические средства) отблеск этих параметров. Дискурс ориентирован на концептуальную сферу человеческой деятельности; текст – на вербальную. Дискурс – объект творящего его адресанта. Текст – объект декодирующего адресата. И существуют они лишь в совокупности в рамках реального речевого произведения. Поэтому текстовой и дискурсивный анализ неразделимы и взаимодополняемы: интерпретируя вербальные структуры, образующие текст, мы получаем доступ к концептуальной и эмоциональной сферам дискурса. А эмоциональное отражение окружающего мира и концептуализация сфер и форм человеческой деятельности в дискурсе вербализуются соответственно средствами стилистической маркированности и разнообразными формами стилевой и иной вариативности в тексте.

<...>

Работая с конкретными речевыми произведениями, не продуктивно противопоставлять текст и дискурс, текстовой и дискурсивный анализ, отрывать их друг от друга или пытаться нащупывать ту границу, на которой происходит перевоплощение всего комплекса концептуального и эмоционального, семантического и прагматиче-

ского в вербальное. Желательно, думается, учитывать и использовать все текстовые и дискурсивные аспекты и параметры речевого произведения для извлечения максимума содержательно-смысловой, прагматической и стилистической информации» [Наер 2004: 11-12].

Профессор Наер предложил *отказаться от дискурса как таксономического критерия* (поскольку «построенные на его основе таксономии умозрительны, гетерогенны и безграничны по объему» [там же: 12]), предложил вариант понимания дискурса *именно как лингвистического термина*, который может стать основанием, объединяющим исследователей в дальнейшем изучении дискурса.

Итак, мы предприняли попытку показать, что, с одной стороны, целью лингвиста не может быть «упрощение» понятия «дискурс», сведение его к какому-то короткому определению в духе школьных учебников, но что, с другой стороны, изучение многоаспектного понятия во всей его сложности не следует подменять ненаучным описанием под эгидой квазитермина всего, чего угодно. Любой ученый первого ряда (каким, на наш взгляд, был В.Л. Наер), занимаясь той или иной проблемой, конечно, в известной степени, начинает с чистого листа; в то же время, его движение вперед немислимо без преемственности, упорядоченности идей, созвучия их с идеями других исследователей.

Надо также понимать, что и ведущие ученые иногда «дают сбой», однако их положение в науке уже столь прочно, что любые их взгляды принимаются научным сообществом без возражений. Так, какое-то время назад использование определения «когнитивно-дискурсивный» в любой работе автоматически придавало ей «новизну», «актуальность», «теоретическую значимость» и «практическую ценность». Возможно, дело еще и в особом влиянии на всех нас так называемых «спектаклей», в привязанности к броским словечкам иностранного происхождения, в невозможности оторвать образ

современного гуманитария-интеллектуала от жонглирования «учёными» вокабулами («дискурс» – только одна из них), которые превратились в «ярлыки», «опознавательные знаки» специалиста, находящегося «на переднем крае науки». В таком случае я выступаю за «нон-спектакулярность» лингвистики.

...Думается, разговор о «дискурсе» мог бы стать поводом и для разговора на более широкую и сложную тему – о том, что в филологии наблюдается неудовлетворенность

освоенными способами выражения мысли. В то же время, «законсервированными» остаются представления о том, как должна оформляться «научная мысль» (по крайней мере, на русском языке). С одной стороны, ученые хотят, вроде бы, большей «свободы» изложения; с другой стороны, отказ от терминов и всего, что влечет за собою их бытование, представляется им невозможным.

В конечном счете, мышления «научного» и «ненаучного» нет⁴. Есть шаблоны, в которые мы иногда мышление загоняем.

Литература

Ваничкина А.С. Аксиологические аспекты британской рекламы (на материале журнала “The Economist”): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 207 с.

Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8, Лингвистика текста. – М., Прогресс, 1978. – С. 57–78.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81.

Милевская Т. Дискурс и текст: проблема дефиниции // <http://teneta.rinet.ru/rus/milevskat-discourseandtextdfn.htm>

Наер В.Л. Дискурс и текст: речевое произведение // Вестник МГЛУ. Вып. 496. – М., 2004. – С. 7–15.

Петровская Е. «Спектаклей и хлеба!» // <http://polit.ru/article/2011/10/21/al211011/>

Сычева Е.В. К проблемам понимания понятия «дискурс» // Молодой ученый. – 2011. – №3. Т.2. – С. 42–46.

Ушанова И.А. Возможности применения методов дискурс-анализа в междисциплинарных проектах // Проект: Открытость в образовании как фактор сближения России и Европы в процессе глобализации // http://mion.novsu.ac.ru/display_analyticsitem?id=300250072608

Фрумкина Р.М. Рецепция классики в лингвистике. Критика оснований в лингвистике и вокруг // Вопросы психолингвистики. Вып. 2 (14). – М., 2011. – С. 181–193.

Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович / Под ред. Б. Скуратова. Послесл. А. Кефал. – М.: «Логос», 2000.

de Beaugrande, R.A. A New Introduction to the Study of Text and Discourse. Discursivism and Ecologism // beaugrande@beaugrande.com

Levinson, S.C. Pragmatics. – Cambridge Univ. Press, 1983. – 420 p.

⁴ Вспомним, что экзистенциализм, например, был «изобретен» вовсе не философами, а отдельными русскоязычными поэтами и европейскими прозаиками в 1920-30-е годы; слово придумали позже – первооткрывателям оно едва ли было бы нужно.

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ**

Настоящая статья посвящена проблеме формирования социолингвистической компетенции, вторичной языковой личности и исследованию теоретических основ диалога культур.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, социолингвистическая компетенция и ее компоненты, диалог культур, инструментально-адаптивный и герменевтический подходы, вторичная языковая личность, система упражнений, нестандартный урок.

S.E. Zaitseva

**STUDY OF METHODS OF FORMATION OF SOCIOLINGUISTIC COMPONENT
OF COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE ENGLISH LANGUAGE TEACHING**

This article is devoted to the problem of formation of sociolinguistic competence, the secondary language personality and a study of the theoretical foundations of the dialogue of cultures.

Key words: communicative competence, sociolinguistic competence and its components, the dialogue of cultures, instrumental-adaptive and hermeneutic approaches, secondary linguistic personality, system of exercises, non-traditional lesson.

Новые условия профессиональной деятельности потребовали пересмотра как общей методологии, так и отдельных методов и приемов обучения иностранным языкам. Стремительное вхождение России в мировое сообщество, интеграционные процессы в различных сферах политики, экономики, культуры, идеологии, смешение и перемещение народов и языков поднимают проблему межкультурного общения, взаимопонимания участников общения, принадлежащих к разным культурам. Таким образом, за последние несколько лет межкультурная коммуникация, способы формирования социолингвистической компетенции и развитие вторичной языковой личности как необходимое условие успешного участия в межкультурном общении стали объектом многочисленных исследований как в российской, так и в западной методике.

Лингвистика, лингводидактика, психолингвистика, методика преподавания иностранных языков сосредоточили внимание исследователей на взаимовлиянии языков и культур, развитии личности учащегося через участие в межкультурной коммуникации. Следовательно, первостепенное значение приобретает решение задач, связанных с развитием качеств личности нового типа – участника межкультурного контакта.

Максимальное развитие коммуникативных способностей, умение работать с иноязычной информацией – вот основная, перспективная, но очень нелегкая задача, стоящая перед преподавателями иностранного языка. Для ее решения необходимо, с одной стороны, освоить новые методы обучения, направленные на развитие всех четырех видов речевой деятельности, формирование лингвистической, социолингвистической и прагматической компетенций, а с другой, создать принципиально новые учебные материалы, с помощью которых можно научить эффективно общаться.

Культуроведческая направленность лингводидактических и методических исследований приводит к рассмотрению теоретических и практических вопросов в свете

социокультурного контекста.

При характеристике достигаемого в результате обучения широко используется термин *компетенция*, введенный американским языковедом Н. Хомским. Он используется для обозначения присущей человеку способности к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретенных в ходе обучения знаний, навыков, умений, опыта работы (от лат. *competentis* – способный).

В процессе социального взаимодействия человек развивает ряд компетенций, а именно общие и коммуникативные компетенции. *Общие компетенции* не являются языковыми, они обеспечивают любую деятельность; *коммуникативные компетенции* позволяют осуществлять деятельность с использованием собственно языковых средств.

Формирование у студентов коммуникативной языковой компетенции является приоритетной задачей обучения иностранному языку.

Коммуникативная компетенция представляет собой способность осуществлять речевую деятельность средствами изучаемого языка в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности. В ее основе лежит комплекс умений, которые позволяют участвовать в речевом общении в его продуктивных и рецептивных видах. Коммуникативная компетенция состоит из лингвистического, социолингвистического и прагматического компонентов. Нас интересует феномен социолингвистической компетенции.

Социолингвистическая компетенция отражает социокультурные условия использования языка. В силу ориентации на социальные нормы (правила хорошего тона, нормы общения между представителями разных поколений, полов, классов и социальных групп, языковое оформление определенных ритуалов, принятых в данном обществе), социолингвистический компонент коммуникативной компетенции оказывает большое влияние на речевое общение между представителями разных культур.

Современные процессы глобализации, характерные практически для всех сфер жизни, обусловили активизацию межкультурной рефлексии и, как следствие, одной из основных целей обучения иностранному языку стало формирование *социолингвистической компетенции*, владение которой позволяет человеку использовать иностранный язык как инструмент общения в диалоге культур и цивилизаций современного мира, так как даже при отсутствии языкового барьера культурные расхождения могут стать препятствием для общения представителей разных стран. Для успешного ведения диалога культур человек должен, во-первых, знать определенную систему фактов культуры страны изучаемого языка и, во-вторых, иметь опыт общения с фактами иноязычной культуры.

Идея диалога культур не является новой, она уже рассматривалась как в философии, истории культуры, так и в эстетике, литературоведении и нашла свое отражение в работах многих отечественных и зарубежных исследователей, которые рассматривают диалог культур как встречу равноправных субъектов личностей культур, когда один смысл раскрывает свои глубины с помощью другого, преодолевая замкнутость и односторонность.

Разрабатывая концепцию диалога культур, ученые также вкладывают в это понятие отношение культуры к культуре как равноправной во всех ее отношениях, интересной и нужной именно в ее уникальности и непохожести.

Таким образом, при исследовании этого вопроса ученые приходят к выводу не только о своеобразии различных культур и возможности раскрытия их через диалог, но и о наличии диалога как жизненно необходимого условия в современном мире на основе уважения, взаимопонимания, толерантности и открытости по отношению друг к другу.

В исследованиях теоретических основ диалога культур могут быть выделены два подхода: инструментально-адаптивный и герменевтический, которые отличаются по

целям исследования и выводам, методологии, проблемному полю и типам ситуации межкультурного взаимодействия.

Так, инструментально-адаптивный подход изучает методы и механизмы диалога культур, процессы обмена информацией и повышения эффективности контактов представителей различных культур. Целью данного подхода является достижение наиболее комфортного состояния человека в инокультурной среде, приспособление к ней, а также наиболее эффективное достижение собственных целей в новых ситуациях общения.

Герменевтический подход, в свою очередь, наполняет диалог культур таким содержанием, где во главу ставится динамика внутреннего развития человека при изменении его мотивов, ценностных ориентаций, познавательных структур в целом, при знакомстве и понимании иных культурных миров. Данный подход позволяет развивать, обогащать личность участника диалога культур, наполняя ее более полным осознанием и пониманием как своей, так и чужой культуры на основе разделения инокультурных ценностей, а также характеризующейся ростом самосознания и осознания себя носителем своей собственной культуры. Следовательно, это не адаптация к инокультурной среде, когда не предусматривается возможность и необходимость развития человека в ходе познания новых культур, а формирование понимающей и развивающейся личности. Более того, культурные различия не исключаются, не вызывают привыкания, напротив осознаются человеком и оцениваются позитивно, как один из существенных факторов мирового культурного наследия в целом и каждого индивида в отдельности.

Оба подхода обращают внимание на то, что стирание межкультурных различий не может быть признано критерием и формой развития мировой культуры, а только конструктивный диалог может выступить основой сосуществования самобытных культур на современном этапе развития мирового сообщества.

Сравнительно-исторический анализ взаимодействия культур, проведенный на материале различных наук (философии, культурологии, этнографии), позволяет понять характер отношений между культурами, которые находят свое отражение в таких процессах, как соприкосновение, контакты между народами, избирательный обмен культурными ценностями в различных формах и проявлениях, изменение чужой культуры и ее влияние на другие.

Под *социолингвистической компетенцией* понимаются знания и умения, необходимые для понимания и продуцирования речи, соответствующей определенному контексту данного коммуникативного акта и ситуации общения; для эффективного использования языка в социальном контексте. Понятие ситуации общения включает в себя такие компоненты, как место и время коммуникативного акта, его цель, социальный статус говорящего и статус собеседников, отношения между собеседниками. К социолингвистической компетенции относится, в частности, умение выбрать нужный стилистический регистр языка в зависимости от ситуации общения: официальный, разговорный, нейтральный и т.д.

Социолингвистическая компетенция также обязательно включает в себя четкое представление о нормах речевого поведения, принятых в стране изучаемого языка. Ведь далеко не всегда сходным ситуациям общения в разных культурных сообществах соответствуют одинаковые языковые регистры или сходные модели речевого поведения. Нередко ошибки в выборе языковых единиц происходят из-за того, что нормы речевого поведения, принятые в культуре студента, он автоматически переносит на общение на иностранном языке.

Итак, социолингвистическая компетенция означает готовность и способность принимать адекватные решения в повседневных сценариях, достигая положительных результатов, осуществляя выбор адекватных моделей поведения и, что немаловажно с точки зрения диалога культур, сохраняя

свою индивидуальность и развивая способность к самопознанию.

Основными компонентами социолингвистической компетенции, которые должны формироваться у студентов, являются лингвистические маркеры социальных отношений, правила вежливости, народная мудрость, регистры общения и диалекты и акценты. Рассмотрим каждый из этих компонентов более подробно.

Лингвистические маркеры социальных отношений разных языков и культур могут варьироваться в зависимости от

- а) времени и места общения,
- б) цели общения,
- в) статуса общающихся,
- г) их отношений.

К лингвистическим маркерам социальных отношений относятся:

- выбор и использование формул приветствия (при встрече, знакомстве, прощании);
- выбор и использование форм общения (устаревшие, официальные, неофициальные, дружеские, властные, оскорбительные);
- выбор и использование восклицаний;
- условности при ведении диалога.

Правила вежливости являются исключительно важным компонентом социолингвистической компетенции, так как именно незнание их национальной специфики часто вызывает непонимание между носителями разных языков, особенно при буквальном истолковании стандартных выражений. К правилам вежливости относятся:

- позитивная вежливость (проявление интереса к собеседнику, обмен мнениями и впечатлениями, выражение восхищения, благодарности, вручение подарка, проявление гостеприимства);
- негативная вежливость (исключение неприемлемого поведения, выражение сожаления, извинение за некорректное поведение, использование выражений, смягчающих категоричность);
- намеренное отклонение от норм вежливости (выражение презрения, недру-

желюбия, раздражения, чрезмерная прямолинейность, жалобы, упреки, выражение чувства собственного превосходства);

- адекватное использование формул речевого этикета.

К *народной мудрости* относятся выражения, обобщающие многовековой опыт народа и являющиеся важной составляющей культуры. Они часто используются или обыгрываются в речи. Такие выражения являются важным языковым компонентом социолингвистической компетенции:

- пословицы и поговорки (a stitch in time saves nine);
- идиомы (a sprat to catch a mackerel);
- крылатые выражения (a man's a man for a'that);
- поверья, приметы (fine before seven, rain by eleven);
- выражения отношения (it takes all sorts to make a world);
- выражения оценки (it's not a cricket).
- *Регистры общения* зависят от коммуникативной ситуации и делятся на:
- торжественный: Pray silence for his Worship the Mayor!
- официальный: May we now come to order, please;
- нейтральный: Shall we begin?
- неформальный: Right. What about making a start?
- разговорный: O.K. Let's get going.
- интимный: Ready, dear?

На ранних этапах обучения рекомендуется использовать нейтральный регистр, так как общение между носителями языка и иностранцами или незнакомыми людьми проходит, как правило, именно в обычном регистре. Знакомство с более формальными или неофициальными регистрами может происходить на более поздних этапах обучения иностранному языку. Такие регистры следует использовать с особой осторожностью, поскольку их неверное употребление в ситуации общения может затруднить коммуникацию и поставить говорящего в неловкое положение.

Диалекты и акценты также являются компонентом социолингвистической компетенции, так как кроме знания культурных особенностей страны изучаемого языка она включает в себя умение распознавать язык человека с точки зрения его социальной принадлежности, места проживания, происхождения, этнической принадлежности и рода деятельности.

Это отмечается на уровне:

- лексики (шотландское lassie вместо girl);
- грамматики (на кокни I ain't seen nothing вместо I haven't seen anything);
- фонетики (нью-йоркское boid вместо bird);
- языка жестов.

Языковые сообщества неоднородны по своему составу, все регионы обладают своими языковыми и культурными особенностями. Специфические черты особенно ярко проявляются в речи носителей языка, круг общения которых ограничен людьми той же социальной или профессиональной принадлежности, уровня образования. Умение распознавать диалектные особенности говорящего позволяет узнать о собеседнике гораздо больше. Со временем студенты обычно приобретают опыт общения с носителями различных диалектов.

При взаимодействии с внешним миром человек формирует свою собственную модель мира, свои представления о нем. Картина мира многомерна, и она не копирует действительность, а создает ее знаковый образ, ее интерпретацию. Поэтому через изучение второго языка и связанной с этим реконструкцией языковой культуры другой страны, языковая личность наполняется новыми концептами и идеями, и следовательно, через их пересечение будут формироваться новые смыслы и новые понятия, которые и сформируют новую, *вторичную языковую личность*.

Признание языковой личности в качестве феномена и объекта изучения со стороны ряда смежных наук так или иначе требует переосмысления задач обучения по отно-

шению к обучению студентов неязыкового вуза. Из этого следует, что обучаемые как субъекты учебной деятельности в результате курса обучения должны располагать готовностью через социальную коммуникацию к распознаванию и пониманию смысловых и прагматичных черт члена другого языкового социума, к осмыслению картины мира иной социальной общности.

Отсюда следует, что подготовка студентов неязыкового вуза к успешному участию в общении на другом языке должна быть направлена не только на изучение самого языка, но и на развитие способностей идентифицировать иноязычные средства кодирования информации для подключения к концептам, актуальным в другой системе, осмысливать картины мира иной социальной общности, что способствует становлению вторичной языковой личности студента.

Итак, вторичная языковая личность должна обладать сформированной способностью реализовывать иноязычные лексико-грамматические конструкции, соответствующие нормам коммуникативной деятельности носителя языка. Речь идет о способности, позволяющей личности реализовать себя в рамках диалога культур, в условиях межкультурной коммуникации. Однако, следует отметить, что в речевом поведении каждой языковой личности можно выделить доминанты в силу их индивидуально-психологических особенностей, личностных установок, уровня образования, которые очевидно проявляют себя в гармоничном или дисгармоничном диалоге, и, следовательно, из-за которых появляются три основных типа языковой личности:

- конфликтная (установка на себя и против партнера);
- центрированная (установка на себя и игнорирование партнера);
- кооперативная (установка на себя и на партнера).

Именно диалогичность личности является важным фактором ее развития и делает ее в результате способной к участию в диалоге культур.

Таким образом, процесс становления вторичной языковой личности и формирования социолингвистической компетенции учащихся призван не только расширить их общий кругозор и общую компетенцию, но и привить им особую перцептивную способность постигать иную ментальность, иную стратегию и тактику жизни, а значит иной способ осмысления информации, затрагивающей любые стороны этой жизни.

Успешное познание этого мира с помощью нового языкового кода возможно лишь при условии интенсивной познавательной деятельности учащихся, их активного интеллектуального творчества, а также в ходе использования ими стратегий самостоятельных исследований. При этом особый акцент делается на личностные и эмоциональные компоненты восприятия иноязычной культуры при апелляции к индивидуальной картине мира учащегося, к его мнениям и оценкам, переживаниям и чувствам.

Как неоднократно упоминалось выше, процесс вхождения в иную культуру всегда связан с приобретением умений и навыков индивидуальной и социальной интеракции, умением интерпретировать инокультурные явления на основе анализа своего и чужого. Одной из самых сложных задач при формировании социолингвистической компетенции у студентов неязыкового вуза является создание комплекса заданий, упражнений и нестандартных уроков, нацеленных прежде всего на поддержание интереса к чужому, так как наряду с интересом всегда существует его неосознанное неприятие. Рассмотрим конкретный пример системы упражнений, которая, наряду с реализацией основных целей обучения иностранному языку, также способствует формированию социолингвистической компетенции и вторичной языковой личности студентов неязыкового вуза.

Содержание комплекса должно способствовать развитию потребности и способности направлять усилия студентов на поиск информации, желанию узнавать что-то новое о других людях, языках, культурах. С другой стороны, задания должны

быть нацелены на сглаживание негативных стереотипов всего того, что не совпадает с представлениями о своем и ином, постоянно приводя к выводу о непохожести мира и жизни вокруг нас как самого ценного качества, которым можно восхищаться. Таким образом, комплекс заданий и упражнений способствует положительному настрою учащихся в восприятии всего нового и непохожего на то, о чем они уже знают.

Также, исходя из целесообразности и взаимосвязи всех видов речевой деятельности при обучении иностранному языку, система упражнений, способствующая формированию социолингвистической компетенции и вторичной языковой личности студентов неязыкового вуза, должна состоять из заданий следующих типов:

Упражнения рецептивного характера (связаны с получением информации, т.е. знаний об индивидуальной и социальной интеракции, а также подготовкой студентов к межкультурному общению в учебных ситуациях).

Упражнений рецептивно-продуктивного характера (направлены на моделирование ситуаций межкультурного общения в устных формах. Главным аспектом этих упражнений является:

- снятие языковых трудностей, так как решаемые задачи связаны с обучением студентов неязыкового вуза с низким уровнем владения языком;
- формирование способности осуществлять адекватный выбор речевых формул и стилистических средств в соответствии с заданной ситуацией;
- развитие готовности анализировать ситуацию, принимать самостоятельные решения в проблемных ситуациях;
- умение интерпретировать инокультурные явления и адекватно реагировать на коммуникативные неудачи.

Упражнений рецептивно-репродуктивного характера (развивают критическое мышление студентов на основе сравнительного анализа культур и позволяют сформулировать самостоятельно разрабо-

танную точку зрения на то или иное явление в своей культуре и иносоциуме).

Основными требованиями к заданиям и упражнениям, развивающим социолингвистическую компетенцию и вторичную языковую личность студентов являются следующие положения: комплекс заданий и упражнений должен соответствовать критерию аутентичности и быть направлен прежде всего на развитие мотивации студентов как первоочередной задачи при обучении иностранному языку, что и может обеспечить в дальнейшем развитие личности и ее самодетерминацию через участие в межкультурном общении; задания и упражнения при формировании социолингвистической компетенции должны способствовать расширению тезауруса вторичной языковой личности студента как за счет получения необходимых знаний, так и за счет тренировки навыков и умений, связанных с социальной и индивидуальной интеракцией, готовностью оперировать полученными знаниями и интерпретировать инокультурные явления.

Формирование социолингвистической и шире коммуникативной компетенции студентов является одной из наиболее важных сторон деятельности учителя иностранного языка. Реализация практической цели обучения – выработка у учащихся умений соотносить языковые средства с задачами и условиями общения – невыполнима без формирования умения организовывать речевое общение с учетом социальных норм поведения, т.е. широкого фона предварительных условий, учитывающих особенности национальной культуры и традиций страны изучаемого языка. Если при организации своей вербальной стратегии учащиеся учитывают эту сторону коммуникации, их речевая деятельность будет успешной.

Эффективное решение практической, воспитательной, образовательной и развивающей целей обучения иностранному языку также требует знания исторических, культурных, религиозных, политических, экономических и т.д. особенностей тех стран и народов, язык которых преподается учащимся.

Данное обстоятельство обуславливает статус иностранного языка как дисциплины, способствующей гуманизации образования. Учащийся в процессе изучения иностранного языка выступает как его активный и полноправный участник, а сам процесс направлен на развитие самостоятельности учащегося, свободы его языкового творчества и личной ответственности за результативность обучения.

Методические положения, лежащие в основе формирования социолингвистической компетенции, можно свести к следующим:

- Коммуникативно-ситуативная направленность языкового общения.
- Ролевая или иная нестандартная организация учебного процесса.
- Вариативность процесса обучения, использование разнообразных способов реализации коммуникативных задач.
- Изучение системы страноведческих и лингвострановедческих фоновых знаний.
- Аутентичность использованных материалов.
- Максимально приближенные к реальной ситуации общения формы работы.

Нестандартные уроки также способствуют достижению социолингвистической компетенции и формированию вторичной языковой личности, поскольку они активизируют деятельность студентов, создают мотив для изучения иностранного языка и прививают к нему интерес.

Проведение нестандартных уроков в процессе обучения иностранному языку должно создать такие условия, чтобы общение стало стимулом к развитию спонтанной или подготовленной, монологической или диалогической речи учащихся. Для этого от преподавателя требуется:

- четко обозначить задание и цели урока. Студенты должны строить свое речевое поведение в соответствии с заданием;
- создать конкретный, лично-значимый контекст, который поро-

дает спонтанное личное поведение участников урока, при этом соизмеряя свои речевые действия с реакцией других студентов в рамках контекстуальной ситуации. Важно избегать формальных, нечетких заданий, когда у студентов отсутствует естественная речевая интенция;

- урок должен быть динамичным, интересно, многообразно организованным и ситуативным, связанным с решением определенных проблем и коммуникативных задач;
- создать дружелюбную и легкую атмосферу, в которой студенты будут осознавать не только необходимость, но и потребность выразить свою точку зрения. Для этого учителю следует искренне выражать свое отношение к участникам урока, оказывая им поддержку и доверие, давая им индивидуальные задания или допуская определенную степень самостоятельности в проведении отдельных фрагментов урока, либо в выборе способов достижения заявленных целей речевого общения;
- учитывать возрастные и личностные особенности студентов.

Нестандартному уроку предшествует стадия подготовки. Учащимся предлагается языковой материал, обладающий следующими основными характеристиками:

- Все упражнения направлены на формирование социолингвистической компетенции и содержат лингвострановедческую информацию как одну из основных составляющих этой компетенции.
- Использованные материалы аутентичны, они воссоздают реальные ситуации и проблемы жизни страны изучаемого языка в условиях практического занятия, что способствует более глубокому и полному усвоению учащимися лексики и грамматики, связанных с рассматриваемой проблематикой.
- В материал включены задания откры-

того типа, предполагающие самостоятельный поиск учащимися правильных ответов. Это стимулирует их речевую активность и обращение к лексическим реалиям изучаемого языка, имеющего свою национально-культурную специфику (устойчивые сочетания, закрепленные для данной ситуации формулы и регистры речевого общения, идиомы, крылатые выражения, пословицы и поговорки, составляющие языковое богатство народа).

Что касается типов упражнений, то они должны проводиться с учетом структуры самого процесса обучения речевому общению: преподавание (тренировка) и учение (практика). Основные типы упражнений, направленных на формирование и развитие навыков общения, – это условно-речевые и речевые упражнения. Первые направлены на формирование речевых навыков, способных к переносу при имитации процесса коммуникации. Речевые упражнения развивают речевые умения, сформированные ранее; они свободны от закрепления определенного языкового материала. Проведение этих упражнений составляет основу целенаправленной активизации, которая должна в дальнейшем перейти к этапу нерегулируемой, ненаправленной активизации, основными характеристиками которой выступают творческая работа учащегося с материалом, выбор индивидуальной линии речевого поведения, свободное проявление его инициативы, выявление собственных интересов и потребностей, желание экспериментировать и создавать новое.

Помимо упражнений учащимся дается обширная социокультурная информация: знакомство с существующими традициями и сторонами бытовой, организационной и производственной культуры страны изуча-

емого языка. Чем шире и разностороннее информированы участники урока об этих сторонах жизни носителей языка, тем эффективнее языковое общение и весомее достигнутые результаты.

Заслуживает внимания и психологический аспект приобретения коммуникативной компетенции и ее компонентов. Имея перед собой определенную поведенческую задачу, учащиеся пытаются выработать собственные подходы к ее решению, одновременно усваивая модели поведения жителей страны изучаемого языка, что служит дополнительным стимулом развития когнитивных, а также эмоциональных способностей. Как следствие, происходит совершенствование структуры речи, правил грамматического построения, развитие всех языковых навыков, осознание единства формы и содержания высказывания, что обеспечивает его безошибочность.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав такое понятие, как коммуникативная компетенция и ее основные компоненты, в том числе социолингвистическую компетенцию, обладание которой является непременным условием для успешного общения на иностранном языке, можно сделать вывод, что приоритетной задачей обучения иностранному языку на протяжении всего процесса обучения является формирование этих компетенций, а также становление в сознании студентов вторичной языковой личности. Результатом же непрерывного, целенаправленного и организованного языкового образования с акцентом на культуру страны изучаемого языка будет человек, умеющий организовывать свое речевое поведение в соответствии не только с фонетическими, лексическими и грамматическими нормами изучаемого языка, но и с национальной культурой его носителей.

НОУ ВПО «Московский институт лингвистики»
совместно с ФГБУН «Институт языкознания РАН»
выпускает журнал
«Вопросы психолингвистики»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс **37152**.

**КОНТАКТ ЯЗЫКОВ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ МОСКВЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ, НАНЕСЕННЫХ НА ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ)**

В докладе рассматривается изменение языка в повседневности, обусловленное глобализацией, лингвистический ландшафт как один из методов изучения изменений в языке. Также в докладе представлены эмпирические данные одной из областей исследования лингвистического ландшафта – детской продукции на территории г. Москвы.

Ключевые слова: повседневность, глобализация, лингвистический ландшафт.

G.I. Kuptsova

**LANGUAGE CONTACTS IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF MOSCOW
(BASED ON TEXTS, IMPRINTED ON CHILDREN'S TOYS)**

This report concerns the development of language in the every-day life caused by globalization, linguistic landscape as a new method of studying language in dynamics. Also the report provides the empirical data from one of the areas of linguistic landscape research – children's goods on the territory of Moscow.

Key words: everyday life, globalization, sociolinguistics, linguistic landscape.

Одним из способов исследования современной динамично меняющейся реальности является изучение *повседневности*. Повседневность в обыденном сознании предстает как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [Бергер, Лукман 1995: 138]. Поскольку наиболее важные для общества изменения происходят в городах, повседневность может быть описана при помощи анализа лингвистического ландшафта (ЛЛ) города. ЛЛ города – это видимое публично разнообразие языков на определенной территории [Backhaus 2007].

ЛЛ отражает социальные, культурные и общественные доминанты, присущие изучаемому городу. Эти качества ЛЛ делают его мощным инструментом в изучении взаимодействия языков, что позволяет выделить одну из наиболее ярких черт ЛЛ – мультилингвализм. Б.Спольски и Р.Купер, П. Бакхаус, Н. Купланд и другие исследователи рассматривали ЛЛ города именно с позиции контакта языков, с учетом проводившейся там государственной языковой политики. Таким образом, мы рассматриваем единицу ЛЛ с точки зрения языкового контакта государственного языка (чаще всего это официальный язык страны\города (в данном случае это русский язык) и другого языка (это может быть второй официальный язык, региональный язык или язык менее представленной этнической группы, в данном случае английский, и другие европейские языки), которые могут быть представлены в надписи.

В настоящее время понятие ЛЛ рассматривается широко, поэтому его изучение может подразделяться на области и фрагменты. Расширенное понимание ЛЛ позволяет рассматривать общественные знаки как индикатор изменения картины мира, например расширение семантической зоны *торговля, продажа*, расширение сферы действия логики рынка, трансформации модели человека [Кирилина 2011]. Одна из таких областей ЛЛ – знаки, адресованные детям (и их родителям, родственникам, опекунам и т.д.) и

представленные в виде текстов, нанесенных на детские игрушки.

Данное исследование проводилось в период 2012 г. в магазинах, специализирующихся на продаже детских товаров («Крошкн Дом»), а также супермаркетах и торговых центрах Москвы, имеющих отделы для детей («Перекресток», «РТС», «Метро», «Ашан»), было рассмотрено 700 предметов.

Анализ семиотики детских товаров показал динамично развивающийся контакт языков, где ведущую роль играет английский язык, который вторгается в функциональное пространство русского языка и даже вытесняет его. Другие иностранные языки также участвуют во взаимодействии, однако они представлены в меньшей степени. Таким образом, существуют четыре основные группы по количеству языков и их соотношению:

Игрушки с текстами только на русском языке (Рис.1-2):

Ученая улитка: учим цифры, мелодия из мультфильма, учимся различать геометрические фигуры и цвета, слушаем звуки, которые издают животные.

Коллекционная металлическая модель, нажми, экскурсионный автобус.

Игрушки с преобладанием текстов на русском языке. Тексты представляют собой описание игрушки в виде кратких предложений, передающих основную суть: назначение, краткая инструкция; рекламная информация. Чаще всего такие предложения оформляются крупным шрифтом и помещаются на фронтон коробки в виде построчных словосочетаний.

Например, игрушка для ванной *Стройка на воде* сопровождается следующим текстом (Рис.3):

Splish-Splash, Inteltoys.ru
 «Покачивается на воде»
 «Нескончаемый поток воды»
 «+Водное кольцо»
 «Подъемный кран»

Еще один пример – текст на упаковке игрушки *M.A.R.S. Heroes*. Заголовок – название игрушки – дан без перевода, только на английском – *M.A.R.S. Heroes* (рис.4). Дополнительная информация о назначении и функциях игрушки написана по-русски: *Игрушка-трансформер*. Информация, сообщающая о некоторых качествах, и рекламные призывы также даны на русском языке:

Все детали вращаются на 360 градусов.

Собери коллекцию героев серии Детали всех героев серии взаимозаменяемы.

Вторую группу тестов этого типа составляют те, в которых иностранный язык (в основном английский) представлен в виде слогана – названия (Рис 5). Слоган обычно помещается в верхней части коробки – слева, справа или посередине. Чаще всего это надпись, которая обозначает либо компанию-производителя, либо серию, частью которой является данная игрушка. Например, игрушки «Друзья на ферме» имеют слоган – *Laugh and Learn* (смейся и учи). Кроме того на коробку часто помещается название компании-производителя, на данном изображении это *Fisher Price*.

Рис. 5.

Широко представлена и серия *My Little Pony*.

Рис.6

Игрушки с текстами на английском языке.

Например, игрушка *Заводной джип* содержит следующий текст (Рис.4):

Chariot: Specification Colours and Contents. May Vary from Illustrations.
Real Sound!
Roll
Flashing
Action
Battery Operated

Рис.6

7 functions:
Brake
Forward
Forward Left
Forward Right
Reverse
Reverse Left
Reverse Right

Рис. 7

Игрушки с текстами, содержащими русский и английский языки в равной степени, в исследованном материале не выявлены.

Игрушки с надписями на других иностранных языках (кроме английского).

Детская погремушка *Tulipano Soccero* (итальянский в названии), каска для девочек *La Boutique Winx, La Tienda Winx* (французский и испанский).

Рис. 8-9

Другие (неанглийские) языки представлены менее широко, в основном следующими европейскими языками: французским, испанским, итальянским и голландским. Остальные европейские языки встречаются реже.

На данном рисунке мы видим надпись «Золушка» на различных европейских языках, включая греческий, финский, португальский. Основным языком текста является

английский, так как надпись «Золушка» на нем является основной и расположена выше, чем эквиваленты надписи на других языках. Далее следуют надписи на французском, итальянском, голландском и испанском языках. И третья группа надписей – это повторение названия на других европейских языках (рис. 10).

Рис. 10

Анализ показал, что наибольшее количество надписей на игрушках относится к третьей категории, где русский текст количественно уступает английскому. Русский язык, как правило, представляет минимально необходимую информацию об игрушке (название игрушки, адрес предприятия, меры безопасности и возрастные ограничения, серия). Надпись на русском может быть меньше по размеру и располагаться не на лицевой стороне упаковки, а на небольшой наклейке сбоку или сзади, что делает присутствие русского языка менее видимым. Исследование показало, что в сфере детских игрушек английский (и в меньшей степени другие иностранные языки) вторгаются в функциональное пространство русского языка и даже вытесняют его.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.

Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый междисциплинарный метод исследования языка. <http://cognitive.rggu.ru/section.html?id=8630> дата доступа 3 ноября 2011.

Backhaus, Pr. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio // Multilingual Matters (136). – NY- Ontario – Clevalon.– 2007. – 158 P.

Coupland, Nikolas Welsh Linguistic landscapes ‘from above’ and ‘from below’ // In Adam Jaworski and Crispin Thurlow (eds.), *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space*- London: Continuum. – 2010. – P. 77–101.

**ЗДЕСЬ МОЖНО РАЗМЕСТИТЬ
ИНФОРМАЦИЮ О КОНФЕРЕНЦИИ
ИЛИ ЛЮБУЮ ДРУГУЮ ИНФОРМАЦИЮ**

Е.М. Масленникова

УДК 811.111'23

СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫХ СМЫСЛОВ ПРИ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Переводческая деятельность подразумевает рефлексивную над традициями текстостроения и смыслообразования, которые задают выбор процедур интерпретирования или толкования. Переводчик, выступающий как первичный читатель оригинала, одновременно принимает на себя функцию квази-автора текста, предназначенного для настоящего вторичного читателя из системы переводящего языка и культуры. Переживание смыслов, заложенных в текст автором, вызвано обращением к собственному знанию о парадигмах смыслов, на что, кроме ситуационных факторов и актуального речевого опыта, также влияет эмоционально-оценочный опыт.

Ключевые слова: художественный перевод, двуязычная текстовая коммуникация, субъективность, креативность, понимание текста.

E.M. Maslennikova

СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫХ СМЫСЛОВ ПРИ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

The present paper considers the textual communication as including the initial producer of the original text, the translator as the addressee and at the same time a quasi-producer for the second addressee, who receives the message in target language. It considers aspects of creativity involved in translating fiction, especially the analytic and synthetic skills as well as contextual skills used to recognize which of the initial producer's ideas, means and meanings are worth pursuing and which are not.

Key words: literary translation, text-induced communication, subjectivity, creativity, understanding / comprehension.

Специфика текстовой коммуникации заключается в том, что художественный текст в той или иной степени, как правило, всегда несёт в себе культурные смыслы, актуализация которых автором относительно соответствующей культурной системы способствует усилению воздействия, оказываемого текстом на читателя. При текстовой коммуникации имеет место проживание и переживание читателем «чужой» данности, фиксируемой в тексте. Со временем происходит не только смена представлений о тексте, но и изменения в средствах языкового выражения культурных смыслов.

Знакомство с традициями и правилами кодирования смыслов, в том числе культурно-значимых, открывает художественный текст для интерпретации, пробуждая тем самым читательскую рефлексию, которая идёт не только над заданными в нём смыслами, но и над средствами построения самого текста, авторскими стилистическими приемами и средствами. Под рефлексией понимается «механизм качественных изменений ценностно-смысловых образований и интеграции личности в новое, более целостное состояние» [Рассохин 2010: 85]. Переводческая деятельность подразумевает рефлексию над традициями текстопостроения и смыслообразования, которые задают выбор процедур интерпретирования или толкования.

Интерпретация, направленная на интерпретирующего субъекта, переживается, а воспринятое активно входит в его концептуальную систему. Переживание смыслов, заложенных в текст автором, вызвано обращением к собственному знанию о парадигмах смыслов, на что, кроме ситуационных факторов и актуального речевого опыта, также влияет эмоционально-оценочный опыт. В художественном тексте смыслы редко присутствуют изолированно, они совмещаются, сменяя друг друга и образуя новые парадигмы. Рассмотрим реализацию культурно-специфического плана на примере переводов сказки О. Уайльда «The Devoted Friend» (1888). Если отвлечься от занимательного сюжета, то оказывается, что автор не только

сохраняет жанровую специфику английской литературной сказки, которая предусматривает определённое воплощение образов животных с позиций аллегоричности и назидательности, но и воспроизводит традиционные ходы, объединяющие сказку с другими произведениями английских авторов. Герой позиционирует себя как холостяка и выступает в защиту настоящей, т.е. мужской, дружбы.

I am not a family man. In fact, I have never been married, and I never intend to be. Love is all very well in its way, but friendship is much higher. О. Уайльд. *The Devoted Friend*

Выбор гендерной принадлежности обуславливает распределение ролей. В переводах Ю. Кагарлицкого и А. Соколовой персонаж, сменив пол и став *Водяной Крысой*, утверждает, что *замуж выходит не собирается*:

Ах, я понятия не имею о родительских чувствах... семьи у меня нет. Замужем я никогда не бывала. Любовь, конечно, вещь очень хорошая в своем роде, но дружба гораздо выше. О. Уайльд. *Преданный Друг* (Перевод А. Соколовой) «Признаться, я в этом мало смыслю: я не создана для семьи. Любовь хороша в своем роде, но дружба достойней». О. Уайльд. *Настоящий друг* (Перевод П.В. Сергеева, Г. Нуждина).

Размещенный в библиотеке Мошкова [<http://lib.ru/WILDE/friend.txt>] перевод П.В. Сергеева и Г. Нуждина отличается негативной оценочностью (*глаза злобно глядели на мир, короткие колючие усы настороженно зашевелились*). То, что А. Грызунова изменила породу зверя, не является принципиальным, так как это позволило сохранить «мужскую» составляющую образа.

Однажды утром старый Нутрий вынул голову из норы. Глаза у Нутрия блестящие, подобно бусинам, и торчали жесткие серые усы, а хвост его походил на длинный обрывок черного каучука. О. Уайльд. *Верный друг* (Перевод А. Грызуновой)

Почему же Утка из сказки О. Уайльда так беспокоится за Водяную Крысу, что на её глаза наворачиваются слёзы? Достаточно вспомнить зачин романа Джейн Остен (1775–1817) «*Pride And Prejudice*» (1813), где

утверждается долг каждого джентльмена перед обществом обзавестись женой.

And how do you like the Water-rat? ... He has a great many good points, but for my own part I have a mother's feelings, and I can never look at a confirmed bachelor without the tears coming into my eyes. O. Wilde. *The Devoted Friend*. «*It is a truth universally acknowledged, that a single man in possession of a good fortune must be in want of a wife. ... this truth is so well fixed in the minds of the surrounding families, that he is considered as the rightful property of some one or other of their daughters*». J. Austen. *Pride And Prejudice*.

Изменение гендерной принадлежности привело к выделению и фиксации смыслов, не тех смыслов, которые имеют культурно-значимые коннотации и социальную значимость, отражая дух эпохи создания произведения.

– *Ну и как тебе понравился Нутрий? – осведомилась Утка, через несколько минут подплывая к Вьюрку. – У него немало приятных черт, однако, я, питая материнские чувства, не могу без слез глядеть на убежденного холостяка.* O. Уайльд. *Верный друг* (Перевод А. Грызуновой).

Если правила сочетаемости допускают существование словосочетания *закоренелый холостяк*, а пик его употребления приходится на 1880–1890-е годы, то «Национальный корпус русского языка» (<http://ruscorpora.ru/>) не фиксирует выражений *закоренелая старая дева* и *убеждённая старая дева*.

У нее множество качеств, но во мне говорят чувства матери и когда я вижу убежденную старую деву, слезы навертываются мне на глаза. O. Уайльд. *Преданный Друг* (Перевод Т. и С. Бертенсон); *У нее, конечно, много хороших качеств, но во мне так сильно материнское чувство, что стоит мне увидеть убежденную старую деву, как у меня слезы навертываются на глаза.* O. Уайльд. *Преданный друг* (Перевод Ю. Кагарлицкого); *У нее очень много хороших черт, но, что касается меня, во мне так сильно развито материнское чувство, что, чуть я увижу закоренелую старую деву, слезы выступают у меня на глазах.* O. Уайльд.

Преданный Друг (Перевод А. Соколовой).

Контекстуальная зависимость действует [Svoboda 1974] не только на грамматическом и семантическом уровнях, но и на формальном уровне, где она определяется отношениями между элементами коммуникации, отражающими часть экстралингвистической реальности (или ее ситуацию), и (действительной или вымышленной) реальностью. Мы исходим из того, что, если получаемая информация не входит в presupposition читателя, то его реакция может оказаться нейтральной или отрицательной. При этом возможна адаптационная нейтрализация оригинала со стороны переводчика.

«Как Вам понравилась наша Водяная Крыса? – спросила она. – У нее очень много положительных качеств, хотя я, как мать семейства, не могу без слез смотреть на одиноких». O. Уайльд. *Настоящий друг* (Перевод П.В. Сергеева, Г. Нуждина).

Операции над текстом переходят в операции над соответствующими понятиями. Отбор и трансформирование смыслов идет по социально значимым критериям: происходит проецирование текста на картину действительности, которая стоит за ним, и / или (потенциально возможные) ситуации.

Проекционный характер перевода позволяет обратиться к понятию «личностный смысл» и говорить о степени сходства и / или различия между переводами-проекциями относительно оригинала, который признается эталоном для имеющихся и потенциально возможных переводов.

Представляется возможным говорить о параметрах текстовых Миров, сформировавшихся в соответствующих культурах, а также о вероятности установления наличия / отсутствия литературных параллелей как об особых интер- и гипертекстовых отношениях. Сказка о *Золушке* (в английской традиции – *Cinderella*) вошла в национальные литературы многих стран, заняв в них прочное место, а со временем получила статус универсально-прецедентного феномена (по терминологии В.В. Красных). Восходящий к сказке концепт *Золушка / Cinderella* ведет своё происхождение из известного «бродя-

чего» сюжета, который развивается в разных вариантах схожим образом и насчитывает примерно одинаковые атрибуты.

На английский язык сказка Шарля Перро про бедную девушку была переведена Робертом Сэмбером примерно в 1729 году, но до сих пор «Cinderella» остается одной из популярных тем традиционных рождественских пантомим. В англоязычной традиции имя героя сказки *Prince Charming* не столько указывает на поклонника, сколько на его финансовое и социальное положение, обычно выше, чем у его возлюбленной. Так, например, герой романа О. Уайльда «The Picture of Dorian Gray» (1891), получает от влюбленной в него бедной девушки прозвище *Prince Charming*.

He is called Prince Charming. ... If you only saw him, you would think him the most wonderful person in the world. ... Everybody likes him, and I ... love him. О. Wilde. The Picture of Dorian Gray.

С течением времени произошло перекодирование элементов сюжета, когда самым привлекательным становится элемент везучести в превращении бедной девушки в принцессу. В литературе XIX века для прецедентных имён *Cinderella* и *Prince Charming* наблюдаются изменения в диапазоне их экспрессивных значений. Викторианцы считали бедность пороком, потому герой У. Теккерея болезненно воспринимает исчезновение кареты как знак собственной бедности.

Our fine day-dreams are gone. Our carriage has whirled out of sight, like Cinderella's... W. Thackeray. The History of Pendennis; Ср.: ... *Prince Charming, my wonderful lover; my god of graces. But I am poor beside him. Poor? What does that matter?* О. Wilde. The Picture of Dorian Gray.

В романе Дж. Чейза «Trusted Like the Fox» (1948) попавшая случайно в дом богача глухая девушка не в состоянии понять, почему тот помогает ей скрываться от полиции. Единственным разумным объяснением ей кажется внезапно вспыхнувшая любовь.

Like most uneducated, low-class girls Grace was essentially a romantic. She devoured paper novelettes, and in her dreams lived the

roles or her favourite film stars, imagining that some day a Prince Charming would discover her and whisk her away from poverty to a life of love, happiness and wealth. Since she had lost her hearing she had known instinctively that her chances of having a husband and a home were even more remote. J.H. Chase. Trusted Like the Fox.

Прецедентные феномены имеют определенные реакции, стимулирующие выход на смысл текста-прототипа. Несмотря на то, что в русской и английской культурах образы *Золушки* и *Cinderella* соприсутствуют параллельно, в одном из переводов романа на русский язык отсылка к прецедентному имени и прецедентной ситуации снята.

Ей приходилось читать истории о любви с первого взгляда, видеть такое в кино, но она никогда не верила, что подобное возможно в жизни. А теперь это произошло и с ней. Д.Х. Чейз. Лиса в капкане (Перевод В. Брюгген).

Через ставшее прецедентным имя описываются и интерпретируются отдельные аспекты культуры, к числу таковых обычно относят стремление представителей низших слоев общества пробиться в жизни и преуспеть, поднявшись на следующую ступень социальной лестницы. Во втором переводе романа Дж. Чейза образ *сказочного парня* получился искаженным, так как переводчица перепутала слова *wealth* 'богатство' и *health* 'здоровье': девушка мечтает не просто о любви (*a life of love*) и счастье (*happiness*), а о богатстве, что предполагает наличие собственного дома (*having a husband and a home*). Текст отражает национально-культурную специфику ментальности носителей «своего» языка и культуры: поскольку в эпоху создания перевода жители СССР 1990-х годов всё-таки мечтали об отдельных квартирах, то для девушки наличие мужа и именно *квартиры* указывают на личное счастье.

Подобно большинству девушек из низших классов, Грейс была романтической. Она жадно читала романы и смотрела фильмы, а потом все это переживала, представляя себя в роли героини. Сказочный парень находит ее и уносит от бедности к счастливой

и здоровой жизни и любви. Потом она отрезвела, а с тех пор, как потеряла слух, поняла, что ее шанс занять мужа и квартиру ничтожен. Дж.Х. Чейз. Хитрый, как лиса (Перевод Р. Мирсалиевой).

Лирический герой стихотворения Р.Л. Стивенсона «Historical Associations», продолжая традиционную игру в make-believe, предлагает взрослому человеку рассматривать сад как место совершения бессмертных подвигов и жестоких битв. Силой детского воображения обычный сад, куда взрослый вышел покурить, превращается в сцену, на которой происходят события, чьи временные пласты «настоящее / вымышленное» накладываются друг на друга, благодаря чему допустимым становится появление в одном месте шотландского короля Роберта Брюса / Robert Bruce (1274–1329), меткого стрелка из швейцарской легенды Вильгельма Телля / William Tell, и бедняка из арабских сказок Али-Бабы / Ali Baba. Даже характерный для английских садов цветок *штокроза* / *fairy hollyhocks*, традиционно ассоциирующийся с сельской пасторальной Англией, становится волшебным. Как известно, реалии служат экспликации смыслов для дальнейшей актуализации подтекста, но одни и те же реалии могут вызывать разные ассоциации: *frozen Siberia* определяет пространство, лежащее вне окрестностей говорящего, т.е. получившее статус ЧУЖОГО. Набор стереотипных представлений о России (Масленникова 2005) включает не только *водку* или *матрёшку*, в опросах часто упоминаются климатические условия – *холод (мороз, сибирский холод, Сибирь)*.

Перевод стихотворения на русский язык, выполненный М. Лукашкиной, представляет несколько иной аллюзивный план исходного текста, поскольку переводчица ориентируется на тот уровень историко-культурных знаний, которыми может потенциально обладать читатель перевода. При подобной адаптации получаемый перевод должен достигнуть необходимого «порога доступности», т.е. имеющегося у среднего читателя объема знаний, уровня культурного развития, потребностей и интересов.

Переводчица вводит образ *индейца Джо*, отсылающий русскоязычного читателя к книге М. Твена, упоминает о сражении *русских с французами*, а на английскую историю указывает *Нельсон-адмирал (1758–1805)*. Главным становится ассоциативно-образная соотнесенность предметов и объектов из текстовых Миров, представляемых оригиналом и его переводом или переводами.

*Here we had best on tip-toe tread,
While I for safety march ahead...
Here is the sea, here is the sand,
Here is the simple Shepherd's Land,
Here are the fairy hollyhocks,
And there are Ali Baba's rocks.
But yonder, see! apart and high,
Frozen Siberia lies; where I,
With Robert Bruce William Tell,
Was bound by an enchanter's spell.*

R.L. Stevenson. Historical Associations
*Будь осторожней! За кустами
Индейца Джо следит за нами...
Вот здесь, где стебли кукурузы,
Сражались с русскими французы.
А там, где выросли грибы, –
Зарытый клад Али-Бабы.
Вот пруд, где Нельсон-адмирал
На абордаж галеры брал.
А вот она, большая ель.
Здесь бил из лука Вильям Телль.*

Р.Л. Стивенсон. Исторические места
(Перевод М. Лукашкиной)

Естественно, актуальное положение вещей в текстовом Мире оригинала может (не) соответствовать реальному миру действительности, воспринимаемому переводчиком с позиций представителя другого лингвокультурного социума, когда он начинает вписывать оригинал в привычную для него самую картину мира, что часто сопровождается наложением и отражением его языковой личности в получаемом переводе. В русском культурном пространстве присутствуют 22 перевода трагедии В. Шекспира «Гамлет», первый из которых был выполнен в 1828 году М.П. Вронченко. Итак, в первом акте трагедии канцлер Полоний поучает Офелию: *Do not believe his vows; for they are brokers, Not of that dye which their investments show,*

*But mere implorators of unholy suits,
Breathing like sanctified and pious bawds,
The better to beguile. This is for all...*

W. Shakespeare. Hamlet. Act I, sc. 3

*Офелия, остерегайся клятв:
Они как брокеры фальшивых сделок,
Стараются изяществом манер
Завоевать доверие клиента.*

В. Шекспир. Трагическая история Гамлета,
датского принца
(Перевод В. Поплавского, 2001)

По сравнению с переводами трагедии В. Шекспира, выполненными также на рубеже XX-XXI веков, перевод В. Поплавского (2001) отличается актуализированной языковой злободневностью. Речь Призрака отца Гамлета становится стилистически модифицированной, отличающейся наличием ситуационно-маркированных клише.

*But that I am forbid
To tell the secrets of my prison-house...*

W. Shakespeare. Hamlet. Act I, sc. 5

*Когда б в моей тюрьме мне не пришлось
Давать подписку о неразглашеньи...*

В. Шекспир. Трагическая история Гамлета,
датского принца
(Перевод В. Поплавского, 2001)

*На мне лежит запрет
Касаться тайн моей тюрьмы...*

В. Шекспир. Трагедия Гамлета, принца
датского (Перевод В. Рапопорт, 1999)

Если относительно перевода В. Поплавского можно предположить изначальную намеренную модернизацию лексики, то в иных случаях имеющиеся отношения и реалии проявляются не столь очевидно. Из жалования служанок вычитали суммы, покрывающие нанесённый ими ущерб за разбитые предметы, поэтому, когда экономка из

«The Canterville Ghost» О. Уайльда упала в обморок при виде пятна крови на полу, хозяин дома предлагает жене применить обычный способ обращения с нерадивыми служанками.

'Charge it to her like breakages,' answered the Minister; 'she won't faint after that'; and in a few moments Mrs. Umney certainly came to. О. Wilde. The Canterville Ghost.

На русском языке существует пять переводов данного произведения О. Уайльда. Если в переводе от 1911 года названа сумма вычета из жалования (*несколько шиллингов*), то в переводе от 2012 года предлагается *выставить* экономке *счёт за халатность*. Если форма *ея* типична для начала XIX века, но по данным «Национального корпуса русского языка» (<http://ruscorpora.ru/>) к середине XIX века случаи употребления данной формы снизились, но для языка XXI века слово *коя* – архаизм.

Вычти из ея жалованья несколько шиллингов, и ты увидишь, что это больше не повторится. О. Уайльд. Дух Кэнтервилля. (Перевод Е.Н. Тихомировой) «*Выставь ей счёт за халатность, – отвечал посланник.* О. Уайльд. Кэнтервилльский призрак (Перевод А. Грызуновой).

Потери информации, добавления и / или искажения в смысловой структуре текста часто компенсируются переводчиками вводом личностного смысла, отражающего переводческое (со)переживание тексту оригинала.

Устанавливаемая переводчиком «зано-во» система текстовых смыслов предопределяется выбранным им направлением и режимом интерпретации.

Литература

Масленникова Е.М. Образы «своих» и «чужих» через описание пространств // *Вестник Тверского гос. ун-та.* – 2005. – № 1 (7). – Сер. «Филология». – Вып. 2. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 44 – 57.

Рассохин А.А. Психология рефлексии изменённых состояний (на материале психоанализа) // *Психология.* – 2010. – Т. 7. – № 2. – С. 83 – 102.

Svoboda A. On two communicative dynamisms // *Papers on Functional Sentence Perspective / F. Daneš (Ed.).* – Prague, 1974. – Pp. 38 – 42.

Д.С. Мичурин

УДК 81.23

АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМИДЖ-ФОРУМОВ)

Исследование поликодовых произведений, где семантика языкового знака взаимодействует с изобразительным контекстом, – относительно новое направление в лингвистике текста. В статье излагаются методики анализа поликодовых текстов на примере коммуникации в имидж-форумах. Автор рассматривает различные подходы к решению данной проблемы и приходит к выводу, что для задачи отслеживания движения смыслов одним из основополагающих является метод анализа базовых содержательных компонентов сообщений.

Ключевые слова: поликодовый текст, интернет-коммуникация, имидж-форум.

D.S. Michurin

АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМИДЖ-ФОРУМОВ)

Analyzing multimodal texts, where language semantics depends on the context of other semiotic systems, is regarded as a new direction within the framework of text linguistics. The paper looks into the different methods of research of multimodal texts in Internet-based communication on image-boards. The author argues that the method of analyzing basic semantic components of the polimodal messages is essential.

Key-words: multimodal text, Internet-based communication, image-board.

Изучению функционирования единиц языка в составе поликодовых текстов, в которых семантика составляющих определяется взаимодействием между семиотически гетерогенными компонентами, уделяется значительное место в современной лингвистике. Чаще всего исследования направлены на взаимодействие вербальных и изобразительных элементов. В качестве объекта таких исследований уже выступали дидактические тексты с иллюстрациями, комиксы, реклама.

Иллюстрированный текст, комикс, реклама не предполагают прямого ответа коммуниканта, не подразумевают живого диалога. На одной стороне профессионалы, располагающие необходимыми орудиями для создания поликодового текста и возможностями для его размещения, на другой – «безответный» адресат, не имеющий ни того, ни другого. Коммуникация, в которую включаются эти произведения, асимметрична. Принципиально иная ситуация складывается в общении на имидж-форумах, где, напротив, всякий текст подразумевает изоморфный ответ и адресат пользуется равными правами и имеет равные возможности.

Можно предположить, что анализ коммуникации, которая направляется одновременно содержанием реплик и содержанием изобразительного материала может представлять интерес как для теории коммуникации, так и для изучения содержания речевых действий в контексте поликодового виртуального диалога.

Прежде всего, кратко рассмотрим, что из себя представляют имидж-форумы и чем характеризуется коммуникация на них.

По сравнению с другими площадками интернет общения имидж-форумы обладают целым рядом интересных особенностей (анонимность, отсутствие цензуры, регистрации, авторизации и модерации), подробно останавливаться на которых не входит в задачи данного доклада, нас, прежде всего, интересует поликодовый характер коммуникации.

Коммуникация на имидж-форумах организована при помощи тредов, типичный тред можно увидеть на рис.1. Тред состоит из исходного сообщения или поста (рамка в верхней части иллюстрации) и его обсуждения, разворачивающегося сверху, от начального сообщения, вниз, пополняясь все новыми репликами коммуникантов (рамка в средней части иллюстрации). Исходное сообщение обязательно содержит прикрепленное к тексту изображение. Сообщения, опубликованные в ответ на исходное, тоже могут содержать изобразительный компонент. Для опубликования сообщений не нужна никакая-либо авторизация или регистрация.

Рисунок 1. Типичный тред, размещенный на имидж-форуме.

Наука пока не выработала инструментов анализа таких поликодовых коммуникативных событий. Поэтому решение задачи анализа предполагает разработку специальных методик. В качестве возможных направлений предложены:

- выделение базовых формальных компонентов в вспомогательных целях;
- выделение базовых содержательных компонентов, которые направляют смыслопорождение коммуникантов;
- оценка соотношения между составляющими;
- наблюдение за формальной динамикой разворачивания треда (размещения

сообщений) с оценкой роли каждого последующего сообщения в развитии темы (аналогично тема-рематическому анализу), уточнение обусловленности каждого сообщения вербальным и пиктографическим компонентом, поиск моментов преломления коммуникативного события и оценка их зависимости от семиотики сообщения.

Рассмотрим на примере отдельного треда данные направления.

Имеется тред, направление коммуникации в котором изначально задается исходным сообщением, состоящим из текстовой части (приведена ниже) и изобразительной (рис.2).

Рисунок 2. Изобразительная составляющая первоначального сообщения треда.

Вербальная составляющая первоначального сообщения треда:

посоны, поясните по хардкору, зачем датчане @#\$рят дельфинов, а то я от картинок уже овер 20 минут лолирую, ведь не может быть что бы в такой стране как датания @#\$рили дельфинов пачками для лулзов.

После первоначального сообщения следует 27 сообщений различного характера, развивающих заданную им тему, часть из них текстовая, часть изобразительная, часть смешанная.

Можно проследить формальную динамику разворачивания треда (размещения сообщений): взаимодействие коммуникантов, наличие гетерогенных составляющих.

Для этого обозначим, прежде всего, номер сообщения – №, наличие вербальной составляющей обозначим – Т, наличие изобразительной – И.

Построим формальную схему движения треда, на которой наглядно показано количественное соотношение вербальных и изобразительных компонентов, количество мини-событий внутри одного треда, какое сообщение каким вызвано. Например, из схемы видно, что в рассмотренном треде из

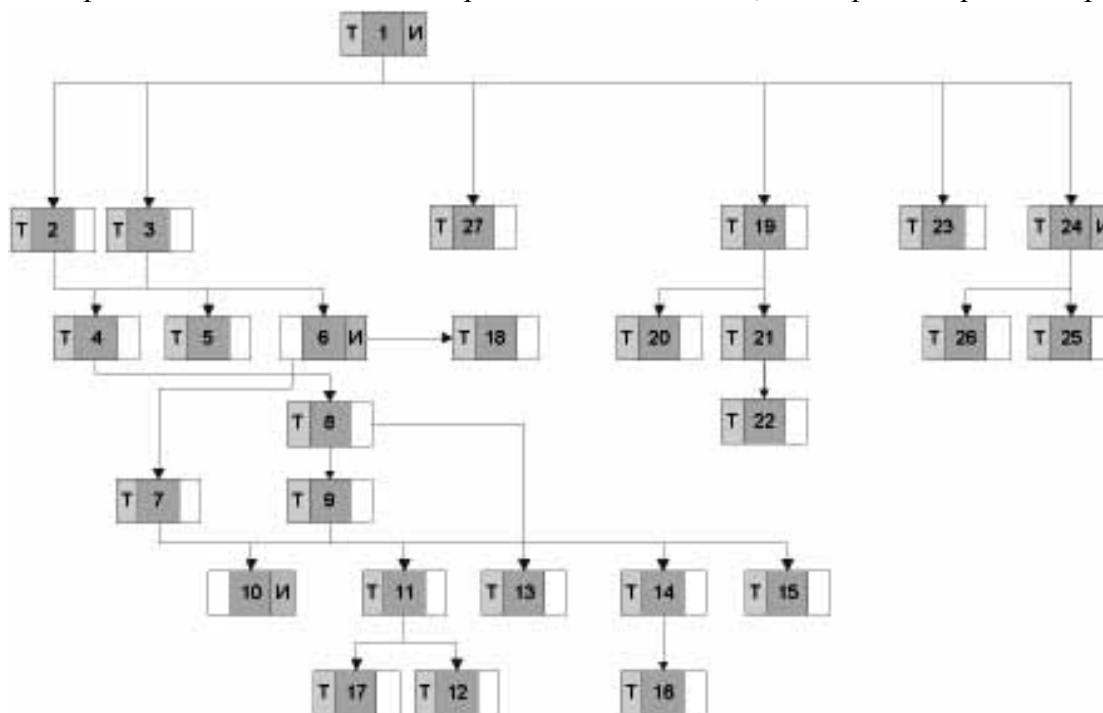

Рисунок 3. Формальная схема движения треда.

27 сообщений, только 4 были с изображениями).

Но данная схема может являться лишь вспомогательной, т.к. с её помощью нельзя ясно понять причины, вызвавшие те или иные сообщения, т.е. нельзя определить, чем направляется то или иное сообщение (содержанием реплик, изображением или и тем и другим).

Для такого рода понимания необходимо проанализировать движение смыслов внутри треда. Для этого целесообразно проанализировать семантику обеих составляющих с выделением базовых содержательных компонентов, которые направляют смыслопорождение.

Для изобразительной составляющей это: мужчины, стоящие по пояс в воде; человек, наносящий удар по черному объекту на поверхности воды; красный от крови водоем, холодное оружие в руках человека.

Для вербальной: датчане, дельфины, умерщвление, «отношение автора: не может быть, лоллирую», «вопрос виртуальному адресату: зачем?»

Для прослеживания движения смыслов (идей) необходимо установить не только сообщение, вызвавшее очередную реплику (как в формальном анализе), но и направление идеи, заданное этим сообщением. Также существенная для нас проблема – выявление в каждом отдельном случае роли составляющих: какая из них индуцировала очередное сообщение. Для ее решения анализируются вербальная и изобразительная составляющие каждого сообщения отдельно, выявля-

ется наличие или отсутствие связи вербальной составляющей с изобразительной (если таковая имеется), выделяется взаимосвязь сообщений друг с другом (в ответ на какое сообщение создано то или иное другое сообщение).

Содержательный анализ позволяет увидеть, что обсуждение поставленного в первом сообщении вопроса ведется неравномерно, с отклонениями от темы. На имидж-форумах отклонения от первоначальной темы не пресекаются модераторами и администраторами, как это делается на множестве других площадок интернет-общения. Также содержательный анализ показывает, что на имидж-форумах, в связи с полным отсутствием каких-либо ограничений на форму сообщений, гораздо ярче проявляются эмоции, вложенные в них автором, активно используются обценная лексика и многочисленные мемы, сформировавшиеся в этой среде.

Вышеуказанные методики были в дальнейшем апробированы на материале отобранных специальным образом 50 тредов. Результатами описанной процедуры анализа поликодового коммуникативного события стало выявление закономерной зависимости изменения темы исходного сообщения от знаковой природы комментария, выявление эмоции как фактора взаимодействия между вербальной и изобразительной составляющей в поликодовых текстах имидж-форумов, выделение роли поликодовых текстов в самопрезентации участников интернет-сообществ.

Монина Т.С.

УДК 811.161.1'36

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ТИПА РЕЧЕВОГО СУБЪЕКТА В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ
(Ф.ТЮТЧЕВ «УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...»)**

Статья посвящена проблеме типологии речевого субъекта, которая рассматривается сквозь призму типологии речевых регистров, так как коммуникативная цель высказывания определяется ментальной интенцией автора текста. Показано, что актуализация речевого субъекта базируется на синтагматических и парадигматических характеристиках высказывания. Актуализированный субъект высказывания соединяет в себе семантику речевого субъекта и семантику адресата.

Ключевые слова: синтагматический, парадигматический, речевой регистр, речевой субъект.

Monina T.S.

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ТИПА РЕЧЕВОГО СУБЪЕКТА В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ
(Ф.ТЮТЧЕВ «УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...»)**

The article is devoted to the typology of the subject of the speech, which is viewed through the prism of the typology of speech registers, because the communicative purpose of the utterance is connected with mental intense of of the author of the text. It is shown that the actualization of the subject of the speech is based on the characteristics of the syntagmatic and paradigmatic the properties of the utterance. Actualized utterance subject combines the semantics of the speech subject and the semantics of the recipient.

Key words: syntagmatic, paradigmatic, speech register, subject of the speech.

Понимание языка как системы детерминировало основную цель его изучения – дать характеристику структурных отношений инвариантных языковых знаков. Ф. де Соссюр выделил две разновидности системной соотнесенности знаков – синтагматическую и парадигматическую. Современная лингвистика стремится к коренному пересмотру традиционных принципов и методов описания языка. Описательное языкознание прошлого подвергается критике во многих отношениях. Однако нельзя не признать, что многие идеи и постулаты прошлого прекрасно «работают» для решения многих актуальных проблем. В рамках структурного подхода к исследованию языка, разработанным Ф. де Соссюром, успешно решаются и задачи прагмалингвистики. Его мысль о том, что суть не в звуках или знаках и значениях как таковых, а во взаимных соотношениях между ними в речевой цепи и в парадигмах грамматики, оказалась чрезвычайно плодотворной.

Синтагматика отражает пространственно-временную локализацию знаков, в парадигматике выражены виртуальные ассоциативные связи между знаками. Соотношение парадигматики и синтагматики определяет значение знака, фиксируя онтологию объекта через гносеологический процесс, описывая поведение объекта на пространственно-временных координатах в пределах одной условной синхронии. Описание языкового знака в современной лингвистике невозможно без его комплексного портретирования в синтагматическом и парадигматическом аспектах. Синтагматические и парадигматические соотношения языковых знаков не только составляют систему языка, но также являются базой формирования несобственно лингвистических значений речевой деятельности. Рассматривая системную синтагматику и парадигматику языкового знака, можно объяснить не только языковые явления, но также и другие факторы речевой деятельности, в частности способы актуализации семантики речевого субъекта.

Проявление типа речевого субъекта связано с дифференциацией речевых регистров. Различают три основные коммуникативные типы речи (регистры): репродуктивный, информативный, генеритивный, принадлежащие к категории универсалий [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 29–30]. Регистры речи различаются как в семантическом плане, так и в технике реализации.

В репродуктивном регистре говорящий из хронотопа происходящего воспроизводит средствами речи сенсорно воспринимаемые действия в их конкретной длительности или последовательной сменяемости, предметы и признаки – в их непосредственной наблюдаемости. Высказывание репродуктивного типа (регистра) можно заключить в модусную рамку «Я вижу, как...», «Я слышу, как...», «Я чувствую, как...». Время – настоящее, прошедшее или будущее – характеризуется актуальным значением. Репродуктивный регистр отражает единичность, «одноактность», эпизодичность действий, событий, последовательно сменяющихся, вытесняющих друг друга в текстовом локативно-темпоральном пространстве, а также конкретные физические предметы. По признаку единичности репродуктивный регистр противостоит информативному и генеритивному регистрам.

В информативном регистре говорящий сообщает о фактах, событиях, свойствах реальной действительности. Этот регистр противостоит репродуктивному отсутствием хронотопа, общего для говорящего и события, неактуальностью, дистанцированностью в разной степени от событийной линии, не сенсорным, а ментальным, рефлексивным способом познания. Это сфера не прямого наблюдения, а знания, полученного либо в результате неоднократного наблюдения, опыта, узуса, либо в результате логических, мыслительных операций. Высказывания информативного регистра заключаются в модусную рамку «Я знаю, что...», «Известно, что...». Информативный регистр отличается от репродуктивного известной долей обобщения.

В генеритивном регистре говорящий воспринимает некоторую информацию из внешнего мира, придает ей статус обобщенности, соотнося ее с универсальным опытом, охватывающим обозримую человеческим знанием протяженность, абстрагируясь от событийного времени и места. В качестве субъектов предложения выступают генерализованные множества, классы существ, предметов, либо природные, социальные процессы как явления, понятия. Генеритивный регистр представляет высказывания высшей ступени обобщенности, «вневременные», нереперентные, генерические: афоризмы, пословицы, умозаключения, сентенции, соотносящие понимание явления с универсальным жизненным опытом.

В речевой репрезентации этих ситуаций роль говорящего различна. В одном случае он выступает как наблюдатель – субъект отражения реально воспринимаемых признаков ситуации, во втором случае – как повествователь, рассказывающий о ментально отраженных в его сознании повторяющихся ситуациях, в третьем случае он предстает как субъект – аналитик, обобщающий свой разнообразный практический опыт.

Отличие поэтической речи от прозаической часто видят именно в коммуникативном аспекте. Так, с точки зрения Ю.М. Лотмана, самым существенным отличительным свойством поэтической речи является способ передачи информации, именно тип коммуникации отличает ее от других видов речи. Передача информации в данном типе коммуникации происходит одновременно по двум коммуникативным каналам: «тексты, создаваемые в системе «Я – ОН», функционируют как автокоммуникации и, наоборот: тексты становятся кодами, коды – сообщениями <...> Поэтический текст как своеобразный маятник качается между системами «Я – ОН» и «Я – Я»» [Лотман 2001: 175]. В коммуникативном канале «Я – Я» происходит качественная трансформация коммуникативной ситуации, приводящая к перестройке второго «Я». Лирическое стихотворение относится к эгоцентрическому

типу речи: здесь главенствует точка зрения говорящего. Определяющая роль точки зрения говорящего детерминирует сходство некоторых структурных черт поэтической речи с чертами внутренней речи. Категории известного и неизвестного, данного и нового, темы и ремы, перенесенные в область эгоцентрического типа речи, существенным образом видоизменяются. Ориентированные на точку зрения адресата в прозе, в лирике эти категории структурированы иначе: новизна диктума заменяется новизной модула. Поэтому в поэтическом тексте именно так жестко взимообусловлены тип речевого субъекта и тип языкового знака.

Автору лирического стихотворения язык предоставляет необходимые системные и систематизированные по коммуникативным регистрам средства для разных предметов изображения: «технику» изображения видеоряда (описательный аспект репродуктивного регистра), специальные маркеры узуальности для того, чтобы «поднять» эту картину над уровнем актуального наблюдения (повествовательный аспект информативного регистра), средства генеритивного регистра – для формулирования «вечных» истин и т.д. Но в то же время отбор лексического и грамматического материала для воплощения замысла – во власти автора, как и определение уровня обобщения и пространственно-временной локализации описываемых событий. Интенциональность соединяется с когницией – познаванием мира в рамках восприятия референтной ситуации. В сознании говорящего первичная слитость предметов и их признаков расщепляется; свойства этих предметов соединяются со свойствами других объектов, уже когда-то воспринятых, происходит сопоставление воспринимаемой ситуации с другими. Вследствие этого актуализацию типа речевого субъекта определяют параметры контекста, как внутреннего, обусловленного синтагматикой предложения, так и внешнего, формируемого синтагматикой текста. Таким образом, сложная ментально-интенциональная семантика речевой реа-

лизации формируется в точке пересечения парадигматико-синтагматических вариантов предложения.

Рассмотрим это положение на примере анализа стихотворения Федора Тютчева «Умом Россию не понять...»

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Синтагматическая связь предложений в стихотворении указывает на то, что перед нами текст-рассуждение, а именно, ряд суждений, относящихся к определенному вопросу. Они следуют один за другим таким образом, что последующее суждение вытекает из предыдущих. Стихотворение состоит из трёх частей, организованных в порядке, традиционном для простого категорического умозаключения: тезис – аргумент – вывод. Умозаключение – это форма мышления, состоящая в том, что истинность некоторого суждения выводится из истинности двух или нескольких других суждений (посылок). Целью умозаключения является выведение новой истины из уже известных истин, переход от имеющегося знания к новому. Всякое истинное умозаключение не просто повторяет в выводе то, что уже известно из посылок, истинное умозаключение ведёт нашу мысль дальше того, что мы знаем из посылок, присоединяет к ранее установленным истинам истину новую [Малахов 2004: 56]. Умозаключение как процесс состоит из двух фаз: 1) осмысление известной информации, 2) вывод новой, неизвестной информации.

Эти фазы отражаются в структуре генеритивного текста, принципиально имеющего двухчастную структуру. Если сравнивать структуру стихотворения со структурой умозаключения, то первая часть представляет собой констатацию посылок, вторая – вывод. Первые две строки (первая посылка умозаключения – частное суждение) утверждают мысль об особой роли России; третья строка (вторая посылка умозаключения – общее суждение) характеризует Рос-

сию через ее инвариантный сущностный признак, четвёртая строка стихотворения (вывод умозаключения) – основная идея стихотворения: противопоставление ума и веры, рационально-метафизического и иррационально-диалектического восприятия мира.

Парадигматические отношения предложений, составляющих структуру стихотворения, формируют смысловую окрашенность текста. Семантика стихотворения формируется не только на лексическом, но и на грамматическом уровне.

На лексическом уровне основной смысл предложения представлен **контрарными антонимами**:

- 1) *ум, понять – верить,*
- 2) *общий – особенный.*

На уровне языка эти лексические единицы принадлежат к одному и тому же понятийно-грамматическому классу, но их семантические объемы различаются не только инвариантным значением, но также включают дополнительные дифференциальные семы. Однако речевая синтагматическая соотносительность снимает эту несоразмерность и несимметричность по смысловому объему. В контексте эти лексемы становятся комплементарными антонимами. Комплементарная противоположность, в отличие от контрарной, характеризуется тем, что между противопоставляемыми членами (видовыми понятиями), дополняющими здесь друг друга до единого целого (родового понятия) и являющимися по своей природе предельными, нет среднего, промежуточного члена. Понятия, обозначаемые этими антонимами, бинарны, и поэтому отрицание одного состояния совпадает по существу с утверждением другого, полярного ему состояния. Речевая реализация названных антонимических пар в стихотворении предстает как смысловая диатеза.

На грамматическом уровне основной смысл предложения представлен доминанцией в структуре текста инфинитивных предложений. Морфологическая природа структурного центра инфинитивных пред-

ложений – инфинитива – во многом предопределяет семантику этих предложений. В отличие от спрягаемых глагольных форм, инфинитив не имеет значений модальности, времени и лица, он только называет действие безотносительно к деятелю и времени. Действие представляется как потенциально отнесенное к любому деятелю. Парадигматическая соотносительность этих предложений с синонимичными предложениями другого структурного типа формируют грамматическую семантику этих предложений. В отличие от обобщенно-личных предложений, имеющих сходное значение, в инфинитивных предложениях характер полной и безусловной предопределенности действия выражен более категорично. От синонимичных обобщенно-личных предложений инфинитивные предложения отличаются дополнительным модальным значением предопределенности действия. Утвердительные предложения имеют модальность долженствования, отрицательные – невозможности: *Не мне спорить с вами, опровергать ваши убеждения умом и своими убеждениями* (И. Гончаров) – Я не должен спорить с вами.. *Я ходил около дома, назначая, где вспыхнуть пожару...* (А. Пушкин) – ... Где должен вспыхнуть пожар. Создать значение категоричности отнесения действия абсолютно ко всем помогает отрицательная частица *не* и употребление глагола в форме совершенного вида. Обобщенное значение этих предложений подтверждается их трансформацией в обобщенно-личные: *На земле черными завалами, через которые не пробраться, лежали сучья...* (В. Распутин) - Через которые не проберешься [Монина 1993: 67–76]. Инфинитивные предложения с имплицитным субъектом в системе русского языка имеют специфическое

грамматическое содержание. Импликация субъекта позволяет этим моделям получить обобщающее референтное значение. Так как информационно-интенциональный акт в речевой деятельности сопрягается с ментальным, наряду с констатацией референтной ситуации происходит ее осмысление говорящим на фоне уже известных ему ситуаций, определенным образом закодированных в его сознании. Круг референций имплицитного субъекта потенциально безграничен, поэтому номинированная ситуация имеет бесконечное число интерпретаций. Говорящий предстает в качестве субъекта-аналитика, выводящего из совокупности конкретных ситуаций общие черты, имеющие вневременную силу. На передний план выступает семантика универсальности, генеритивности, что позволяет каждому читателю идентифицировать себя с субъектом речи и с обобщенным субъектом. Многозначность синтаксической формы предложения в ее парадигматической соотнесенности с другими типами предложений формирует комплексное значение субъекта действия: 1) автор высказывания, 2) собеседник, т. е. читатель, который может восприниматься как потенциальный носитель этого действия, 3) обобщенный деятель.

Таким образом, актуализация типа речевого субъекта также детерминирована парадигматическими значениями языковых знаков, обусловленных параметрами контекста, как внутреннего, обусловленного синтагматикой предложения, так и внешнего, формируемого синтагматикой текста. Универсальная генеритивность семантики стихотворения предстает как феномен поэзии, собирающей в один фокус одновременно и частное, субъективное, личное, и обобщенное, «объективное», «вечное».

Литература

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2001. – 703 с.

Малахов В.П. Логика. – М., 2004. – 110 с.

Монина Т.С. Модели односоставных предложений: структура и семантика. – М., 1993. – 111 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.

ПОЛИФОНІЯ

М.Н. Николаева

УДК 81'373.231

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА ДИККЕНСОВСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ФЕНО-
МЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Статья посвящена рассмотрению прецедентных имен персонажей произведений Ч.Диккенса, великого английского писателя XIX века. В статье дается комплексный анализ прецедентных имен мужских и женских персонажей диккенсовских произведений. За каждым из прецедентных имен скрывается значительный пласт информации, в том числе лингвокультурной, поэтому прецедентные имена представляют собой любопытный феномен межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: прецедентные имена, персонажи произведений Ч.Диккенса, лингвистическая и культуроведческая информация, межкультурная коммуникация

M.N. Nikolaeva

**PRECEDENT DICKENSIAN CHARACTERS' NAMES AS A PHENOMENON OF
CROSS-CULTURE COMMUNICATION**

The article deals with the analysis of precedent Dickensian characters' names which are described in the paper as a linguistic and cross-culture phenomenon. Every precedent name contains much information (incl. linguistic-cultural) . The acquaintance of precedent Dickensian characters' names assists to extend intercultural competence and facilitate cross-culture communication.

Key words: precedent name, Dickensian characters, cross-culture communication

Практически в каждой национальной литературе есть писатели, из произведений которых имена персонажей, выражения и ситуации становятся прецедентными. В английской литературе к таким писателям относится Чарльз Диккенс.

В английской литературе Ч. Диккенс находится в первой десятке самых выдающихся литературных деятелей. Знакомство с произведениями Ч. Диккенса в Великобритании начинается уже в детском возрасте. Огромный интерес к произведениям Ч. Диккенса проявляет британский и американский кинематограф, потому что произведения Ч. Диккенса представляют богатый материал для экранизации. Следует сказать, что экранизация и инсценировка произведений Ч. Диккенса начались уже в конце XIX века, вскоре после смерти писателя в 1870 году.

Ч. Диккенс (1812–1870) был, несомненно, самым любимым, известным и во многих отношениях великим романистом викторианской эпохи. Его первый роман «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836–1837), смешная мягкая сатира, имел ошеломляющий успех. В последующих романах, таких, как «Оливер Твист» (1837–1839), «Домби и сын» (1846–1848) и «Дэвид Копперфильд» (1849–1850), Диккенс создал панораму английского общества, прежде всего его низших и средних классов, и показал это общество с полнотой, пожалуй, беспрецедентной во всей истории английского романа. Диккенс был прекрасно осведомлен о мерзостях эпохи и об отвратительной нищете, на которую были обречены многие его соотечественники, и, тем не менее, его книги воодушевляла вера в милосердие, питающая надежду на конечное устранение социального зла благодаря врожденному добру началу человека.

В современной России начала XXI века, в эпоху смены приоритетов и ценностей, интерес к творчеству Ч. Диккенса, к сожалению, значительно угас. Однако во многих произведениях после известного

автобиографического романа «Дэвид Копперфильд» Ч. Диккенс рассматривает темы, характерные и для современного дня. Например, в романе «Холодный дом» (1852–1853) дается обстоятельный анализ мучительного для его участников затянувшегося процесса в Канцлерском суде по делу о наследстве. В этом романе представлен еще и трезвый взгляд на лицемерие и всевластие бюрократизма, разъедающего общество. Символизм описаний поднимает роман «Холодный дом» до уровня великой поэзии, а данная на первой странице романа картина большого города как современного ада останется непревзойденной. Аналогичный взгляд на общество, лишь слегка смягченный появлением симпатичных персонажей и изображением милосердных деяний, присущ «Крошке Доррит» (1855–1857), «Повести о двух городах» (1859), «Большим надеждам» (1860–1861) и последнему незавершенному роману «Наш общий друг» (1864–1865).

Для изучающих английский язык, английскую литературу и английскую культуру проблематика, язык, стиль и прецедентные имена персонажей произведений Ч. Диккенса должны представлять особый интерес.

Прецедентными именами в лингвистике принято называть индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами и с ситуациями, которые знакомы большинству представителей данной нации. К прецедентным именам можно отнести и прозвища персонажей. [Маслова 2007: 53].

Индивидуальные имена некоторых диккенсовских персонажей, как главных, так и второстепенных, приобрели статус прецедентных имен в английском культурном пространстве и сегодня составляют неотъемлемую часть английской культуры.

Знакомство с толковыми, фразеологическими англоязычными словарями, словарями персоналий и англоязычными публицистическими текстами позволило обнаружить свыше 30 прецедентных имен диккенсовских персонажей. Такое количество прецедентных имен диккенсовских персонажей в англоязычном культурном

пространстве свидетельствует о значимости творчества Ч. Диккенса, а также о популярности писателя в английской литературе. Следует отметить, что случаи precedentного употребления имен собственных диккенсовских персонажей даже превосходят количество известных precedentных имен из произведений всемирно известного английского драматурга и поэта У. Шекспира. Однако нужно признать, что по частотности цитирования фраз и изречений из произведений, У. Шекспиру нет равных в мировой литературе.

Анализ собранного языкового материала свидетельствует о преобладании мужских имен среди precedentных диккенсовских персонажных имен: 25 случаев употребления мужских имен и 8 случаев – женских имен. Такое гендерное предпочтение свидетельствует о патриархальном характере британского общества викторианской эпохи и незначительной роли женщины в социальной жизни Великобритании конца XIX–начала XX века. Женщины обычно находились в положении зависимости от отца или мужа, их имущественные и гражданские права, в том числе право избирать и быть избранными, зачастую были ограничены. В 1918 году, после окончания I-й Мировой войны, Британский парламент принял закон, открывавший доступ к выборам женщинам старше 30 лет, являющимся главой семейства или состоящим в браке с главой семейства, а также окончившим университет. Только в 1928 году, когда был принят Закон о народном представительстве, женщины Великобритании были уравнены в избирательных правах с мужчинами.

К precedentным именам женских персонажей произведений Ч. Диккенса относятся следующие: *Miss Havisham* в романе “Great Expectations” («Большие надежды»), *Mrs. Jellyby* – в “Bleak House” («Холодный дом»), *Dolly Varden* в “Barnaby Rudge”, *Esther Summerson* в “Bleak House”, *Mrs. Bardell* в “Pickwick Papers” и др.

Большинству precedentных имен диккенсовских персонажей свойственна двух-

компонентная структура, соответствующая формуле «личное имя + фамилия», например: *Uriah Heep*, *David Copperfield*, *Oliver Twist*, *Martin Chuzzlewit*, *Bob Cratchit*, *Estella Havisham*, *Amy Dorrit* и др. Разновидностями двухкомпонентной формулы precedentного имени можно считать модель «титულлярное обозначение + фамилия»: *Mr. Micawber*, *Mrs. Jellyby*, *Miss Havisham*, *Mrs. Bardell*, а также модель «характерная черта персонажа + личное имя», например *Tiny Tom*, *Little Dorrit*, *Artful Dodger*.

Некоторые precedentные имена имеют однокомпонентную структуру, представленную или личным именем – *Fagin*, *Nancy*, или фамилией – *Perksniff*, *Scrooge*, *Dombey*, *Gradgrind*, или прозвищем – *Pip*.

Еще одна структурная разновидность precedentных имен диккенсовских персонажей представлена группой имен, представляющей собой пару. Эта пара имен обозначает имена родственников *Edward and Jane Murdstone* – брат и сестра Мёрдстоны в романе «Дэвид Копперфильд», приверженцы строгого палочного воспитания, или имена партнеров по совместной деятельности, например, *Dodson and Fogg*, поверенные миссис Бардль, стараниями которых Пиквик, герой романа “Pickwick Papers” («Посмертные записки Пиквикского клуба»), был отправлен в долговую тюрьму.

За многими именами диккенсовских персонажей скрывается значительный пласт информации – культуроведческой и лингвистической. Проиллюстрируем несколькими примерами. В частности, человека, не унывающего ни при каких обстоятельствах, называют в английской лингвокультуре ‘a Mark Tapley’. Это precedentное имя образовано от имени персонажа *Mark Tapley* в романе “Martin Chuzzlewit”. Следует заметить, что это имя прошло постантропонимическую стадию развития своего значения, вышло за рамки литературного произведения и функционирует как precedentное имя нарицательное, что подтверждается наличием неопределенного артикля у этого precedentного имени.

Прецедентным именем *Dombeu* – Домби, главы фирмы в романе «Домби и сын», сейчас называют бездушного и эгоистичного дельца. В современном разговорном английском языке словом *'boffin'* обозначают ученого, исследователя, или эксцентричного ученого-чудака. В романе Ч.Диккенса «Our Mutual Friend» («Наш общий друг») Никодимус Боффин был изобретательным подрядчиком. В романе он изображается как «человек со странностями», но, тем не менее, именно он раскрыл и распутал все загадки в романе. Это имя в 1891 году было использовано Уильямом Моррисом (1834–1896), английским писателем и поэтом в романе «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия», для создания образа ученого, «золотого мусорщика», который был талантливым математиком.

Имя женского персонажа *Mrs. Jellyby* (Миссис Джеллибай /Джеллиби) из романа Ч.Диккенса «Холодный Дом» также стало прецедентным. Сегодня оно обозначает женщину, занимавшуюся общественной деятельностью в ущерб семье.

Имя *Fagin* (Фейгин/Феджин) в романе Ч.Диккенса «Оливер Твист» принадлежит старику, руководящему шайкой юных ворюшек. Являясь прецедентным именем, оно употребляется в переносном значении для обозначения тех, кто приобщает малолетних к преступному промыслу.

Экспрессивность и образность прецедентных имен диккенсовских персонажей, большая сила эмоционального воздействия, способность ярко и сжато выразить мысль, метко и кратко охарактеризовать сложные явления и т.д. обуславливают их успешное использование в литературных произведениях других авторов, в разговорной речи, в прессе. Так, в примере из британской прессы *'Women and children – especially in one-parent families – haven't had a lot to cheer about, since the government has shown itself a bit of a gradgrind in its benefits review'* (русс. *У женщин и детей, особенно в неполных семьях нет особых поводов для радости, так как правительство выступило в роли бездушно-*

го калькулятора при пересмотре принципов назначения социальных пособий) можно видеть употребление прецедентного имени *'a gradgrind'*, обозначающего того, кто слишком строго следует каким-либо правилам или принципам. Это имя возникло в связи с именем главного героя романа Ч.Диккенса *"Hard Times"* («Тяжелые времена») *Thomas Gradgrind* (Томаса Грэдгринда). Он верит в «факты и вычисления», исповедуя практицизм. Он использует этот принцип в воспитании своих пятерых детей, убивая в них тем самым воображение и творческое начало [Локетт 2008: 281].

Прецедентные имена диккенсовских персонажей выражают ценностные ориентации лингвокультурного сообщества, вплетаются в его языковой фонд, что отражено в различных лингвокультуроведческих и толковых словарях, например имя *Micawber* – Микобер, в романе Ч.Диккенса «Дэвид Копперфильд» – это неудачливый и бедный, но не унывающий, добродушный и несколько эксцентричный знакомый главного героя романа. Сейчас это имя приобрело прецедентный характер и обозначает неисправимого оптимиста (Локетт 2008: 398). Имя *Oliver Twist* (Оливер Твист) главного героя одноименного романа Ч.Диккенса сейчас является устойчивым выражением, прецедентным феноменом *'an Oliver Twist'* и обозначает человека, которому мало его порции, доли [Васильева 2006: 227].

Некоторые имена диккенсовских персонажей вышли за рамки литературных текстов и стали псевдонимами известных в мире англоязычного шоу-бизнеса и рок-музыки людей и коллективов. Так, имя *David Copperfield*, главного героя одноименного романа, сохранившего доброту и отзывчивость, несмотря на людскую жестокость, носил известный американский маг-иллюзионист Дэвид Коткин. А выбор британской рок-группой 80-х годов в качестве названия имени персонажа *'Uriah Heep'* объясняется целью эпатажа и привлечения интереса публики, так как персонаж *Uriah Heep* (Урия Хип) из романа «Дэвид Коппер-

фильд» является крайне непривлекательной персоной, лицемером и интриганом.

Любопытно, что имя главного персонажа *Pickwick* из романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» используется и в области медицины для обозначения диагноза «Синдром Пиквика» – крайней степени ожирения, приводящей к постоянному неконтролируемому засыпанию больного. Этот диагноз получил свое название в честь одного из героев «Пиквикского клуба» по прозвищу Толстый Джо.

Как можно отметить, прецедентные имена диккенсовских персонажей являются важным источником межкультурной информации. Знакомство с лингвистической и культурологической спецификой прецедентных имен персонажей произведений Ч.Диккенса позволяет лучше ориентироваться в мире англоязычной литературы и культуры, а также способствует познанию особенности картины мира британцев.

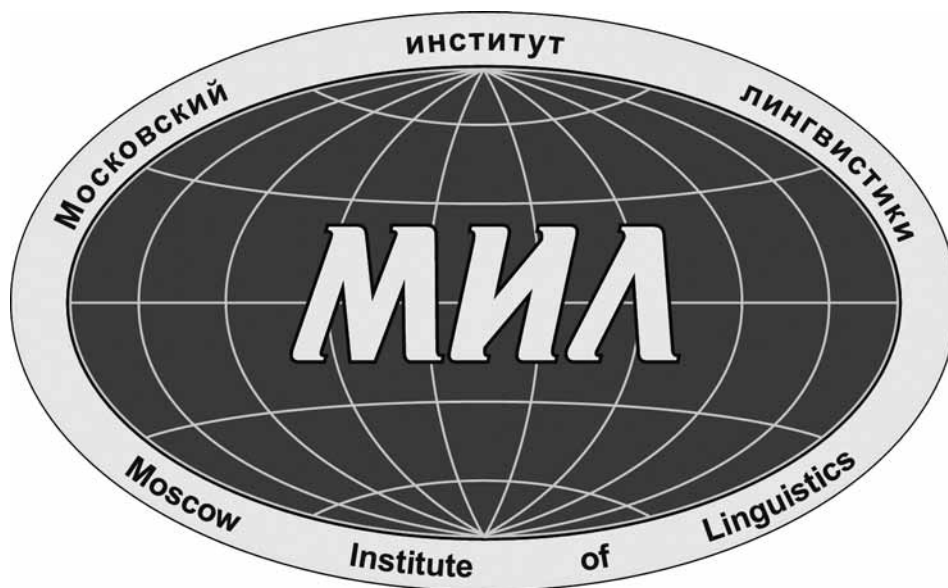
Литература

Васильева Л. Краткость – душа остроумия. Английские пословицы, крылатые выражения. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 350 с.

Ермолович Д.И. Англо-русский словарь персоналий. – 3-е изд. – М.: Рус.яз., 2000. – 352 с.

Локетт Б. Английский язык: вчера, сегодня и завтра: Англо-русский словарь / Брайан Локетт. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2008. – 689 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 208 с.

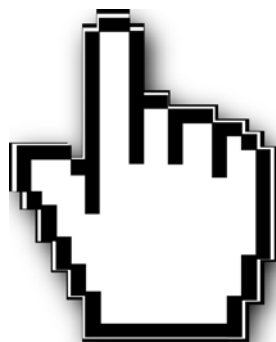

**МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ
ВЫСШИЕ КУРСЫ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

WWW.INYAZ-MIL.RU

ЦЕНТР ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

WWW.MIL-ONLINE.RU

И.Н. Пучкова

УДК 811.111

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ИСТОРИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается проблема перевода лексических единиц-историзмов, дается определение и классификация историзмов; на основе сопоставительного анализа оригинала романа Артура Конан Дойла «Белый отряд» и его перевода на русский язык выявляются основные трудности, с которыми переводчик сталкивается при передаче исторических реалий, анализируются распространенные ошибки при переводе устаревшей лексики, а также приводятся возможные способы ее перевода.

Ключевые слова: историзмы, перевод, исторический роман, эквивалент.

I.N. Puchkova

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ИСТОРИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

The article deals with the definition and classification of archaic words, problem of finding equivalents for them in translation. Through comparative analysis of the original (The White Company by A.Conan Doyle) and its Russian translation we single out the main difficulties a translator encounters when dealing with historic realities and analyze the most common mistakes made when translating archaic lexis.

Key-words: archaic words, historic novel, translation, equivalent.

Историзмы – устаревшие слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали [Розенталь, Теленкова 1976].

Материалом данной статьи послужили роман Артура Конан Дойла «Белый отряд» [Конан Дойль 2001] и его перевод на русский язык [Дойл 2010]. В данном романе описывается эпоха Столетней войны между Англией и Францией. Изображая ее, автор пытается воспроизвести колорит, реалии быта и общественного устройства страны, передать особенности языка той поры, поэтому историзмы в романе несут важную смысловую и функциональную нагрузку. Естественно, что при переводе художественного текста на историческую тематику необходимо уяснить его смысл, прочувствовать его форму и стиль, и затем передать их на русском языке, отражая при этом, по возможности, в более полной форме все эмоциональные и экспрессивные нюансы. При этом необходимо учитывать, что словари, без помощи которых невозможно обойтись при переводе, не всегда предлагают переводчику полный перечень соответствий, из которого можно выбрать адекватный эквивалент переводимому историзму.

В тематическом плане данные лексические единицы неоднородны. Среди них можно выделить следующие группы:

названия одежды (*chaperon* – шаперон, род головного убора, *doublet*, *roupoint* – камзол, *riding dress*-амазонка).

названия единиц измерения (мер длины, веса, объема, денежных единиц): *crowne* – корона, *farthing* – фартинг.

названия социальных или профессиональных групп населения, должностных лиц (*armorer* – оружейник, *burgher* – бюргер, горожанин, *banneret* – рыцарь, ведущий войско под своим знаменем, *cavalier* – рыцарь, *ferrier* – перевозчик, паромщик, *king-at-arms* – глава геральдической палаты, *mercer* – торговец тканями, *pursuivant*

at-arms – член коллегии герольдов, *tirowoman* – камеристка, *varlet*-оруженосец).

Названия архитектурных элементов (*bailey* – двор замка, *bulwark* – бастион, *embrasures* – амбразуры, *keep* – донжон, укрепленная башня, *portcullis* – опускающаяся решетка).

Названия предметов быта (*drageoir* – бонбоньерка, *gouse* – бокал, чарка, *stourchase* со святой водой, *ewer* – кувшин для умывания), *horse-litter* – конные носилки, *rgie-dieu* – скамеечка для коленопреклонения, *citole*, *rebeck*, *viol* – названия музыкальных инструментов).

военная терминология (названия оружия, детали доспехов, способы ведения боевых действий) (*crossbow* – арбалет, *mail-tunic* – кольчуга, *bolt*-стрела арбалета, *escalade* – штурм с применением лестниц), *glaiue*-меч, палаш, *mantlet* – щит, мантелет, *mangonel*-баллиста, *trabuch*-катапульта;

морская терминология (*galley* – гале-ра, *galeasse* – галеас, трехмачтовое судно, *topmast* – стеньга).

Для правильной интерпретации иностранного текста переводчику необходимо знать особенности каждой группы историзмов, иметь в виду, что историзмом может быть как слово, так и отдельное его значение, и учитывать контекст при подборе наиболее оптимального варианта перевода. Обратимся к следующему примеру:

It goes to my heart that you should ride forth now a mere knight-bachelor... [Конан Дойль 2001: 19] – И очень мне обидно, что вы будете разъезжать, точно обыкновенный одинокий рыцарь...

По данным англо-русских словарей, слово *bachelor* имеет следующие значения:

- 1) холостяк;
- 2) рыцарь-вассал, особенно молодой;
- 3) бакалавр (ученая степень).

Понятно, что в контексте анализируемого исторического романа актуализируется именно второе значение данной лексической единицы. Перевод же, основанный на лексической трансформации первого значения слова *Bachelor* (холостяк-одинокий

рыцарь), является ошибкой, искажающей авторский замысел.

Сравнительный анализ оригинала и перевода показал, что в оригинале А. Конан Дойл иногда сигнализирует появление историзма при помощи таких средств, как вкрапление объяснения в контекст, употребление синонима или родового понятия, что облегчает задачу переводчика. Рассмотрим примеры:

These are the Beating Friars otherwise called the Flagellants, quoth he. – Это бичующие себя монахи, иначе называемые флагеллантами, – пояснил он.

Термин-историзм *flagellants* сопровождается пояснением (*beating friars*). Данный прием используется и в переводе, что делает передачу информации на русском языке полной и адекватной.

В следующем примере А. Конан Дойл прибегает к синонимии для пояснения историзма:

A broad leather strap hanging from his shoulder supported a scrip or satchel such as travellers were wont to carry. – Через плечо на широкой кожаной лямке висела сума или ранец, какие полагалось носить путникам.

Синонимия выступает в качестве средства осмысления историзма и в данном отрывке:

In one hand he grasped a thick staff pointed and shod with metal, while in the other he held his coif or bonnet which bore in his front a broad pewter medal stamped with the image of Our Lady of Rocamadour [Конан Дойль 2001: 19]. – В одной руке он держал толстую, окованную железом палку с острым наконечником, в другой – шапку с крупной оловянной бляхой спереди, на бляхе было вытиснено изображение Рокаматурской Божьей матери.

Отметим, что значение слова *coif* (шапочка) могло показаться непонятным уже современникам А. Конан Дойла, поэтому автор дополняет данный термин его функциональным аналогом, понятием, наиболее близким по значению (*bonnet* – мужская шотландская шапочка, берет). В

переводе в качестве эквивалента используется родовое понятие (шапка), что приводит к потере временного, исторического колорита в анализируемом отрывке.

В переводе историзмы могут передаваться при помощи транскрипции, транслитерации, приведения функционального аналога, употребления родового понятия, толкования.

Транскрипция и транслитерация употребляются при переводе слов-историзмов, обозначающих предметы и понятия, относящиеся исключительно к реалиям быта и общественного устройства средневековой Европы. В русском языке они аналогов не имеют и транскрипция или транслитерация являются единственным средством выражения соответствующего понятия, относящегося к прошлому английского народа, например:

He could not have gone far, sir bailiff, cried one of the archers unslinging his bow. [Конан Дойль, 2001: 46] – Он не мог уйти далеко, сэръ бейлиф, – заявил один из лучников, натягивая тетиву.

В средневековой Англии словом *bailliff* назывался представитель шерифа, уполномоченный производить аресты, вызывать людей в суд и арестовывать имущество.

В следующем примере мы видим использование транслитерации при переводе историзмов:

You are the Socman of Minstead? - That I am, and the son of Edric the Socman, of the pure blood of Godfrey the thane... [Конан Дойль 2001: 124] – Значит, вы и есть Минстедский сокман? – Да, я; и сын сокмана Эдрика, чистокровного потомка тана Годфри и единственной наследницы дома Эдрика.

Лексическая единица *socman* имеет следующее определение: крестьянин, арендующий землю на основе ленной повинности, *thane*-тан (Большой англо-русский словарь), крупный землевладелец, представитель родовой знати сначала у британских кельтов, затем у англосаксов. Обе

лексемы носят национально-специфичный характер, они не имеют аналогов в русском языке, поэтому использование транслитерации в переводе оправдано, однако, без разъяснений в сносках, примечаниях или глоссарии они вряд ли будут понятны современному русскому читателю, и процесс перевода как процесс передачи информации приведет к коммуникативной неудаче.

Еще одним распространенным способом передачи историзмов является приблизительный перевод или приведение функционального аналога русского историзма, например:

Having stripped his robe, I had no choice but to let him have the wearing of my good leathern jerkin and hose, for as he said, it was chilling to the blood and unseemly to the eye to stand frockless whilst I made me orisons. [Конан Дойль 2001: 29] – Когда я надел его рясу, мне не оставалось ничего другого, как дать ему мою добротную кожаную куртку и штаны, ибо он уверял, что продрог до костей да и не подобает ему стоять нагишом, пока я читаю молитвы.

В данном случае существительное «jerkin» (короткая кожаная мужская куртка) передается в русском варианте словом «куртка». При таком переводе теряется временная и национальная окраска реалии, но ее смысловое значение полностью сохраняется. Поскольку роман адресован широкому кругу читателей, второе представляется нам более важным.

Приведем пример, когда замена историзма функциональным аналогом приводит к ненужным ассоциациям и искажает картину восприятия у русского читателя.

There were folk to be met upon the road – beggars and courriers, chapmen and tinkers, cheery fellows for the most part ... [Конан Дойль 2001: 41]. – Попадались ему на большой дороге и люди – нищие и гонцы, коробейники и лудильщики, по большей части веселый народ...

Как видно, переводчик, памятуя о специфике произведения, выбирает в качестве аналога слову *chapman* знакомый

русскому читателю историзм «коробейник», который предлагается Большим англо-русским словарем в качестве одного из эквивалентов упомянутой английской лексемы. Однако, обратившись к толковому словарю русского языка, мы увидим следующее: КОРОБЕЙНИК, а, муж. В до-революционной России: торговец, вразнос продающий галантерейные товары, мелкие вещи, необходимые в крестьянском быту. [Ожегов, Шведова 1992: 1949]. Таким образом, данный функциональный аналог не представляется нам удачным, поскольку он вызывает ненужные и неуместные ассоциации с другой страной, а именно, с царской Россией, что мешает адекватному восприятию эпохи, описанной в романе.

Возможным вариантом передачи историзма может быть также видо-родовая замена, например:

The company was completed by a peasant in a rude dress of undyed shipskin, with old-fashioned galigaskins about his legs, and a gayly dressed young man with striped cloak jagged at the edges and parti-colored hosen ... [Конан Дойль 2001: 56] – Эту компанию дополнял крестьянин, одетый в грубую куртку из овчины и старомодные штаны, и молодой человек в полосатом плаще с зубчатыми полами и в разноцветных штанах...

Как мы видим из примера, гипероним (родовое понятие) в переводе соответствует двум разным гипонимам, или видовым понятиям, в оригинале. Как свидетельствует словарное толкование, *galigaskins* – широкие штаны, которые носили мужчины в 16-17 вв, *hosen* – штаны в обтяжку, лосины – [Большой англо-русский словарь 1987: 659]. Достоинством родо-видовой замены как способа перевода является адекватная передача смысла оригинала, простота и доступность для широкого читателя, а недостатком – национального и временного колорита, а также создание не совсем верного представления о языке писателя.

В следующем примере историзм передается на русский язык с помощью описательного перевода:

One of them carried a young bittern which they had caught upon the moor, and they offered it to Alleyn for a silver groat. [Конан Дойль 2001: 40]. – Один из них нес птенчика выпи. И они предложили его Аллейну за мелкую серебряную монету.

Groat (грот) – это мелкая серебряная монета достоинством в 4 пенса, которая была в обращении в средневековой Англии [Большой англо-русский словарь 1987: 711]. Описательный перевод позволяет донести до читателя, не обладающего специальными знаниями по истории и экономике, объем информации, необходимый и достаточный для адекватного понимания смысла фразы.

В случае, если историзм представляет собой сложное слово, в качестве варианта его перевода может быть калькирование или дословный перевод его компонентов, например:

The fame and brilliancy of the Prince's court had drawn the knights-errant and pursuivants-of-arms from every part of Europe. [Конан Дойль 2001: 324]. – Прославленный и блестящий двор Принца привлекал странствующих рыцарей и поклонников оружия из всех стран Европы.

В данном отрывке две лексические единицы в оригинале представляют собой историзмы – *knights – errant* и *pursuivants-of-arms*. Словосочетание «странствующий рыцарь» – семантическая калька слова *knight-errant* – прочно укоренилось в русском языке и является единственно возможным эквивалентом английской лексики. Что касается слова *pursuivants-of-arms*, то переводчик допускает ошибку, переводя слово в слово его компоненты, то есть пытаясь его калькировать. Возможно, переводчик ввел в заблуждение одно из значений лексики *pursuivant* – 'последователь' [Большой англо-русский словарь 1987: 279]. На самом деле, речь здесь идет не о по-

клонниках оружия, а о герольдах.

При переводе текста, содержащего историзм, иногда приходится делать выбор между точной передачей конкретной лексической единицы, относящейся к сфере вышедшей из употребления лексики, и учетом стилистики отрывка, заключающего в себе, например, юмор или иронию. Так, в следующем эпизоде оруженосец, подшучивая над пристрастием своего товарища к еде, говорит:

Mon Dieu! If a man could eat himself into knighthood, Humphrey, you had been a banneret at least, observed another amidst a burst of laughter [Конан Дойль 2001: 288]. – Mon Dieu! Если бы человек мог дожраться до рыцарства, так ты, Хамфри, был бы по меньшей мере знаменитым рыцарем, – заметил второй оруженосец среди взрывов хохота.

Употребляя слово *banneret*, говорящий намекает своему товарищу на возможность продвижения вверх по иерархической лестнице того времени, перешагнув через одну ступеньку (оруженосец – рыцарь-вассал – баннерет, то есть, рыцарь, ведущий вассальное войско под своим знаменем – [Большой англо-русский словарь 1987: 149]. Перевод с помощью толкования сделал бы текст слишком громоздким, транслитерация привела бы к потере информативности, поскольку термин «баннерет» ничего не скажет читателю, не обладающему специальными познаниями в области истории, как следствие – юмористический эффект фразы был бы потерян. Приблизительный же перевод сохранит и юмор пассажи, и доносит до читателя информацию оригинала без больших потерь.

Итак, все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод, что неудачный выбор способа передачи историзма затрудняет понимание читателем смысла художественного произведения, приводит к искажению информации или ее потере. Адекватное восприятие историзма в художественном тексте, правильное понимание

его значения и выбор правильного способа его перевода требует от переводчика высокой эрудиции, обширных фоновых знаний. С целью их приобретения необходимо за- действовать дополнительные источники информации – толковые словари, справочники, энциклопедии, учебники истории, Интернет-ресурсы.

Литература

Конан Дойль Артур. Белый отряд. Книга для чтения на английском языке – Спб : Хи- мера, 2001. – 544 с.

Большой англо-русский словарь: в 2-х т. Под общим руководством И.Р. Гальперина и Э.М. Медниковой – 4е изд., испр, – М.: Рус. яз., 1987.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976.

Электронные ресурсы

Дойл Артур Конан. Белый отряд. Пер. Станевич В.О. Web:<http://lib.ru/AKONANDOJL/belotr.txt>

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Web: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/ozhegov/10-4.php

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В данном докладе предпринимается попытка заглянуть в будущее российской философии. Наблюдаемые тенденции позволяют говорить о двух наиболее вероятных вариантах: растворении в поиске «русской идеи» и полном погружении в инокультурное философское наследие (перевод, изложение, обсуждение, сопоставительный анализ текстов). Оба пути представляются приемлемыми для духовной жизни в целом, но губительными для философии как особой формы познания. Предлагается третий путь: создание философских концепций на основе универсалий. Здесь под этим словом понимаются общепризнанные нравственные ценности, базовые свойства человеческой природы и научные законы. Перспективность данного подхода обусловлена ускорением и углублением процессов глобализации. Во второй части доклада феномен универсалии рассматривается в контексте отдельных идей и концепций. В частности, автор исследует универсалии, составляющие основу его собственной теории – тормоплезизма: закон причины и следствия и принцип удовольствия-неудовольствия.

Ключевые слова: философия, Россия, универсалия, закон причины и следствия, принцип удовольствия-неудовольствия

I.S. Samohin

PROSPECTS OF THE RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE GLOBALIZING WORLD

This report is an attempt to see the future of the Russian philosophy. Modern tendencies offer two main variants: a selfless search of so-called “Russian idea” and worshipping foreign philosophical texts (which would result in perpetual translation, retelling, discussion and comparative analysis). Both ways seem not so harmful for spiritual life in general but absolutely disastrous for philosophy as a special form of cognition. We propose the third way, which consists in creating philosophical conceptions based on universals. When we use this word here, we mean universal values, basics of human nature and scientific laws. And, since the world becomes more and more globalized, this approach seems really promising. In the second part of the report, concrete universals within concrete ideas and conceptions are examined. In particular, the author analyzes the universals that are fundamental for his own theory, tormopleasism. These are the law of cause and effect and the pleasure-pain principle.

Key words: philosophy, Russia, universal, the law of cause and effect, the pleasure-pain principle.

Честно говоря, я собирался назвать свой доклад немного иначе: «Тормоплесизм в контексте глобализации». Это желание успело отразиться в тезисах выступления. Но, работая над докладом, я понял, что бенефис моей философской теории отменяется... Сначала я расскажу об особом пути и роковом распутье нашей философии. Потом поведаю о третьей, спасительной тропе. Затем рассмотрю «контекст глобализации»: несколько показательных идей и концепций. И, наконец, выскажусь по поводу собственного детища...

Русская философия – явление глубоко самобытное, в определённом смысле уникальное. Хорошо это или плохо?

Данный вопрос может вызвать недоумение, поскольку оба прилагательных имеют отчётливую положительную окраску. Сами за себя говорят такие словосочетания, как «самобытный стиль», «уникальная личность»... Однако недоумение пройдёт, если вспомнить о теории... вернее, о *практике* относительности. Без самобытности невозможно художественное – да и любое другое – творчество, но её обладателя могут подстерегать трудности в повседневном общении. Также уместно привести знаменитое изречение Парацельса: «...только доза делает вещество ядом или лекарством» (цит. по: [Зильбер 2003: 75]). Ведь высшая степень самобытности, уникальность, почти всегда приводит к непониманию и конфликтам, а в творческой сфере – к созданию произведений, не находящих отклика в большинстве сердец.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, придётся задаться иным вопросом: играет ли русская философия какую-нибудь роль в нашем общении с человечеством, находит ли она отклик в мировом сердце... Безусловно, отклик есть... Но, к сожалению, он гораздо слабее, тише западноевропейского. В этом смысле ни одного отечественного мыслителя нельзя поставить в один ряд с титанами английской, французской и немецкой философии. На рубеже XX – XXI веков

это констатировал В.Н. Кудрявцев, в то время вице-президент РАН: «Они [русские философы – И.С.] до сих пор не вырастили ни нового Гегеля, ни Канта» [Ваганов 2001]. Кто-то может разглядеть в этих словах оптимистичный призыв, едва ли не комплимент, как это удалось главному редактору Новой философской энциклопедии В.С. Стёпину и его коллеге А.А. Гусейнову [Там же]. Кто-то также возразит, что гений не оранжерейный баклажан, не инкубаторный цыплёнок и не законопослушный гражданин; что его нельзя вырастить – по крайней мере, сознательно. И, конечно же, в этом есть доля правды... Но никто, наверное, не станет спорить с главной мыслью, заложенной в словах академика В.Н. Кудрявцева: Россия, по большому счёту, не является философской державой мирового уровня. По замечанию современного мыслителя Н.К. Антроповой, вклад нашей страны в мировую философию исчерпывается развитием идей анархизма (М.А. Бакунин), космизма (К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский) и экзистенциализма (Л.И. Шестов, Н.А. Бердяев) [Антропова 2006].

Те деятели русской культуры, чьи воззрения получили наибольшее признание за рубежом, были не «чистыми» философами, а создателями философских романов. В этом случае необходимо учитывать важнейшую – возможно, даже решающую роль эстетической составляющей. Ни Ф.М. Достоевский, ни Л.Н. Толстой не имеют репутации тонких стилистов, но эстетика не сводится к словесному изяществу. Поэтому их лучшие тексты единодушно признаются шедеврами *художественной* литературы. Если же мы проведём великих писателей по ведомству философии, по нему же придётся провести и многих выдающихся представителей других видов искусства: художников, скульпторов, композиторов, режиссёров... На том основании, что их творчество обладает идейной глубиной. Однако такой взгляд, по видимому, излишне широк...

Запоздалое историческое развитие русской философии – важнейшая причи-

на, по которой наша любовь к мудрости оказалась не разделённой Старым Светом. Как известно, философия Западной Европы базировалась на системах, созданных древнегреческими и древнеримскими мыслителями. Русь же варилась в собственном духовном соку – не считая крупниц античного наследия, приходивших через Византию в виде переводных текстов. Этих крупниц было явно недостаточно ни для плодотворной преемственности, ни даже для добротной компиляции. Поэтому загадочный русский ум пошёл своим путём...

Отечественные мыслители всегда отличались особым отношением к своей общей матери и колыбели – России. Казалось, время забыло перерезать пуповину; или просто не захотело этого делать. Подчеркнём: речь не только о значительном воздействии национальной культуры, которого не может избежать никакая философия, а о повышенном внимании к пространству, охваченному этой культурой... Символично, что именно во взглядах на будущее нашей страны заключалось главное различие между её самыми ранними философскими течениями – западниками и славянофилами. Первые превозносили реформы Петра Великого, считая, что Родине полезны ветра, проникающие в прорубленное им «окно в Европу»; вторых же тревожило то, что эти ветра выдувают культурное своеобразие России, основанное на православной традиции. Взгляды западников и славянофилов нашли отражение в различных подходах к так называемой «русской идее», связанной с вопросом «о смысле существования России во всемирной истории» [Соловьёв 1989: 219]. Споры на эту тему пронизывают весь XX век, периодически разгораясь новым пламенем благодаря трудам видных философов – таких, как Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский...

В начале 1990-х годов в этот огонь подливает масла развал СССР. Кризис национальной идеи и нахлынувшая свобода слова приводят к появлению множества текстов, посвящённых России. Энтузиазм новых западников и славянофилов не угасает и в тре-

тьем тысячелетии. В то же время активно переводятся труды всех более-менее известных европейских мыслителей, не говоря уже о классиках. По мнению доктора философских наук А.Ю. Ашкерова, на рубеже столетий переводчик и публикатор становятся «главными философскими фигурами» [Ашкеров 2007: 27]. Пожалуй, в особом фаворе у этих фигур находятся концепции, максимально расходящиеся с диалектическим материализмом – официальной философией минувшей эпохи (например, идеалистическое мировоззрение Фридриха Ницше).

Таким образом, намечается смысловое распутье. На одном указателе написано «Русская идея», на другом – «Думы чужеземцев»...

Если наша современная философия сведёт себя к «русскому вопросу», о ней, наверное, уже нельзя будет говорить как о любви к мудрости. Ведь мудрость, предназначенная для внутреннего пользования, имеет много общего не с философией, а с эзотеризмом – комплексом учений, претендующих на тайный характер. Отечественная мысль рискует повторить судьбу того знания, которым Пифагор делился со своими лучшими учениками, поклявшись не передавать рассказ учителя ни одной живой душе... Теперь это знание безнадежно утрачено... Конечно, исчезновение русской философии не будет столь очевидным. Всё-таки её представители не скрывают своих идей и регулярно излагают их в письменном виде: в статьях, монографиях, диссертациях, учебниках... Даже если этот вклад делается совсем уж односторонним, о нём не забудут книгохранилища Российской государственной библиотеки. А быть может – и некоторые читатели. Но если эти русоцентричные тексты попадутся на глаза иностранному интеллектуалу, владеющему нашим языком, они покажутся ему экспонатами умственной кунсткамеры. В лучшем случае – тайной, задохнувшейся в тайнописи (тонкий ум оценит блики универсального, без которых не обходится ни одна частность).

Кроме того, слишком усердный поиск

национальной идеи сблизит философию с публицистикой. О Родине трудно рассуждать с холодным сердцем. Ведь патриотизм и космополитизм, обычно лежащие в основе таких дискуссий, – это не философские позиции. В первом случае речь идёт о чувстве, а во втором – о явлении, построенном на чувствах (об идеологии). Конечно, и философия не снежная королева: как и патриотизм, она представляет собой любовь. Но избранницей философии является мудрость, которая есть «глубокое знание, понимание чего-л.» [Кузнецов 2004: 362]. Таким образом, сам объект любви дисциплинирует сердце, служит предохранительным стержнем в этом «ядерном реакторе»... Мне кажется, что патриотизм не только отличен от подобной любви, но и в определённом смысле противоположен ей. На мой взгляд, он вредит мыслителю гораздо больше, чем любая иная ипостась высшего чувства (за исключением эмоций, свойственных материнскому инстинкту, но женщины-философы – это вообще отдельный разговор). Благоговение перед Богом способно помочь искателю мудрости, ибо обращено к наиглобальнейшему. Любовь к родственникам и друзьям, как правило, хорошо знает своё место, покушаясь на разум лишь в отдельные моменты. Что же касается страсти к мужчине или женщине, это чувство едва ли может соседствовать с философским мышлением... Однако век сего безумия обычно недолог; а исцелившись, мы порою можем взглянуть на мир более широко, чем до влюблённости... Патриотизм же не глобален, не осмотрителен и при этом даже не мимолётен.

Теперь несколько слов о другом возможном пути: всепоглощающей работе с инокультурным философским наследием. Собственно, во внимании к другим странам и эпохам нет ничего дурного: без античности не было бы Возрождения, без Платона не было бы Гегеля, без Гегеля, вероятно, не было бы современной физики... Более того: в какой-то момент будущий мыслитель должен, так сказать, провалиться в своих предшественников – но лишь для того, чтобы

взлететь к самому себе на *подготовленных* крыльях... Нельзя вечно пользоваться трамплином как батутом... Если же священный трепет перед именитыми чужестранцами не утихает, результат называется одним не очень русским словом: «эпигонство». Или более привычными словосочетаниями: «слепое подражательство», «бесплодное заимствование»...

Боязнь всерьёз усомниться в суждениях, высказанных Аристотелем, Бэконом, Кантом и другими классиками, связана с нашей философской неопытностью. Мы относимся к этим людям так же, как к своим великим писателям: видим их *постигшими* истину, а не *стремящимися* к ней. А ведь между крупными европейскими философами часто зияет более глубокая мировоззренческая пропасть, чем между самыми непохожими мастерами русской прозы... Мне кажется, что современный российский мыслитель даже не осмелится приступить к написанию критического труда, подобного книге Карла Поппера «Открытое общество и его враги». В ней знаменитый австриец буквально обрушивается на системы, созданные успевшими «забронзоветь» Гегелем и Марксом; в ход идёт веская, хотя и не всегда бесспорная аргументация [Popper 2002].

Конечно, недовольство отдельными зарубежными философами, в том числе очень известными, не чуждо и некоторым отечественным авторам. Однако в их работах критический анализ часто подменяется гневной отповедью. Например, в главе о Фридрихе Ницше из учебника Л.Е. Балашова моралистический пожар перекидывается даже на чисто языковой момент: на выражение «злая мудрость», которым воспеватель сверхчеловека назвал одно из своих произведений [Балашов 2009]. Вообще-то, лексические значения позволяют данным словам нормально сочетаться, в чём поможет убедиться любой толковый словарь. «Злая мудрость» – это не оксюморон, вроде «живого трупа» или «морковного кофе».

Нельзя сказать, что обе дороги ведут Россию к духовному пустырю. Сближение

философии с публицистикой значительно повысит общий уровень последней, а аромат эзотерики породнит создаваемые тексты с художественной литературой. Обосную вторую часть своей мысли. Полагаю, никто не станет спорить с тем, что гениальность А.С. Пушкина можно назвать образцом сокровенного, эзотерического знания. Как правило, представители иных культур или вовсе не знакомы с «солнцем нашей поэзии», или не понимают его света. А мы, русские, отнюдь не стремимся открывать им глаза... Это самый яркий пример, но он касается поэтического творчества. Если же говорить о прозе (что будет ближе к теме), то следует вспомнить о величии Н.В. Гоголя, таланте И.А. Гончарова, одарённости М.М. Пришвина... Я убеждён: если уже сейчас мысленно переименовать большинство «современных российских философов» в эссеистов и очеркистов, это существенно поднимет авторитет соответствующих жанров. А вот с переименованием в писателей я бы пока не спешил.

Таковы преимущества полного ухода нашей философии в русскую идею. Какими же они при другой крайности? То есть – при окончательном растворении в трудах иностранных мыслителей, их переводе, изложении, изучении, обсуждении, цитировании? Об одном последствии я уже вскользь упоминал: это формирование базового философского кругозора. Он служит первой ступенью лишь для того, кто хочет стать истинным философом, Новатором Мысли. Для всех остальных это вполне самостоятельное знание, которым можно блистать (в устном или письменном виде) либо просто гордиться. Как эрудированностью в области науки, искусства, политики, религии; как любимыми стихами классика, выученными наизусть... Между прочим, мода на философов может захлестнуть всю читающую общественность. Ведь если сотни людей, имеющих учёные степени, станут заниматься только зарубежными мыслителями, рано или поздно появится несколько блестящих учебников и других книг по истории фило-

софии (среди такого количества знатоков обязательно найдутся талантливые популяризаторы). Это вторая позитивная сторона – развитие жанров научно-популярной литературы... Правда, я также говорил об излишнем пиетете к столпам мировой философии, который может помешать критическому разбору их наследия. Но профессиональный опыт, в конце концов, остудит сие благоговение; к тому же, учебники и подобные им труды не должны отличаться академически глубоким анализом.

Как мы видим, Россия без философии не пропадёт – ни в прямом, ни в переносном смысле. Для большинства индивидуумов любовь к мудрости – далеко не главная духовная потребность... Куда уж ей тягаться с потребностями иного рода (биологическими и социальными)... В одном из интервью А.М. Пятигорский сказал, что без философии было бы, возможно, *чуть-чуть* по-другому. А современный филолог Д.П. Бак приводит мысль Д.С. Мережковского: «Если бы Кант не сформулировал свои апории, что-то изменилось бы в нашем любовном лепете и предсмертном шёпоте» [Бак 2007: 35]. Не так уж много для великого интеллектуального свершения... Но есть и такие идеи, без которых изменился бы не только сам любовный лепет, но и то, насколько часто он рождается; не только сам предсмертный шёпот, но и средний человеческий возраст, в котором он звучит...

Речь идёт об идеях-призывах, идеях-инструкциях, идеях, обладающих прикладным обаянием. Это и категорический императив того же Канта, и диалектический метод, и гедонизм, и марксизм, и ницшеанство, и фрейдизм, и бихевиоризм... Все эти философские достижения (и перечисленные, и включённые в многоточие) роднит не только их заметное влияние на судьбу человечества, но и то, что лежит в основе такого влияния. А именно – опора на ту или иную *универсалию*. В философии это слово обозначает общее понятие, в лингвистике – явление, присущее всем или большинству естественных языков. Я буду понимать под

универсалией общепризнанную нравственную ценность, базовое свойство человеческой природы или научный закон (принцип, перспективную гипотезу). Например, категорический императив опирается на «золотое правило» морали, а нищезанятие – на стремление к доминированию.

В XX веке на нашей планете появилось большое количество «микрофилософий». Или, если угодно, аргументированных позиций, разделяемых относительно небольшим количеством индивидов. Среди них – экстрим (увлечение опасными видами спорта), веганство (строгая форма вегетарианства, отвергающая все продукты животного происхождения) и *childfreedom* («свобода от детей», то есть добровольная бездетность). Я не осуждаю первое; второе мне симпатично, а третье даже «несколько сродни». Но я понимаю, что эти явления не могут претендовать на статус всеобщей философии. В мире людей они существуют, как нежные голубки, извлечённые из банок с формалином: дышат, но слабо, привлекают, но прежде всего своей необычностью... Главную причину я вижу в том, что каждая из этих позиций конфликтует с биологической универсалией: инстинктом самосохранения, насыщения или продолжения рода. Если экстрим, веганство и *childfreedom* попробуют слиться в единое мировоззрение, можно ручаться, что оно отсеется уже в первом туре естественного отбора...

Гораздо увереннее чувствуют себя реалии, *потворствующие* какому-нибудь инстинкту – например, индустрия «фаст-фуд». Угождая людскому чреву, пусть даже в ущерб нашему здоровью, она прекрасно живёт без серьёзного идейного обоснования. И поэтому является лишь индустрией...

Когда-то одним из претендентов на сердце и мозг человечества была американская политкорректность. Настоящая, исконная политкорректность. Я имею в виду и провозглашение трёх неотчуждаемых человеческих прав в конце восемнадцатого столетия, и выстраданную отмену рабства в девятнадцатом, и волевой отказ от дис-

криминационных законов в двадцатом... Именуя этот идейный курс «политической корректностью», я хочу подчеркнуть, что он являлся правильным с точки зрения внешней политики. Конечно, на закате монархической эпохи большинство стран могло вдохновляться лишь целеустремлённостью молодой республики, но не самой целью: правовое равенство граждан тогда ещё не оформилось во всемирную нравственную универсалию. Но к середине XX века это уже произошло. Продолжив следовать за своей путеводной звездой, Америка могла бы стать новым социально-философским мессией (а не одиозным идеологическим лидером).

Но вместо того, чтобы развивать правовое равенство, американское общество вдруг занялось вуалированием биологического разнообразия: расового, полового, возрастного, интеллектуального... Главным ретушёром стал язык; в национальном сознании заработала кузница эвфемизмов – нейтральных слов и словосочетаний, заменяющих не рекомендованную к употреблению лексику. В разные годы под бессрочным этическим запретом оказались такие, казалось бы, «всепогодные» существительные и прилагательные, как “*a sportsman*” (нужно – “*a sportsperson*”, чтобы не подчёркивать половую принадлежность), “*old*” («старый»), “*fat*” («толстый»), “*beautiful*” («красивый») и множество других. Если гражданин США, особенно известный, не желает прослыть бестактным и нетерпимым, он вынужден использовать эвфемизмы разной степени комичности: “*chronologically gifted*” («одарённые временем»: о старых людях), “*horizontally oriented*” («горизонтально ориентированные»: о людях с лишним весом), “*mentally challenged*” («те, интеллектуальному развитию которых был брошен вызов»: об умственно отсталых) – и т.д. и etc. Хотя выражением “*political correctness*” обозначают именно этот феномен, он не имеет практически ничего общего с настоящей политической корректностью, предложенной отцами-основателями амери-

канской нации... Идея, доведённая до абсурда – это уже другая идея...

Мне кажется, что в США проводится масштабнейший полунанучный эксперимент, напрямую не связанный с заботой о возрастных, социальных, этнических и прочих группах. Суть его такова: количество табу и эвфемизмов должно перейти в новое качество – но не этическое, а лингвистическое. Экспериментаторам нужно, чтобы зарубежные филологи высказывались об «американском языке», а не об «американском варианте английского языка». Это повысит международный престиж государства, а, главное, сделает народ ещё более гордым и сплочённым... В пользу моей версии говорит характер преобразований: обычно запрещаются слова, входящие в основной лексический фонд английского языка, а большинство новинок являются *устойчивыми словосочетаниями* – то есть, пополняя лексику, они в то же время могут благоприятствовать грамматическим изменениям. Предложения становятся более длинными, связки «наречие + прилагательное» – более частотными.

Если «гипотеза эксперимента» верна, большинству крупных государств незачем брать пример с современной американской политкорректности: ведь у них уже есть свои готовые языки... Если я перемудрил, и цель гораздо очевиднее, то мир, казалось бы, всё равно не должен очаровываться этим явлением. Сглаживание естественных различий между людьми – это не нравственная универсалия. И, само собой, не биологическая... Однако, несмотря на свой слабый идейный магнит, политкорректность не ограничилась родными просторами. Со временем она проникла в Канаду и Западную Европу – и сейчас цветёт там пышным цветом. Не обошлось без её ростков и на российской почве... Отчего же такая популярность, такой географический размах?.. Причина видится мне в том, в чём, наверное, нельзя её не увидеть: США являются эпицентром современной глобализации. Даже когда эта страна диктует что-то самой себе, мир часто пытается записать всё слово в слово или

подробно законспектировать.

К сожалению, экономическое положение нашей Родины не обеспечивает её подобной харизмой. Тем не менее, современная Россия создала две-три самобытные мировоззренческие концепции, способные заинтересовать мировое сообщество. Одной из них является энергоэволюционизм Михаила Веллера. Известный писатель ощутил свою идею на закате советской эпохи, но его главные философские труды были созданы и изданы несколько позднее; поэтому мы можем говорить о нём как о современном российском мыслителе... В соответствии со взглядами Веллера, «История Вселенной – это история эволюции Энергии», а «История жизни на Земле – это эволюция энергопреобразования, происходящая во всё возрастающей прогрессии» [Веллер 2011]. Таким образом, философ опирается на законы термодинамики – проверенные временем научные универсалии.

С 2010-го года Михаил Веллер активно осваивает мировое интеллектуальное пространство. Он выступил с докладами на международных конференциях, проходивших в Греции и США, представил свой философский четырёхтомник на книжной ярмарке в Лондоне... Информация об энергоэволюционизме появилась в англоязычной «Википедии» (в статье «Mikhail Veller»). Эти сведения не были удалены – следовательно, эксперты признали их энциклопедически значимыми. В то же время Веллер не рассматривается как всемирно известный мыслитель: в статье сказано, что его философские сочинения вызвали *некоторый* резонанс в России и за рубежом [Wikipedia]. Однако международное внимание к идеям нашего соотечественника может резко возрасти. У Михаила Иосифовича есть напор, амбиции, дар слова и европейское стремление преподнести свои взгляды в виде системы. Но, прежде всего, у него есть научные универсалии, ставшие фундаментом энергоэволюционизма.

В основе современных идейных построений научный закон смотрится лучше

всех прочих универсалий. Прежде всего – благодаря успехам генетики, нейрофизиологии и физики. Однако такой закон не следует считать философским камнем, превращающим любую концепцию в золото и дарующим ей бессмертие... Даже устремившись к Истине из Её же посольства, можно сбиться с пути... Я, к сожалению, не могу оценить первые звенья логической цепи Михаила Веллера, поскольку совершенно не разбираюсь в термодинамике. Но мне кажется, что я в состоянии судить о теории, созданной американским мыслителем Бертом Томпсоном. Одну из глав своего труда «Научные доказательства сотворения» он посвятил закону причины и следствия, который описывается как «несомненно, самый универсальный и наиболее надёжный из всех научных законов» [Томпсон 2001: 237]. Я не собираюсь спорить с этим утверждением – хотя бы потому, что данный закон лежит в основе и моей теории. Но та его интерпретация, которую предлагает Б. Томпсон, расходится с определениями, приведёнными в словарях – как российских, так и иностранных [см., напр.: Яценко 1999; Губский 2009; Webster's Revised Unabridged Dictionary 1913; Collins English Dictionary: Complete and Unabridged 2003]. Самое ёмкое толкование приведено в энциклопедическом словаре под редакцией А.А. Ивина: «Нет и не может быть беспричинных явлений» [Ивин 2004]. Томпсон формулирует закон причинности следующим образом: «Каждое материальное следствие должно иметь адекватную предшествующую причину» [Томпсон 2001: 238, 239].

Начну со стилистических замечаний: слово «должно» не очень уместно в научном законе, а словосочетание «предшествующая причина» воспринимается как тавтология или странный намёк: дескать, следствие может быть вызвано какой-то иной причиной (более поздней или одновременной). А теперь по сути. Ни в одном из рассмотренных словарей нет даже косвенного указания на то, что закон причинности охватывает только *материальные* следствия. По пово-

ду *адекватности* причин (в том смысле, в каком её понимает Томпсон) там тоже ничего не сказано. Автор сводит адекватность к большей «значительности» причины, её количественному и качественному «превосходству» над следствием. «Река замутилась не от того, что в неё прыгнула лягушка; книга упала со стола не от того, что на неё села муха» – утверждает философ [Томпсон 2001: 239 – 240]. Он явно забывает о таком синергетическом понятии, как неравновесное состояние сложных систем [см., напр.: Лоскутов, Михайлов 2007]. В отдельные моменты прыжок лягушки мог бы не только замутировать реку, но и даже изменить направление течения...

Перед своим основным замечанием я освежу у вас в памяти формулировку Томпсона: «Каждое материальное следствие должно иметь адекватную предшествующую причину». Нетрудно заметить, что из этой фразы отнюдь не вытекает существование неразрывной причинно-следственной цепи, пронизывающей прошлое, настоящее и будущее. Возникает противоположный образ – абсолютно самодостаточные сцепки из двух звеньев, разбросанные где и как попало... Такая вот, мягко говоря, вольная трактовка закона причины и следствия. Неудивительно, что она приводит Томпсона к выводу о почти несомненном существовании *первопричины* – вечного, всемогущего, сверхъестественного (и, конечно же, безусловно адекватного) Создателя. Той отправной точки всего, которая несовместима с классическим пониманием закона причины и следствия.

История помнит немало научных законов и «подзаконных актов», осквернённых неверной интерпретацией. На рубеже XIX и XX веков немецкий учёный Ганс Дриш выявил два принципа эмбрионального развития: то обстоятельство, что часть не живёт вне целого, и так называемый «принцип эквивинальности», в соответствии с которым разные варианты развития способны приводить к одинаковому результату [Воейков 2000]. И как же обошёлся талантливый

биолог со своими открытиями? Положил их в основу идеалистической концепции, толкующей о нематериальном животворном начале... Принципы Дриша пользуются уважением среди биологов, чего нельзя сказать о его концепции...

Позднее был миф о «свободе воли» электрона, возникший из-за неправильной трактовки «принципа неопределённости» Вернера Гейзенберга [Комаров 1988; Рузавин 2007]. Базис – научное откровение XX столетия, краеугольный камень квантовой физики; надстройка – нелепое утверждение, игнорирующее закон причины и следствия. Кстати, как ни странно, за свободный электрон выступали Нильс Бор и Поль Дирак – гениальные учёные. Об этой ошибке стоит помнить любому человеку, решившему сделать вывод из научного открытия. Если даже такие умы... Однако пытаться всё же стоит, к чему я и призываю современных российских философов.

Моя собственная попытка привела к возникновению теории под названием «тормоплесизм». Возможно, кто-то из присутствующих помнит её основное содержание по прошлым конференциям, проходившим в этих стенах. Для всех остальных я изложу его ещё раз – вкратце, в нескольких предложениях.

Первым основанием тормоплесизма является **закон причины и следствия**. Вот корректное и развёрнутое определение данной связи: «один из *общих* законов действительности, согласно которому *все* явления в мире имеют свою причину, т.е. такое явление, которое предшествует следствию и *с необходимостью* вызывает это следствие» [Яценко 1999: 135; курсив мой – И.С.]. Отсюда вытекает принципиальная невозможность «свободы воли»: ведь она воспринимается как явление, выпадающее из цепи причин и следствий, как нечто вроде «малой первопричины». А нет свободы воли – нет и ответственности: эти категории неразделимы. Человек не достоин вознаграждения за сделанное им добро и не заслуживает наказания за совершённое им зло. Возна-

граждение – это то, что приближает человека к его собственной цели; наказание – то, что отдаляет от неё. Второе основание моей теории – **принцип «удовольствия-неудовольствия»**, в соответствии с которым каждый из нас стремится исключительно к счастью: максимизации своих приятных ощущений и минимизации неприятных. Причём стремится, опираясь на уже имеющийся эмоциональный опыт. Не обладая «свободой воли», люди почему-то получают от жизни вознаграждение (удовольствие) и наказание (неудовольствие).

Напрашивается простой этический вывод: эмоции должны быть отменены. Однако этот вывод меня не устраивает, несмотря на всю его логичность. Он деморализует меня как мыслителя, лишает желания двигаться к собственной философской системе. К тому же, никакое общество не сможет существовать без эмоциональной сферы, так как она выполняет ряд жизненно важных функций: коммуникативную, сигнальную, защитную и так далее. Поэтому я заменил то бесчувственное умозаключение его живым аналогом: **удовольствие, испытанное индивидом с момента рождения до момента смерти, должно быть количественно равным испытанному неудовольствию**.

Более подробное обоснование приведено в других моих работах [см., напр.: Самохин 2012]. Каковы же международные перспективы данной идеи в современных условиях? Само собой, они зависят от её базовых положений. О законе причины и следствия я сказал уже немало – и всё же мне есть, что добавить. Он является основой **детерминизма** – влиятельнейшего философского учения, без которого не было бы науки в её классическом и более позднем понимании... Этот закон представляет собою почти идеальную универсалию: неопровержимую, охватывающую весь мир, признанную представителями разных видов познания: научного, философского и даже обыденного... «Где же мотив?» – повторяет себе под нос озадаченный следователь; «Отчего же температура?» – чешет в затылке растерянный

врач; «За что?» – восклицает брошенная женщина; «Почему?» – интересуется самый многообещающий учёный всех времён и народов – пятилетний ребёнок...

В то же время большинство людей верят в «свободу воли». Как правило, они мыслят в духе *компатибилизма* – учения, считающего её совместимой с законом причинности. Появилось много определений «свободы воли», вообще не упоминающих об этом законе: возможность «осуществлять выбор того или иного варианта поведения, порой вопреки социальным обстоятельствам или собственным влечениям» [Столяренко 2003: 269 – 270]; «специфическая способность к выбору одного из нескольких вариантов действия, присущая разумному субъекту» [О’Сонног 2013; перевод мой – И.С.] и т.п. Однако любой детерминированный выбор, – осознанный или неосознанный, добровольный или навязанный, – может сочетаться только с *чувством* ответственности, но не с ней самой... С *иллюзией* свободной воли. «Воображение, которое зиждется на ошибочных постулатах, в конце концов нас разочарует», – предупреждает лауреат Нобелевской премии Фрэнсис Крик [цит. по: Cashmore 2010: 4502; перевод мой – И.С.]. И это разочарование уже даёт о себе знать: учёными замечено, что общество нуждается в своей любимой иллюзии всё меньше и меньше [Crick 1994; Wright 1995; Cashmore 2010; Ortega 2011]. Сведения о причинно-следственных связях множатся с небывалой скоростью. Это позволяет разбираться со многими нежелательными явлениями по-научному или хотя бы просто по-умному, а не хвататься за размокшие идеалистические соломинки (которые когда-то были спасательными шлюпками). Например, слишком нервными людьми всё чаще занимаются психиатры и психологи, а не знахари и моралисты. А современная юстиция стремится не столько покарать, сколько изолировать и социализировать.

Принцип удовольствия-неудовольствия – феномен неоднозначный. Это не такая яркая универсалия, как закон

причины и следствия, и всё же это универсалия. Данный принцип, введённый в науку легендарным Зигмундом Фрейдом, вырос из *гедонизма* – философского направления, созданного древнегреческим мыслителем Аристиппом. В конце жизни Фрейд решил, что стремление к счастью подчиняется «серому кардиналу» – влечению к смерти [Лейбин 2010]. Однако принцип удовольствия-неудовольствия вошёл в историю в своём более раннем, «диктаторском» варианте. Приятные ощущения есть Цель, неприятные – Антицель...

Все естественные науки смотрят на этот гедонистический манифест скептически или равнодушно; исключениями являются психофизиология и нейробиология. Многие слышали об эксперименте с крысами, током и педалькой, проведённом в середине прошлого столетия. Канадские учёные Джеймс Олдс и Питер Милнер обнаружили в крысином мозге «центр удовольствия», при электростимуляции которого животное забывало обо всех прочих потребностях: в пище, сне, сексуальных контактах... Счастливая мученица науки продолжала нажимать на педальку, подающую ток, пока не умирала от истощения... Похожие опыты ставились и на людях. Самый известный пример – эксперимент на пациентах психиатрических клиник, проведённый американским врачом Робертом Хитом.

Исследователи не единожды расходились во мнениях по поводу расположения «центра удовольствия». Кент Берридж и Мортен Крингельбах даже полагают, что учёные открывали и переоткрывали центр *желания*, напрямую не связанный с приятными эмоциями [Берридж, Крингельбах 2012]. Современные психофизиологи сходятся в одном: максимизация удовольствия и минимизация неудовольствия являются универсальными поведенческими задачами [Александров 2008: 138]. Однако моя теория строится на том, что они не просто универсальные, а единственные.

В наше время это, по-видимому, невозможно доказать экспериментальным пу-

тём. На помощь приходит логика. Не секрет, что счастье преобразует человека: делает его добрее, здоровее, успешнее, обаятельнее... По мнению некоторых учёных – даже умнее [Ali et al. 2012], хотя с этим хочется поспорить... Таким образом, счастье связано с целой плеядой общечеловеческих ценностей. Но так ли уж они абсолютны, так ли уж самодостаточны? Если немного подумать, станет понятно: и доброта, и здоровье, и успех, и обаяние обслуживают принцип удовольствия-неудовольствия. На индивидуальном и общественном уровнях... Выходит, счастье, в конечном счёте, направлено на самоё себя... И люди это улавливают. Если вы спросите знакомого, зачем он занимается (занимался, планирует заняться) тем или иным делом, то вряд ли услышите в ответ: «Чтобы получать удовольствие» или «Чтобы меньше страдать». Скорее всего, ваш собеседник озвучит какую-нибудь «уважительную» причину и изъявит желание сменить тему беседы. Но, продолжив копать, он, в конце концов, упрётся в твёрдую породу, неподвластную бурю рефлексии и динамиту интуиции. Вот банальный пример:

- Зачем ты учишься в вузе?
- Чтобы устроиться на приличную работу.
- Зачем тебе приличная работа?
- Чтобы неплохо зарабатывать.
- Зачем тебе неплохо зарабатывать?
- Чтобы содержать семью.
- Зачем тебе содержать семью?
- Чтобы мои родные не голодали и не мёрзли.
- Зачем тебе это?
- Это мой долг.
- А зачем ты следуешь долгу?
- Хочу иметь чистую совесть.
- Ну а зачем тебе чистая совесть?
- Я хочу её иметь.
- Ты повторяешься. Так зачем она тебе?

Видимо, ответ будет примерно таким: чтобы избежать неприятных ощущений, «угрызений совести». Конечно, знакомый

может схитрить, заявив, что просто хочет быть хорошим человеком. Но «хочу» / «не хочу» неминуемо приведёт к «нравится / не нравится», «приятно / неприятно», «счастлив / не счастлив»... Вероятно, диалог будет развиваться иначе. Представим, что на вопрос «Зачем тебе неплохо зарабатывать?» последовал сибаритский ответ: «Чтобы проводить отпуск в Египте». В таком случае уже следующее «зачем?» вызовет мечтательный вздох: «Чтобы наслаждаться морем и солнцем». Впрочем, приставать к людям совершенно необязательно. Можно обратиться к плодам коллективного творчества – мировым религиям. И в христианстве, и в буддизме, и в исламе рай и ад (цель и антицель) ассоциируются, прежде всего, с блаженством и муками. Как и в менее влиятельных конфессиях.

Получается, что принцип удовольствия-неудовольствия верен. И всё же учёные не считают его научным законом. Вероятно, они изменяют своё мнение, определившись с расположением соответствующих мозговых центров. Или совершив ряд открытий, которые позволят ввести единицу измерения приятных и неприятных ощущений. Однако у гедонистической философии есть то, чего лишён непогрешимый закон причины и следствия. *Нравственная универсалия*. В то время как детерминизм смеётся над грёзой о Свободе, гедонизм холит и лелеет ещё более заветную мечту – о Счастье (быть может, пренебрегая некоторыми другими ценностями). В общем и целом, оба учения являются очень востребованными в эпоху современной глобализации. Безусловно, это повышает шансы принявшей их философской теории.

Самое общее и, возможно, самое актуальное свойство тормоплесизма – это его *эмоциоцентричность*. Я уже назвал две-три жизненно важные функции, выполняемые удовольствием и неудовольствием. Оглашу весь список: регулятивная, оценочная, коммуникативная, сигнальная, мотивационная, стимулирующая, защитная [Немов 2003]. Я бы добавил ещё одну

– смыслопорождающую. Ту, благодаря которой эмоции стали неосязаемым фундаментом предлагаемого мною мира... Имея подобную основу, моя теория бросает вызов антропоцентризму. «Мерой всех вещей» оказываются все представители царства животных, способные испытывать приятные и неприятные ощущения: люди, кошки, собаки и так далее. Разумеется, я не намекаю на правовое или политическое равенство этих биологических видов. Имеется в виду, что они чрезвычайно близки в наиболее важном, онтологическом смысле. Уже сейчас эта близость проявляется на социальном уровне: люди относятся к животным гораздо человечнее, чем несколько веков и даже десятилетий назад. В другой раз я расскажу об эмоциентричности более

подробно. Возможно, это будет мой самый увлекательный доклад. Ведь речь пойдёт о «братьях наших меньших»... А сейчас подведём итоги сегодняшнего выступления.

Призыв, с которым я обратился к современным российским мыслителям, можно сформулировать в двух словах: ищите универсалию! Точнее – не ищите, а выбирайте, ибо эти глыбы трудно незаметить. Начните с научных законов. Ощупывайте каждый из них, как стены старинного замка, пока перед вами не откроется туннель, ведущий в сад мерцающей истины... Возможно, когда-нибудь этот потайной ход превратится в парадный...

Литература

Александров Ю.И. Психофизиология: Учебник для вузов. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: «Питер», 2008. – 464 с.

Антропова Н.К. Русская философия: Методические указания для изучения курса философии для студентов дневной и заочной формы обучения всех специальностей. – Екатеринбург: УГЛТУ, 2007. – 25 с.

Ашкеров А.Ю. Нация – это постоянный флэш-моб... // Нилогов А.С. Кто сегодня делает философию в России. – Т. 1. – М.: «Поколение», 2007. – С. 16 – 36.

Бак Д.П. Литературоведение Сергея Бочарова // Похвала филологии. – М.: «Русский путь», 2007. – С. 35 – 42.

Балашов Л.Е. Философия. – 3-е изд., с испр. и доп. – М.: ИТК «Дашков и К». – 664 с.

Берридж К., Крингельбах М. Счастливый мозг. – Берридж К., Крингельбах М., пер. Т.А. Митина // В мире науки. – № 10 2012. – С. 36 – 42.

Ваганов А. Сугубо исследовательский труд: Интервью с В.С. Стёпиным и А.А. Гусейновым. – 2001. – URL: <http://guseinov.ru/int/vaganov.html>

Веллер М.И. Энергоэволюционизм. – 2011. – URL: <http://lib.rus.ec/b/424759/read>

Воейков В.Л. Витализм // Новая философская энциклопедия. – 2000 – 2001. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/0630.html>

Губский Е.Ф., Кораблёва Г.В., Лутченко В.А. Философский энциклопедический словарь. – М.: «ИНФРА-М», 2009. – 576 с.

Зильбер В.С. Роман о гомеопатии. Ч. 1: Что есть такое гомеопатия / В.С. Зильбер; Предисл. В.С. Мищенко. – М.: «Пранат», 2003. – 125 с.

Ивин А.А. Философский словарь: Энциклопедия. – 2004. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/985/%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%A7%D0%98%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC

Комаров В.Н. Наука и миф. – М.: «Просвещение», 1988. – 192 с.

Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. – М.: «Ридерз Дайджест», 2004. – 960 с.

Лейбин В.М. Принцип удовольствия // Лейбин В.М. Словарь-справочник по психоанализу. – 2010. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/881/word/princip-udovolstvija>

Лоскутов А.Ю., Михайлов А.С. Основы теории сложных систем. – М. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2007. – 620 с.

Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. уч. заведений: В 3 кн. – 4-е изд. – М.: «Владос», 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.

Рузавин Г.И. Концепции современного естествознания. – М.: «Юнити», 2007. – 287 с.

Самохин И.С. Всеобщая НИЭР в тормоплесизме (этико-философская и функциональная значимость) // Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. Доклады Шестой международной научно-практической конференции. МИЛ, 7 декабря 2011 г. – М.: МИЛ, 2012. – С. 204 – 216.

Соловьёв В.С. Русская идея // Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. – М.: «Правда», 1989. – Т. 2. – С. 217 – 246.

Столяренко Л.Д. Основы психологии. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003. – 672 с.

Томпсон Б. Научные доказательства сотворения // Христианский справочник по апологетике / Перевод Л. Голубева. – Киров, 2001. – С. 215 – 288.

Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: «Лань», 1999. – 528 с.

Ali A., Ambler G., Strydom A., Rai D., Cooper C., McManus S., Weich S., Meltzer H., Dein S., Hassiotis A. The relation between happiness and intelligence quotient: the contribution of socio-economic and clinical factors // Psychological medicine. – Cambridge University Press. – Volume 43 Issue 6 2012. – Pp. 1303 – 1312.

Cashmore A. The Lucretian swerve: The biological basis of human behavior and the criminal justice system // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 107, N. 10 2010. – Pp. 4499 – 4504.

Collins English Dictionary: Complete and Unabridged. – HarperCollins Publishers Limited, 2003. – 1872 p.

Crick F. The Astonishing Hypothesis. – N.Y.: Scribner's, 1995. – 336 p.

Mikhail Veller // Wikipedia. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Mikhail_Veller

O'Connor T. Free will // Zalta E. N. Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2002 – 2013. – URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2013/entries/freewill/>

Ortega G. Exploring the Illusion of Free Will. – Lexington, KY: CreateSpace, 2011. – 164 p.

Popper K. S. The Open Society and Its Enemies. – London: Routledge, 2002. – 920 p.

Webster's Revised Unabridged Dictionary. – Springfield: G. & C. Merriam Co, 1913. – 2026 p.

Wright R. The Moral Animal: Why We Are, the Way We Are: The New Science of Evolutionary Psychology. – London: Vintage Books, 1995. – 496 p.

**ЗДЕСЬ МОЖНО РАЗМЕСТИТЬ
ИНФОРМАЦИЮ О БУДУЩИХ
КОНФЕРЕНЦИЯХ**

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Данная статья посвящена проблеме распространения и влияния английского языка в эпоху глобализации. Показано, что английский язык играет огромную роль в современном обществе. В статье рассматриваются причины и факторы, повлиявшие на интенсивное развитие английского языка, и последствия, к которым это может привести. Также затрагивается проблема глобального общения, ее положительные и отрицательные стороны.

Ключевые слова: язык, глобализация, коммуникация, мировое сообщество, универсальный язык.

S.V. Spiryayeva

ENGLISH IN GLOBALIZATION ERA

The article considers the English language expansion and influence in globalization era. The English language is known to play a considerable role in modern society. The article covers causes and factors of the English language intensive evolution and its expansion consequences. Global communication problem, its positive and negative aspects are also mentioned here.

Key words: language, globalization, communicatio, universal community, universal language.

В условиях, охвативших всё современное мировое сообщество глобальных изменений, усложнения жизни и ускорения ритмов, революции в области средств массовой информации, расширения международных политических контактов, интеграции мировой экономики и финансов всё большее значение приобретает коммуникация [Тревоги мира 1997:12].

В процессе разрешения различных проблем и жизненных ситуаций проявляется социально-интегративная функция коммуникации, которая состоит в ориентации на социальное партнёрство, диалог, а значит, на формирование «коммуникативных сетей», то есть того «вещества» социальности, в котором возникают, воспроизводятся, взаимодействуют и развиваются разнообразные субъекты социокультурного действия [Дридзе 1998: 146].

Коммуникация всё более усложняется, становясь мощным действенным средством, организующей силой, оказывающей влияние на все сферы жизнедеятельности общества. В настоящее время успех решения многих проблем зависит от владения информацией, от выбора нужного партнёра, а в более широком смысле – от правильного выбора коммуникационных стратегий. Одним из важных моментов в изучении проблем коммуникации являются её социокультурные характеристики и условия, в которых распространяются те или иные информационные конструкты: культурные, предметные и другие [Макеёкина 1997: 5].

В данном случае важными являются некоторые аспекты текстового обмена, в частности, языковая характеристика информации и «организации» коммуникации. В этой связи основной проблемой является выявление «рабочих языков» коммуникации. Одной из основных современных тенденций в данной сфере является процесс, названный «англоязычной экспансией» [Смирнова 2000: 34].

Англоязычная экспансия – сложное и противоречивое лингвосоциокультурное явление, обусловленное множеством психологических и исторических факторов, связанных, в частности, с послевоенным утверждением США на мировой арене и, как следствие, с повсеместным распространением английского языка в качестве лидирующего языка международного общения. Однако в настоящее время англоязычная экспансия приобретает новое значение, сущность которого заключается в тесной связи этого процесса с глобальными цивилизационными изменениями. В определённом смысле и саму англоязычную экспансию можно отнести к глобализационным процессам. Поэтому для адекватного анализа и понимания сущности исследуемого явления необходимо рассматривать его в свете тех разительных перемен, которые произошли в мировой политике, экономике и общественной жизни за последние годы, – то есть в контексте эпохи глобализации.

Конкретная форма, которую принимает действие коммуникации в условиях глобальных изменений, в значительной мере зависит от реально сложившихся взаимоотношений партнёров мирового сообщества, от расстановки сил, от потенциала и места каждого из партнёров.

Без сомнения, можно говорить о том, что наибольшее влияние в мире английский язык получил в XX веке. Этому, бесспорно, содействовало культурное наследие народа, говорящего на этом языке. Первые шаги по укреплению политической роли английского языка были предприняты в 1919 году – после окончания первой мировой войны. Под управление стран-победительниц были переданы прежние немецкие колонии в Африке, Азии, Океании и на Ближнем Востоке. Однако рост влияния английского языка посредством политической экспансии уже начал замедляться. В послевоенный период для него гораздо важнее было то, каким образом воспринимались в мире культурное наследие колониальной эпохи и достижения технической революции. На

этом новом этапе английский язык начал проявлять себя как средство общения в быстроразвивающихся сферах деятельности, то есть в областях, которые постепенно должны были определять характер бытовой и профессиональной жизни XX века.

Использование английского языка как одного из официальных языков в работе международных организаций внесло весомый вклад в его развитие как языка международного общения. Первой международной организацией, которая предоставила английскому языку особый статус, была Лига Наций. К моменту проведения первой сессии её членами были 42 государства. В 1945 году возникла Организация Объединённых Наций, в структуре которой английский также выполнял функцию одного из основных языков. Английский является официальным или рабочим языком на сессиях большинства других главных международных организаций, а именно, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Совета Европы, Европейского союза, Организации североатлантического договора, Европейской ассоциации свободной торговли и так далее.

Официальным языком международных рекламных организаций, таких, как Европейская ассоциация рекламных агентств, неизменно был и остаётся английский. Значительную роль играли и продолжают играть также радио и телевидение, киноиндустрия, где США, а соответственно, и английский язык имеют наибольшую долю участия. Кинематограф был одним из двух направлений сферы развлечений, появившихся в конце XIX века. Другой стала звукозапись, где с самого начала и до наших дней английский язык имеет главенствующее значение.

Распространённость английского языка связывают также с тем, что во мно-

гих странах он является вторым официальным языком. В тех странах, где английский язык не имеет официального статуса второго языка, многие владеют английским как иностранным. Статусные различия между вторым языком и языком иностранным не имеют значения для человека, который говорит по-английски, однако важны для самого языка. Провозглашение английского языка вторым официальным языком даёт стране право устанавливать местные языковые стандарты, которые фиксируются в словарях.

Тем не менее, на протяжении XX века несколько раз возникали ситуации, когда статус английского языка оказывался под вопросом. Иногда носители некоего местного языка полагают, что ему необходима защита, так как его существованию угрожает другой язык. В подобных случаях страна принимает меры для сохранения местного языка путём придания ему особого статуса. Так, например, определённый статус получили валлийский язык в Уэльсе, ирландский в Ирландии, французский в канадском Квебеке [Кристалл 2001: 126].

Английский язык во многом открывает доступ к сокровищнице мировых знаний, особенно в таких областях, как наука и техника, а это является основой для образования. Причиной, по которой в последние годы многие страны придали английскому языку статус официального или выбрали его в качестве основного иностранного языка в своих школах, видится именно возможность получения хорошего образования. Начиная с 60-х годов, на английском языке ведётся преподавание в высших учебных заведениях многих стран.

Влияние английского языка в мире велико, и оно продолжает расти с каждым годом.

Литература

Дридзе Т. М. Язык и социальная психология / Т.М. Дридзе под ред. А. А. Леонтьева. – М.: Высш. шк., 1980. – 224 с.

Кристалл Д. Английский язык как глобальный / пер. с английского. – М.: «Весь мир», 2001. – 238 с.

Макеекина Н.Ю. Взаимодействие и диалог культур на рубеже веков / Н.Ю. Макеекина. – Пенза, 1997. – 168 с.

Смирнова М.В. Коммуникация в современном глобальном сообществе и проблема англоязычной экспансии / М.В. Смирнова // Мир психологии. – М., 2000. – №2. – С. 33–38.

Тревоги мира. Социальные последствия глобализации мировых процессов. Доклад ЮНДРИДС // Издание на русском языке: Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1997.

О.Ю. Черных

УДК 81'003.28

**СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ КОНСТРУКЦИИ «ТЕКСТ В ТЕКСТЕ» В
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В статье приводятся результаты исследования способов создания интертекстуальности и ее функций в письменных фрагментах педагогического дискурса и. Отмечено, что в текстах учебников интертексты встречаются в вербальном и невербальном коде. Делается вывод о том, что количество интертекстов и степень их новизны отличается в зависимости от учебника.

Ключевые слова: Интертекстуальность, педагогический дискурс, интертекст, вербальный код, невербальный код.

O.Yu. Chernykh

**MEANS OF CONSTRUCTION OF 'TEXT WITHIN THE TEXT' STRUCTURE IN
PEDAGOGICAL DISCOURSE**

This study reviews the results of research focused on the means of intertextuality construction and its functions in printed pedagogical discourse. Notably, in the textbooks domain intertexts occur in both verbal and non-verbal codes. Author also emphasizes that the number of intertexts and its novelty depend on the textbook.

Key words: Intertextuality, pedagogical discourse, intertext, verbal code, non-verbal code.

Несмотря на то, что в последнее время появилось немало работ, посвященных интертекстуальности, проблему межтекстового взаимодействия трудно назвать исчерпанной, а способы создания конструкции «текст в тексте» в педагогическом дискурсе практически не изучены.

Мы исследовали письменные фрагменты педагогического дискурса, представленные учебниками для 1 класса. Исследованные учебники включены в «Федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию в образовательном процессе в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы общего образования и имеющих государственную аккредитацию, на 2011/2012 учебный год» и входят в состав интегрированного курса обучения учащихся начальных классов по системе развивающего обучения Л. Занкова.

В ходе исследования было установлено, что всем учебникам свойственно такое явление, как *интертекстуальность*. Под этим термином мы понимаем «общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» (www.krugosvet.ru).

Выделяют две стороны интертекстуальности – читательскую и авторскую: «С точки зрения читателя интертекстуальность – это установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами... С точки зрения автора интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов» [Фатеева 2007: 16, 20].

Различают следующие функции интертекста в художественном дискурсе:

1. При помощи интертекста автор может ввести в свой текст определенную мысль, которая уже существовала до соз-

дания данного текста. В педагогическом дискурсе указанная функция наиболее интенсивно представлена в учебнике «Литературное чтение», где задумки авторов, направленные на полноценное развитие личности первоклассника, осуществляются за счет использования в качестве учебного материала произведений известных авторов. Например, в учебник «Литературное чтение» авторы ввели в свой текст стихотворение Маршака для того, чтобы осуществить поставленные задачи.

Рисунок 1.

2. Кроме того, используя интертекст, вновь созданный текст становится частью более широкого культурно-литературного контекста. Здесь имеется в виду, что в литературный текст можно ввести фрагменты «текстов» других видов искусств. Так, например, в учебнике «Литературное чтение» зачастую используются репродукции картин известных художников для иллюстрации литературного произведения.

Рисунок 2.

Например, картина И. Шишкина «Рожь» используется в качестве иллюстрации к стихотворению А.Фета «Зреет рожь над жаркой нивой...»

Для интертекстуальности педагогического дискурса, кроме названных функций, характерны и другие. Например, функция интертекстуальности в учебных текстах может быть *экспрессивной* (т.е. автор осуществляет ссылки на тех героев, которые известны детям).

Рисунок 3.

На рис. 3 в качестве субъектов действий в тексте задачи по математике использованы хорошо известные первоклассникам сказочные герои – Незнайка, Кнопочка, Знайка.

Функция интертекста может быть *апеллятивной* (отсылка к какому-нибудь тексту в учебнике ориентирована на совершенно конкретного адресата – первоклассника, который в состоянии интертекстуальную ссылку опознать и адекватно понять стоящую за ней интенцию).

Рисунок 4.

На рис. 4 приведено задание из учебника «Азбука». Детям предлагается составить

схемы названия сказок, отрывки из которых изображены на иллюстрациях.

Для разных учебников характерны различные виды интертекстуальности. Так, например, в учебниках «Азбука», «Литературное чтение» и «Русский язык» явно прослеживается собственно интертекстуальность, образующая конструкцию «текст в тексте». В учебнике цитируются произведения авторов, т.е. происходит «воспроизведение текста донора с собственной предикацией» [Фатеева 2007: 122]. Цитироваться могут:

- **целые произведения** (например, в учебнике «Литературное чтение» приводится стихотворение М.Я. Богородицкой «Колдунье не колдуется»);

Рисунок 5.

- **фрагменты произведений** (в том же учебнике приведен отрывок из повести Н. Носова «Незнайка и его друзья»).

Теперь, наверное, вам будет интересно узнать, как поэты сочиняют стихи, придумывают рифмы. Давайте прочитаем отрывок из книги Н.Н. Носова про его любимого героя Незнайку, о том, как Незнайка придумывал рифмы.

Н.Н. Носов

Приключения Незнайки и его друзей
(Отрывок)

После того как из Незайки не получилось художника, он решил сделаться поэтом и сочинять стихи. У него был знакомый поэт, который жил на улице Одуванчиков...

Однажды Незайка пришёл к Цветику и сказал:

- Слушай, Цветик, научи меня сочинять стихи. Я тоже хочу быть поэтом.

- А у тебя способности есть? - спросил Цветик.

- Конечно, есть. Я очень способный, - ответил Незайка.

Рисунок 6.

- а также **отдельные предложения** (в учебнике «Азбука» приведена фраза – *Кто ложился в мою постель и смял её?* Учащимся предлагается определить, из какой сказки эта фраза, и вспомнить, как ее произносит каждый из героев).

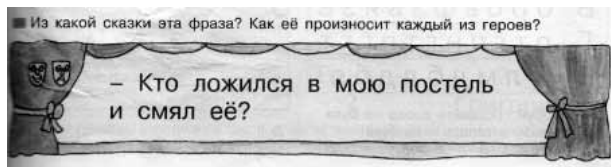

Рисунок 7.

В учебнике «Математика» интертекстуальность представлена аллюзией – «заимствованием определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация» [Фатеева 2007: 128]. Авторы заимствовали имена сказочных героев (например, Красная шапочка, Незнайка и др.) для создания текстов задач. На рис. 8 Красная Шапочка выступает в роли субъекта действий.

Рисунок 8.

В случае с цитированием произведений в учебниках интертекстуальность носит реконструктивный характер, а в учебнике «Математика» интертекст несет конструктивную функцию.

Интертекстуальность в учебниках для первого класса присутствует как в вербальном коде (например, субъектами действий в задачах по математике выступают литературные персонажи – Незнайка, Кнопочка и

др.), так и в невербальном коде (изображение на иллюстрациях к заданиям персонажей из художественных произведений).

Интертекстуальность в невербальном коде учебников можно классифицировать следующим образом:

- изображение на иллюстрациях отдельных литературных героев (например, Карлсона, Кнопочки и т.д.);

Рисунок 9.

- изображение целого фрагмента из художественного произведения (например, в учебнике «Математика» изображены рисунки к сказке «Колобок»);

Рисунок 10.

- использование в качестве иллюстраций репродукций картин известных художников.

Различие между учебниками состоит в количестве интертекстов. Наиболее интенсивно они представлены в учебнике «Лите-

ратурное чтение», что обусловлено спецификой предмета.

Интересным представляется тот факт, что вербальные и невербальные интертексты в учебниках для 1 класса отличаются по степени новизны для первоклассников. Так, в качестве невербальных интертекстов используются только герои, предметы или целые фрагменты хорошо известных произведений (в основном, сказок). В качестве

вербальных интертекстов могут выступать как известные ранее первоклассникам произведения, так и совершенно незнакомые.

Таким образом, мы сделали вывод, что явление интертекстуальности широко представлено в письменных фрагментах педагогического дискурса. Это обусловлено тем, что создание конструкций «текст в тексте» является одним из способов апелляций к знакомым первоклассникам моделям мира.

Литература

Аргинская И. И., Бененсон Е. П., Итина Л. С. Математика: учеб. для 1 кл.: в 2 ч. – Самара: Учеб. лит.: Издат. дом «Фёдоров», 2008. – Ч. 1 – 112 с. Ч. 2 – 128 с.

Дмитриева Н. Я., Казаков А. Н. Окружающий мир: учеб. для 1 кл.: в 2 ч. – 4-е изд., исправ. – Самара: Учеб. лит.: Издат. дом «Фёдоров», 2008. – Ч. 1. – 52 с. Ч. 2. – 48 с.

Лазарева В. А. Литературное чтение: учеб. для 1 кл. – Самара: Учеб. лит.: Издат. дом «Фёдоров», 2008. – 128 с.

Нечаева Н. В., Белорусец К. С. Азбука: учеб. по обучению грамоте и чтению. – 7-е изд., испр. – Самара: Учеб. лит.: Издат. дом «Фёдоров», 2008. – 112 с.

Полякова А. В. Русский язык: учеб. для 1 кл. нач. шк. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 2008 – 143 с.

Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.

Электронные ресурсы

Энциклопедия Кругосвет: универсальная научно-популярная он-лайн энциклопедия – М.: Он-лайн энцикл. «Кругосвет», 1997. – Web: <http://www.krugosvet.ru>.

**ЗДЕСЬ МОЖНО РАЗМЕСТИТЬ
ИНФОРМАЦИЮ О БУДУЩИХ
КОНФЕРЕНЦИЯХ**

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

Е.Е. Веселкова

УДК 341.9

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

В данной статье автор предлагает классификацию иностранных инвестиций исходя из различных критериев и существенных признаков иностранных инвестиций на основе анализа действующего законодательства и положений доктрины.

Ключевые слова: иностранная инвестиция, иностранный инвестор.

E.E. Veselkova

THE CLASSIFICATION OF FOREIGN INVESTMENTS

The paper provides the classification of foreign investments on the basis of different criteria and specific aspects of foreign investments with regard to current legislation and doctrine.

Key words: foreign investment, foreign investor.

Если частный инвестор намерен осуществить бессрочные прямые инвестиции, то их реализация целесообразна (в юридическом смысле) через организационно-правовые формы иностранных инвестиций. Если же частный инвестор, обладая ресурсами, не намерен формировать их в организацию, а осуществить срочные предпринимательские или ссудные (возможно однократные) инвестиции, направленные на приращение собственного капитала или на иной полезный (в том числе социально полезный) результат, то инвестиции реализовываются через инвестиционные договоры.

Такая классификация обусловлена, классификацией самих иностранных инвестиций, а также действующим инвестиционным законодательством, обобщив которое можно сделать вывод, что правовые формы иностранных инвестиций (далее ПФИИ) в Российской Федерации в научных целях можно разделить на две группы: организационно-правовые формы иностранных инвестиций и инвестиционные контракты.

Дифференцировать группу организационно-правовых форм иностранных инвестиций представляется возможным, избрав в качестве основания правовое положение организации. Не все организации, учреждаемые организационно-правовыми формами иностранных инвестиций, обладают положением юридического лица, т.е. организация имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, имеет самостоятельный баланс или смету. В частности, к первому виду – неюридических лиц относятся: простое товарищество (договор о совместной деятельности) и паевой инвестиционный фонд. Договор о совместной деятельности является отдельным объектом исследования в настоящей работе. Паевой

инвестиционный фонд представляет собой обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией. Создание и деятельность таких фондов регулируется Федеральным законом от 29 ноября 2001 г. N 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах».

Основанием для второго вида организационно-правовых форм иностранных инвестиций является то, что при учреждении организации, последняя по своему правовому положению является юридическим лицом, т.е. отвечает признакам, изложенным в ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (с последними изменениями и дополнениями).

В соответствии с главой IV Гражданского кодекса РФ юридическое лицо может быть создано в двух формах: коммерческой и некоммерческой организации. В целях настоящей статьи организационно-правовые формы иностранных инвестиций, относящихся к некоммерческим организациям, не рассматриваются ввиду их ограниченной предпринимательской дееспособности. Некоммерческие организации в соответствии с абзацем второй части 3 статьи 50 Гражданского кодекса РФ и ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 6.1, ч.2 ст. 7, ч. 2 ст. 7.1, ч.2 ст. 8, ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с изменениями и дополнениями) вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, соответствующую целям, для достижения которых они созданы, однако сама по себе предпринимательская деятельность не является целью создания некоммерческой организации. В то время как инвестиционная деятельность является разновидностью предпринимательской деятельности и инве-

стор, используя организационно-правовые формы иностранных инвестиций, рассчитывает на прямое получение прибыли. Исходя из этого некоммерческие организации, хотя и способны осуществлять, и осуществляют инвестиционную деятельность, не являются предметом настоящего исследования.

Наибольшее распространение в силу своей правовой природы и цели создания, в качестве организационно-правовой формы иностранных инвестиций получили коммерческие организации. В соответствии со ст. 66 Гражданского кодекса Российской Федерации (с последними изменениями и дополнениями) коммерческие организации могут быть созданы в форме хозяйственного общества или товарищества.

Необходимо отметить, что хозяйственные товарищества не представляют интереса для иностранного инвестора и не могут (в отличие от некоммерческих организаций) считаться ПФИИ, так как в соответствии с ч. 2 ст. 69 и ч.3 ст. 82 Гражданского кодекса Российской Федерации (с последними изменениями и дополнениями) участник, а инвестор, вкладывая средства в складочный капитал, безусловно, является участником полного или командитного товарищества, может быть участником только одного товарищества. Вкладывая капитал по средствам прямых инвестиций, иностранные инвесторы не осуществляют такие вложения в складочные капиталы хозяйственных товариществ, потому что инвесторы заинтересованы в максимально возможном увеличении вложенных средств, для чего инвесторы вкладывают средства, учреждая не одну организацию. Однако участие в капитале хозяйственного товарищества законодательно лишает их возможности инвестировать напрямую в другие организации.

Таким образом, ко второму виду – юридических лиц, являющихся организационно-правовой формой иностранной инвестиции, относятся некоммерческие организации и хозяйственные общества.

В целях настоящей работы исследованию подлежат хозяйственные общества. Хозяйственные общества в соответствии с дей-

ствующим законодательством могут быть двух видов: акционерные и с ограниченной ответственностью, соответственно. Акционерные общества, в свою очередь, подразделяются на открытые и закрытые.

Хозяйственные общества – коммерческие организации с разделенным на доли (вклады) учредителей (участников) уставным (складочным) капиталом. Имущество, созданное за счет вкладов учредителей (участников), а также произведенное и приобретенное хозяйственным товариществом или обществом в процессе его деятельности, принадлежит ему на праве собственности.

Акционерные общества (открытые, закрытые) – коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу. Акционеры не отвечают по обязательствам общества и несут риск убытков, связанных с его деятельностью, в пределах стоимости принадлежащих им акций. Акционеры, не полностью оплатившие акции, несут солидарную ответственность по обязательствам общества в пределах неоплаченной части стоимости принадлежащих им акций. Акционеры вправе отчуждать принадлежащие им акции без согласия других акционеров и общества.

Общество может быть открытым или закрытым, что отражается в его уставе и фирменном наименовании. Открытое общество вправе проводить открытую подписку на выпускаемые им акции и осуществлять их свободную продажу с учетом требований настоящего Федерального закона и иных правовых актов Российской Федерации. Открытое общество вправе проводить закрытую подписку на выпускаемые им акции, за исключением случаев, когда возможность проведения закрытой подписки ограничена уставом общества или требованиями правовых актов Российской Федерации. Число акционеров открытого общества не ограничено. В открытом обществе не допускается установление преимущественного права общества или его акционеров на приобрете-

ние акций, отчуждаемых акционерами этого общества. Общество, акции которого распределяются только среди его учредителей или иного, заранее определенного круга лиц, признается закрытым обществом. Такое общество не вправе проводить открытую подписку на выпускаемые им акции либо иным образом предлагать их для приобретения неограниченному кругу лиц. Число акционеров закрытого общества не должно превышать пятидесяти. Акционеры закрытого общества пользуются преимущественным правом приобретения акций, продаваемых другими акционерами этого общества, по цене предложения третьему лицу пропорционально количеству акций, принадлежащих каждому из них, если уставом общества не предусмотрен иной порядок осуществления данного права. Уставом закрытого общества может быть предусмотрено преимущественное право приобретения обществом акций, продаваемых его акционерами, если акционеры не использовали свое преимущественное право приобретения акций.

Общество с ограниченной ответственностью – учрежденное одним или несколькими лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли определенных учредительными документами размеров; участники общества не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости внесенных ими вкладов. Участники общества, внесшие вклады в уставный капитал общества не полностью, несут солидарную ответственность по его обязательствам в пределах стоимости неоплаченной части вклада каждого из участников общества.

По характеру собственности организационно-правовые формы иностранных инвестиций можно также дифференцировать на государственные и частные.

В 2001г. благодаря принятию Федерального закона «Об инвестиционных фондах» у инвесторов появился новый правовой инструмент реализации инвестиций. До момента финансового кризиса, одной из причин которого считается чрезмерное раз-

витие спекулятивного сектора экономики, инвестиционные фонды на таких торговых площадках, как ММВБ и РТС, получили широкое распространение. Одной из причин такого стремительного распространения инвестиционных фондов можно считать их «спекулятивную» привлекательность, т.е. возможность получить большие деньги в сравнительно быстрые сроки.

И коммерческие банки, и акционерные инвестиционные фонды можно в научных целях отнести к специальному виду хозяйственных обществ т.к. Банк – кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности, следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц. Акционерный инвестиционный фонд – открытое акционерное общество, исключительным предметом деятельности которого является инвестирование имущества в ценные бумаги и иные объекты. В соответствии с действующим законодательством рассматриваемые институты имеют два исключительных требования: они должны быть учреждены в соответствующей форме хозяйственного общества и имеют исключительный предмет деятельности.

Поскольку в российском законодательстве нет понятия инвестиционного договора, в науке предпринимаются попытки дать его определение. В связи с этим юристы высказывают различные точки зрения на природу и правовое регулирование данного договора. Одни считают, что это особый вид договора, заключаемый на основании статьи 421 ГК РФ, в соответствии с которой можно заключить договор, специально не предусмотренный нормами права. При этом в тексте предлагаемого к подписанию договора обычно дополнительно делается ссылка на Федеральный закон от 25 февраля 20 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляе-

мой в форме капитальных вложений».

Другие авторы считают, что это договор о совместной деятельности и предлагают применять к нему положения главы 55 «Простое товарищество» ГК РФ. Данная точка зрения наименее аргументирована. Например, как указал Верховный Суд Российской Федерации, «...участники совместной деятельности заключают взаимный договор о совместной деятельности, образуют простое товарищество. У каждого участника по отношению к остальным возникают взаимные права и обязанности. Каждый участник договора о совместной деятельности должен иметь право на участие в управлении общими делами, на долю в общем имуществе и на получение части прибыли. Имущественные взносы участников и имущество, созданное или приобретенное ими в результате совместной деятельности, в том числе полученные доходы, составляют объект их общей долевой собственности. Отношения между товарищами регулируются нормами о праве долевой собственности, включая право преимущественной покупки доли, продаваемой участником, и выражаются они в организации совместной деятельности участников для достижения общей цели. Долевая собственность составляет лишь необходимую имущественную базу такой деятельности. По взаимному соглашению участники могут возложить руководство их совместной деятельностью на одного из них, положение которого оформляется доверенностью, выдаваемой остальными участниками договора».

Между тем конечной целью, например, участия граждан в строительстве многоквартирных домов является получение квартиры для проживания и взнос гражданина предназначен только для финансирования строительства конкретной квартиры.

Кроме того, из содержания инвестиционных договоров, заключаемых гражданами и организациями, видно, что граждане не обладают правом ни на участие в управлении общими делами предприятия, ни на долю в праве на общее имущество и на получение части прибыли». То есть рассматри-

ваемые договоры не могут быть договорами о совместной деятельности. Тем не менее, если компания, с которой заключен договор, настаивает на том, что это именно договор о совместной деятельности, то можно требовать от компании полного отчета о деятельности, предоставления бухгалтерских документов и иной документации, а также требовать свою долю в прибыли от деятельности компании, осуществляемой в рамках совместной деятельности.

Третьи полагают, что, заключая инвестиционный договор, стороны на самом деле оговаривают в нем такие условия, которые характерны для договора строительного подряда, и предлагают применять к инвестиционным договорам нормы о строительном подряде. Существуют и другие точки зрения (Гущин, Овчинников 2009: 519-521).

В данном случае термин «контракт» может быть введен. Он является синонимом таких терминов, как договор, соглашение и сделка. Синонимизация возможна, так как все эти понятия по содержанию своему и правовой природе представляют собой то, что поименовано в ст. 153 Гражданского Кодекса Российской Федерации (с последними изменениями и дополнениями) как сделка – т.е. действия сторон, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Первое основание классификации инвестиционных контрактов, которое можно выделить – **по субъектному составу**. Для реализации (исполнения) инвестиционного контракта определяющее значение имеют стороны контракта или субъекты правоотношения, возникающего в связи с заключением контракта. При рассмотрении настоящего вопроса важен факт участия государства как субъекта гражданских правоотношений в качестве стороны инвестиционного контракта. Итак, по субъектному составу инвестиционные контракты могут быть: частными или публичными.

Необходимо отметить, что классификация по приведенному выше основанию не является статичной, так как в соответствии со ст. 124 Гражданского Кодекса Россий-

ской Федерации (с последними изменениями и дополнениями) Российская Федерация и иные носители публичной власти выступают в гражданском обороте на равных началах с иными участниками последнего. Таким образом, публичная власть (в ее различных формах) может интегрироваться в гражданский оборот, используя практически все существующие в материальном праве институты, в том числе и в ПФИИ. Исключения составляют лишь инвестиционные контракты, включающие Российскую Федерацию (или иной субъект публичной власти) как специального субъекта, т.е. контракт может быть заключен только с Российской Федерацией. Такими контрактами, безусловно, являются: соглашение о разделе продукции, государственный или муниципальный контракт и т.д. К частным же инвестиционным контрактам относятся договоры, соглашения и сделки, заключенные между обычными хозяйствующими субъектами.

Важное значение имеет также право, применимое в правоотношениях сторон-субъектов инвестиционной деятельности. Даже если в соответствии с нормами международного частного права применяется право Российской Федерации, то даже в рамках российского права у инвестора есть выбор того, какие конкретно правовые институты т.е. ПФИИ будут использоваться для реализации инвестиций и соответственно каково будет законодательное регулирование. В этой связи инвестиционные контракты можно классифицировать по применимому праву на следующие виды инвестиционных контрактов, регулируемых:

- законодательством иностранного государства;
- законодательством российского государства.

В свою очередь инвестиционные контракты, отношения в рамках которых регулируются российским правом можно услов-

но разделить на:

- публичный закон;
- частный закон.

В научной литературе нет единого мнения относительно того, какой институт материального права может быть отнесен к инвестиционному праву. В то же время само понятие «инвестиций» трактуется разными учеными по-разному, но суть этого явления все же неизменна. ПФИИ в данном случае выступает в качестве правового инструментария инвестора. Исходя из такого понимания инвестиции и ПФИИ, инвестиционные контракты можно дифференцировать на: основные и факультативные. При этом в качестве основания выступает функциональность контракта. Под функциональностью понимается то, какую функцию обеспечивает договор. При заключении инвестиционного контракта возникают, изменяются и прекращаются правоотношения. Такие отношения сторон, регулирующие непосредственно инвестиционным контрактом, можно считать основными. Однако при реализации инвестиционных проектов заключается не один договор, а, как правило, некая совокупность последних. Например, в случае инвестирования капитала для строительства какого-либо объекта недвижимости иногда продуктом инвестирования является проектная компания, в уставной капитал которой инвестор вкладывает средства. В таком случае непосредственно инвестор не осуществляет строительство объекта. Его осуществляет проектная компания, нанимая подрядчика посредством заключения с последним договора подряда. В приведенном примере именно договор подряда можно считать факультативным, потому что он не является ПФИИ, реализующий инвестиции, но он обеспечивает впоследствии приток капитала обратно инвестору в виде площадей, сдаваемых в аренду или продажи объекта и т.п.

Литература

Гущин В.В., Овчинников А.А. Инвестиционное право. Учебник. – Москва: Эксмо. 2009. – 688 с.

ОСОБЕННОСТИ ИНДЕКСНЫХ ФОНДОВ

В данной статье автор рассматривает основные вопросы, связанные с функционированием индексных фондов. Особое внимание уделяется особенностям индексных фондов и использованию индексных фондов в инвестиционных целях.

Ключевые слова: индексные фонды, виды индексных фондов, инвестиции в индексные фонды.

ОСОБЕННОСТИ ИНДЕКСНЫХ ФОНДОВ

The paper deals with the main issues of exchange traded funds functioning. Special attention is given to the peculiarities of exchange traded funds and their use for investment purposes.

Key words: exchange traded funds, types of exchange traded funds, investments in exchange traded funds.

ЕTF (Exchange Traded Fund, ETF) – индексный фонд, паи которого обращаются на бирже.

Этот биржевой инструмент получил широкое распространение на Западе, но пока его нет на рынке СНГ из-за отсутствия соответствующего законодательства. Структура ETF повторяет структуру выбранного базового индекса. В отличие от индексного Паевого инвестиционного фонда (далее ПИФ), с акциями ETF можно производить все те же самые операции, которые доступны для обыкновенных акций в биржевой торговле. В этом преимущество ETF перед ПИФ – операции по акциям ETF могут совершаться в течение всего торгового дня и их цена меняется в зависимости от активности торговцев.

Сравнения ETF с личной торговлей на фондовом рынке и ПИФом:

Этот фонд очень похож на обычный Паевой инвестиционный фонд и несёт в себе все преимущества, которые имеет ПИФ:

- Профессиональное управление.
- Низкие начальные инвестиции.
- Высокая ликвидность.
- Широкая диверсификация.

Отличие ETF от ПИФов:

Цена пая ПИФа формируется не на бирже, а рассчитывается в конце дня на основе стоимости чистых активов фонда. Цена акций ETF меняется в течение дня.

Паи ПИФов нельзя брать в долг или покупать на средства, взятые в долг. С акциями ETF допустима маржинальная торговля, что позволяет использовать кредитное плечо и «игру на понижение», но делает такие операции более рискованными.

Обычно паи ПИФов обращаются в стране его учреждения. Акции ETF могут торговаться на зарубежных биржах.

ETF – это индексный фонд, торгуемый на бирже. Его структура четко соответствует базовому индексу, и стратегия управления таким фондом является пассивной, что позволяет снизить до мини-

муму издержки на вознаграждение управляющей компании. Основным отличием от обычного индексного ПИФа является то, что с акциями ETF можно производить все операции, которые доступны в биржевой торговле обыкновенными акциями, а также то, что акции ETF нельзя купить или погасить в офисе управляющей компании. Также к ETF предъявляются более жесткие требования в части соответствия структуры его активов корзине индекса. Фактически работа с ETF дает возможность «упаковывать» рыночный или любой другой индекс в одну бумагу и обращаться с ним как с акцией – открывать короткие позиции, покупать или продавать с плечом и т. д. Формирование ETF почти не отличается от создания ПИФа. Тем не менее, в этом процессе есть и свои особенности. Еще на этапе создания фонда управляющей компании нужно не только выбрать индекс, на который будет выпущен ETF, но и подобрать биржевую площадку для листинга. После окончания этапа формирования акции ETF начинают обращаться на вторичном рынке, где их может купить любой частный или институциональный инвестор. Котировки ETF обычно поддерживаются крупными маркет-мейкерами. При этом количество акций ETF в обращении может увеличиваться и уменьшаться. Выдача или погашение акций ETF происходит крупными пакетами – базовыми единицами (creation units). Обычно такие операции между управляющей компанией и прямым инвестором носят бартерный характер. Инвестор предоставляет управляющей компании корзину бумаг, входящих в базу расчета индекса, на который организован ETF, получая взамен крупный пакет акций ETF. После этого прямой инвестор дробит эту базовую единицу на отдельные акции ETF и продает их на вторичных биржевых торгах. Погашение акций ETF происходит в обратной последовательности. Такой механизм не только обеспечивает масштабируемость фонда, но и создает арбитражные возможности для крупных участников тор-

гов, что, в свою очередь, заставляет котировки ETF в точности следовать динамике базового индекса.

На сегодняшний день одним из наиболее растущих и популярных способов альтернативного инвестирования являются инвестиции в Exchange-Traded Funds. За последние 10 лет такие фонды стали эффективным инструментом диверсификации инвестиционного портфеля, а также увеличения его состава. Покупка паев ETF открывает широкие возможности и различные варианты для достижения поставленных целей в кратчайший срок при инвестиционных стратегиях, минимизирующих риски, затраты и предоставляющих высокий уровень диверсификации.

Первый ETF с активами в 464 млн долл. был создан в 1993 году с целью отражения динамики индекса S&P 500. В 2000 году подобных ETF различной структуры насчитывалось 80 единиц, а к настоящему времени, по данным Institutional Company Investors, их стало уже 359. Популярность ETF среди инвесторов подтверждается увеличением их численности с момента появления и до сегодняшнего времени, а также высокой ликвидностью паев подобных фондов. Более того, сам инструмент ETF облегчает доступ на различные рынки для индивидуальных инвесторов.

Совокупные активы всех ETF составляют уже более 500 млрд долл. Схема ETF достаточно проста для понимания, так как для создания и запуска подобного фонда изначально осуществляется выбор или создание необходимого индекса, который будет отражаться в структуре ETF. Затем происходит выбор биржи для размещения аналогично IPO и определяется компания, отвечающая за операционную деятельность фонда. При этом ETF выходят на рынок сразу, а не после завершения сбора необходимого количества средств, как в случае с индексными ПИФаами.

Аффилированный институциональный инвестор имеет возможность внести принадлежащий ему крупный пакет цен-

ных бумаг в депозитарий, при этом получая соответствующее количество паев ETF и распоряжаясь ими по своему усмотрению – в зависимости от рыночной конъюнктуры. Индивидуальные инвесторы могут проводить транзакции с ETF, в основном, на бирже через своего брокера. Акции большинства ETF находятся в обращении преимущественно на Американской фондовой бирже AMEX, которая на сегодняшний день остается ведущей площадкой для торгов подобными финансовыми инструментами. Регулирование ETF в США осуществляется Комиссией по ценным бумагам и биржам на основании положений Закона об инвестиционных компаниях, принятого в 1940 году в Соединенных Штатах.

В сущности, ETF представляет собой портфель ценных бумаг, как правило, акций различных компаний, со структурой, привязанной к структуре индекса определенной отрасли промышленности, географическому региону или рынку в целом. При этом ETF находятся в свободном обращении на бирже, т.е. с паями таких фондов возможно проведение операций по купле-продаже в течение всего торгового дня, **включая открытие коротких позиций** по ним или осуществление маржинальной торговли. Таким образом, ETF торгуются аналогично обыкновенным акциям.

Намерение инвестировать в различные ценные бумаги компаний какой-либо определенной отрасли вызывает повышенный риск концентрации средств. Сильная корреляция, в свою очередь, сигнализирует об отсутствии должного уровня диверсификации. Именно поэтому ETF и представляются благоразумным альтернативным решением, так как вложения в их паи являются высокодиверсифицированной инвестицией с пассивной стратегией. При этом инвестор получит весь портфель искомой структуры, который будет выражен одной ценной бумагой. Пассивная стратегия при управлении ETF позволяет инвестору получить низкий коэффициент расходов

(Expense Ratio), который в большинстве случаев также меньше, чем во внешне аналогичных индексных взаимных фондах. С инвестиционной точки зрения ETF стоит рассматривать как наиболее рациональную возможность для вложений с наименьшим риском в определенные сектора промышленности или в экономики различных стран и их рынков.

ETF характеризуются разнообразными инвестиционными целями и направлениями. В настоящее время существуют следующие виды ETF:

ETF, отражающий определенный страновой рыночный индекс. Структура подобного фонда привязана к определенному рыночному индексу акций. Наиболее популярные и распространенные ETF такого вида – это SPDRs (S&P Depository Receipts Trust), которые отражают индекс Standard&Poor's 500; NASDAQ-100 и DIAs (Diamond Trust Series). Данные три вида ETF представляют американский рынок. Но существуют также фонды, которые привязаны к рыночным индексам многих других стран (например, европейские ETF, такие как French CAC 40 Index или German DAX 30 Index, отражающие рыночные индексы Франции и Германии соответственно).

ETF определенного инвестиционного стиля. Такими фондами являются, например, S&P/Barra и Russel. Подобные ETF формируются под конкретные стили инвестирования. В этой категории присутствуют ETF, которые ориентируются на различную рыночную капитализацию ком-

паний, рост или стоимость индекса.

Отраслевые ETF, повторяющие структуру индексов различных секторов экономики. Подобные фонды представляют собой портфели, состоящие из акций компаний конкретного сектора экономики (энергетика, финансы, телекоммуникации и т.д.). Наиболее популярными ETF такого вида являются фонды HOLDRs (Holding Company Depository Receipts) от Merrill Lynch.

Страновые (региональные) ETF привязаны к индексам, содержащим ценные бумаги компаний различных стран или определенного географического региона (например, EuroSTOXX 50). Семейство фондов iShares также представляет собой именно этот вид ETF, поскольку они отражают динамику развитых и развивающихся рынков.

ETF с фиксированным доходом. Фонды этого вида ориентированы на государственные и корпоративные долговые инструменты – облигации. Примером могут служить фонды облигаций тех же iShares.

В итоге при инвестировании в различные виды ETF возможно достаточно эффективное управление, так как приобретается сразу готовый портфель, соответствующий тому или иному индексу, а не отдельные бумаги, из которых еще нужно было бы сформировать соответствующую структуру желаемого портфеля. Следует отметить, что на сегодняшний день ETF отражают практически все индексы, существующие на мировых фондовых рынках.

К.В. Пителинский, С.А. Шиманский

УДК 517.538.72; 519.710.34

О ПРИМЕНЕНИИ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В целях анализа темпоральной динамики сложных социоэкономических систем обоснована перспективность использования аппарата фрактального моделирования и искусственных нейронных сетей. В качестве примера рассмотрено прогнозирование цен на образовательные услуги, предоставляемые вузом.

Ключевые слова: системный анализ, ценообразование, фрактальное моделирование, нейронные сети.

K.V. Pitelinskiy, S.A. Shimanskiy

APPLICATION OF NEURAL NETWORKS IN SOCIOECONOMIC SYSTEM STUDIES

The paper demonstrates the perspective of the fractal modelling and artificial neural networks for the temporal dynamics analysis of complex socioeconomic systems. By way of example the paper looks into price prediction on educational services provided by a higher education institution.

Key words: system analysis, price determination, fractal modelling, neural networks.

На сегодняшний день рынок производственной и складской недвижимости (ПСН) еще мало изучен и очень закрыт, отчего трудно четко оценить его объем. Ранее главными критериями оценки объектов недвижимости (ОН) были площадь и географическое положение объекта, а ныне число параметров оценки ОН возросло – возникла и необходимость учета дополнительных возможностей ПСН.

Развитие в РФ системы кредитования предприятий требует достоверных данных о стоимости различных видов ОН. Кроме риэлторов, оценкой недвижимости занимаются и подразделения при банках по работе с заложенным имуществом. Организация и проведение оценочной деятельности – дорогой и сложный процесс, требующий, применения IT-технологий для оценки стоимости и привлечения квалифицированных экспертов-оценщиков. С накоплением знаний в оценочной деятельности стали применяться системы автоматизированной оценки стоимости, сокращающие трудоемкость этого процесса, повышающие точность расчетов и оперативность управления стоимостью ОН.

Эксперты-оценщики применяют сложные расчеты и методики выявления зависимости между различными исходными технико-экономическими показателями ОН и одним из его главных показателей – стоимостью. Полученные данные можно использовать при оценке ОН и управлении его стоимостью. Динамика рынка, жесткая конкуренция и растущий интерес к ПСН делают весьма актуальной разработку научно-обоснованных методов ее оценки (1).

Прогнозирование служит выяснению тенденций изменения характеристик ОН при турбулентной внешней и внутренней средах предприятия для формирования его устойчивой экономической политики (при оценке и управлении стоимостью ОН, при маркетинговом анализе рынка ОН, его структурной и конъюнктурной динамики, предложения-спроса и др.). Задача прогнозирования поведения сложных социоэкономических систем (в т.ч. и объектов ПСН) трудноформализуема, ибо прогноз их динамики основан почти исключительно на выявлении латентных закономерностей в накопленных данных. Эффективность определения рыночной стоимости ПСН определяется выбранными

Рис. 1. Классификация методов оценки и прогнозирования социоэкономических объектов.

и использованными практическими методами, которые можно разбить на три большие группы: методы, основанные на использовании знаний и интуиции специалистов, методы формализованного представления систем управления и комбинированные методы (см. рис. 1).

В экономическом прогнозировании часто применяются *качественные методы* – реализованные алгоритмически методы экспертных оценок (анализа иерархий Т. Саати, Дельфи и др.). Методы экспертных оценок используются для решения следующих задач:

- краткосрочного прогнозирования спроса для широкого выбора ОН;
- разработки средне- и долгосрочных прогнозов спроса на ОН.
- определения отношений потребителей к ОН и возможному спросу на них;
- определение положения предприятия на рынке и др.;
- оценки уровня конкуренции.

Количественные методы прогнозирования основаны на применении модельных соотношений в виде систем алгебраических, дифференциальных, интегральных или конечно-разностных уравнений.

Комбинированные методы позволяют объединить достоинства качественных и количественных методов моделирования. При их построении производится предварительная декомпозиция процесса функционирования модели на составляющие subprocessы. Обычно используются аналитические модели, а для прочих процессов строятся алгоритмические модели.

Имитационная модель (ИМ) – формальное описание логики функционирования исследуемой системы и взаимодействия отдельных её элементов во времени, учитывающее самые существенные причинно-следственные связи, присущие данной системе и обеспечивающие проведение статистических экспериментов. При этом необходимо отметить, что:

- связь между элементами системы, описанными в модели и между системными параметрами может быть задана аналитически;
- модель реализуема и имеет практическую значимость, если в ней отражены лишь свойства реальной системы, влияющие на значения выбранного показателя эффективности.

НС – обобщенное название групп алго-

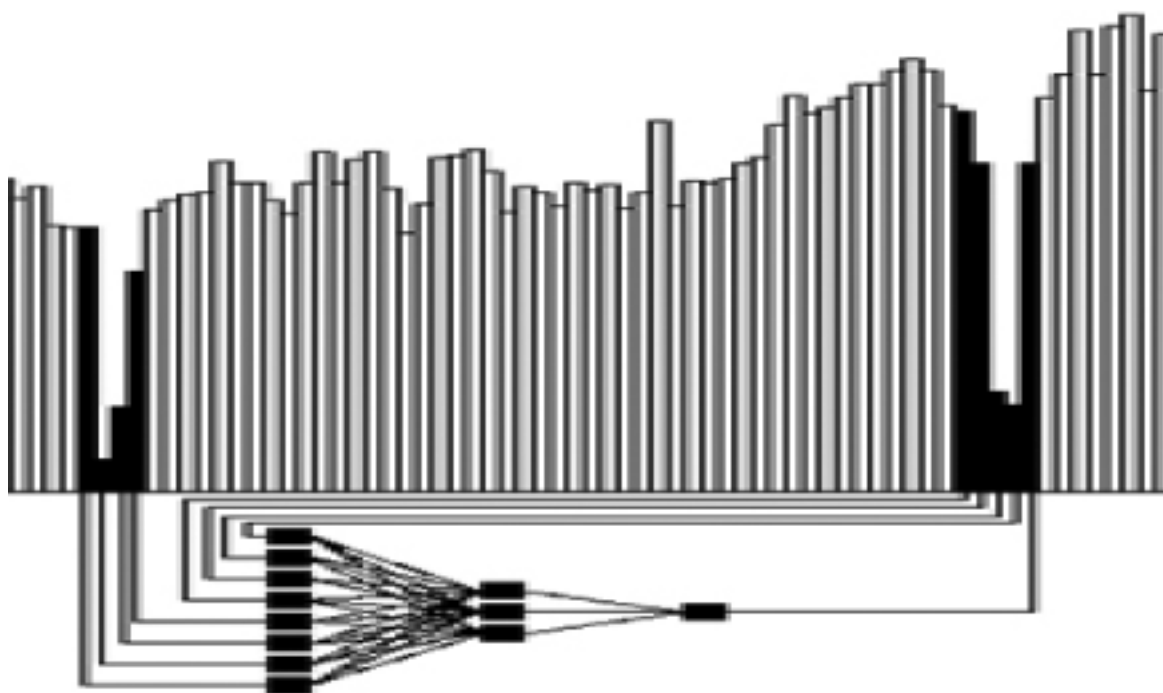

Рис.2. Применение НС к временным рядам с сезонными колебаниями.

ритмов, «умеющих» обучаться на примерах, извлекая скрытые закономерности из потока данных (в т.ч., неполных, противоречивых или искаженных). Если между входами и выходами системы есть связь (не выявляемая корреляционными методами), НС может настроиться на нее с заданной степенью точности автоматически. НС может распознавать и симптомы приближения критических ситуаций, оценивать сравнительную важность разных видов входной информации и снижать ее объем без потери существенных актуальности и др. НС базируется лишь на данных без привлечения априорных соображений – это достоинство и недостаток одновременно, ибо имеющихся данных может не хватить для обучения, а размерность ее потенциальных входов может быть слишком велика (см. рис. 2).

Для оценки ОН пока применяются методы, не учитывающие автоматически информацию о связи цены образовательной услуги и характеристик оказывающего ее вуза, отчего возникает потребность в изучении свойств НС для адаптации этой технологии к оценке цен. Повсеместное применение НС во всех областях человеческой деятельности (в т.ч., в инвестиционной) ширится и ожидается, что в будущем НС позволят более эффективно решать задачи на рынке образовательных услуг. Сейчас на рынке специализированного ПО растет число универсальных нейропакетов, для решения задач экономико-математического моделирования, специализированных ЭС и средств решения других, более сложных и трудно формализуемых. Несмотря на отмеченные выше недостатки, можно уверенно утверждать, что сфера применения НС при решении прикладных задач будет медленно, но неуклонно расширяться.

Растет интерес к применению нечеткой логики и НС (как средств ИМ) в оценке ситуаций на рынке, при принятии сложных решений и др. Потребители этих методов ЛПР, знающие потенциал НС или владеющие традиционными методами анализа, но вынужденные искать более эффективные

методы решения прикладных задач. НС по своей природе нелинейны, не требуют глубокого знания связей между исходными данными и результатами и имеют ряд преимуществ перед традиционными методами. На коротком промежутке времени адаптивные НС всегда дают лучший прогноз, нежели стандартные линейные модели (1, 2).

Образование – востребованный обществом комплексный социокультурный феномен, требующий на уровне всех субъектов образовательной деятельности выработки единой методологии количественной оценки характеристик качества образования, сложившаяся в системе ВПО РФ ситуация требует понимания и решения проблемы повышения его качества.

Под качеством деятельности вуза понимается ее соответствие метрике (стандарту, норме). Метрика – выявленная общепринятая система эталонных требований к параметрам вуза. Качество учебного процесса вуза задается ГОС ВПО РФ, регламентирующим:

1) степень развития учебного и научного потенциалов вуза, ибо преподаватели специальных дисциплин (обычно) должны иметь ученую степень и/или опыт деятельности в соответствующей профессиональной сфере;

2) научную активность преподавательских кадров и степень их вовлеченности в НИР. Реализация основной образовательной программы должна обеспечиваться кадрами, систематически занимающимися научной и/или научно-методической деятельностью.

Преимущества от внедрения системы менеджмента качества (СМК) вуза справедливы для:

- абитуриентов и студентов;
- государства;
- руководства вуза и его сотрудников;
- работодателя.

Одной из составляющих качественной реализации бизнес-процессов в вузе является экстраполяция динамики цен его образовательных услуг – важнейший элемент деятельности вуза, базирующейся на про-

гнозировании его будущего в зависимости от влияния факторов внутренней и внешней среды. Любая задача, связанная с перспективной деятельностью вуза связана с риском и требует тщательного анализа и прогнозирования. Формирование справедливой цены на образовательные услуги существенно зависит от качества образовательных бизнес-процессов и соответствия их общепризнанным стандартам. Важная задача руководства вуза – разработка и внедрение оригинальных внутренних систем управления и оценки качества всех сфер его деятельности. Необходимость выживания вузов в условиях кризиса и депопуляции требует постоянного повышения качества оказываемых вузом образовательных услуг и создания новых ценностей в образовательной парадигме. Динамика рынка образования, жесткая конкуренция и растущий спрос на образовательные услуги делают весьма актуальной разработку научно-обоснованных методов прогнозирования динамики цен на услуги вуза.

Несмотря на применение традиционных методов прогнозирования экономических временных рядов и цен, создания банковских экспертных систем (ЭС), обработки статистической информации и др. пока получены скромные успехи (из-за большого количества действующих факторов, которые не всегда можно строго учесть). Традиционные финансовые ЭС основаны на инерционном анализе (т.е., используют негибкие линейные статистические модели). Использование нейронных сетей (НС) при анализе процессов ценообразования – альтернатива (дополнение) указанным выше методам исследования. Из-за своей адаптивности одни и те же НС могут использоваться для анализа различных объектов, а найденные ЛПР для конкретного ОН закономерности могут хуже работать (или вообще не работать) в других

случаях. Видится весьма перспективным при решении задач о прогнозировании динамики ценообразования на услуги вуза применение различных междисциплинарных методов – в т.ч., фрактального моделирования и НС.

Прогнозирование служит выяснению тенденций изменения цен при турбулентной внешней и внутренней средах вуза для формирования его устойчивой экономической политики (при оценке и управлении стоимостью ОН, при маркетинговом анализе рынка ОН, его структурной и конъюнктурной динамики, предложения-спроса и др.). Задача прогнозирования поведения сложных социально-экономических систем трудноформализуема, ибо прогноз их динамики основан почти исключительно на выявлении латентных закономерностей в накопленных данных. Эффективность определения цен определяется выбранными и использованными практическими методами, которые можно разбить на три большие группы: методы, основанные на использовании знаний и интуиции специалистов, методы формализованного представления систем управления и комбинированные методы.

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что ИМ не имеют ограничений на область применения по типу моделируемой системы и речь идет лишь о целесообразности их в данной предметной области и об трудозатратах на её разработку и реализацию. Основа ИМ – метод статистических испытаний (метод Монте-Карло), наиболее эффективен при изучении функционирующих при сильных случайных воздействиях сложных систем. Однако, при определении стоимости услуг вуза любым из этих методов, необходимо исходить из того, что рыночная стоимость услуги – *наиболее вероятная цена*, по которой она может быть продана на открытом конкурентном рынке.

Литература

Пителинский К.В., Тюркин А.А. Применение нейронных сетей для оценки производственно-складской недвижимости // Автоматизация промышленности. – М.: ИПУ РАН.– № 10. – 2008. – С. 25–27.

Пителинский К.В. Перспективы применения нейронных сетей в оценочной деятельности // Сб. трудов XIV Всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». Москва, 9-10 апреля 2013 г. – М.: ЦЭМИ РАН. – Т.2. – С. 151–154.

Пителинский К.В. Наука и образование как стратегемы реализации социального заказа в современном обществе. Наука, образование инновации: Тезисы выступлений участников I всероссийской конференции. Москва, 10-12 ноября 2008 г. – М.: МГПУ, 2008 – С. 148–150.

Пителинский К.В., Шиманский С.А. Перспективы применения нейронных сетей при прогнозировании цен// Сб. трудов XIV Всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». Москва, 9-10 апреля 2013 г. – Т.2. – М.: ЦЭМИ РАН. – С. 157–160.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Багрова Алифтина Яковлевна, кандидат педагогических наук, доцент Московского института лингвистики, e-mail: info@inyaz-mil.ru

Веселкова Евгения Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общегуманитарных и социальных дисциплин Московского института лингвистики, e-mail: decemvee@mail.ru

Демьянович Андрей Александрович, аспирант Московского института лингвистики, e-mail: a2290@gambler.ru

Зайцев Александр Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, e-mail: abzaitsev@mail.ru

Зайцева С.Е., кандидат педагогических наук, доцент Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», e-mail:

Купцова Галина Ивановна, соискатель Московского института лингвистики, e-mail: succub25@mail.ru

Масленникова Евгения Михайловна, кандидат филологических наук, Тверской государственный университет, доцент кафедры английского языка факультета ИЯ и МК, E-mail: e-maslennikova@inbox.ru; arakin2grammar@mail.ru

Мичурин Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры общего языкознания Московского института лингвистики, e-mail: Buravsic@gmail.com

Монина Тамара Степановна, доктор филологических наук, профессор Нового гуманитарного института, г. Электросталь, e-mail: tamaramonina@gmail.com

Муравьев К.Е.

Николаева Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент филологических наук Нового гуманитарного института, г. Электросталь, e-mail: marinik2@yandex.ru

Пителинский Кирилл Владимирович, кандидат технических наук, доцент Московского финансово-экономического института, e-mail: yekadath@gmail.com

Пучкова

Самохин Иван Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Московского института лингвистики, e-mail: alcrips85@mail.ru

Спиряева

Черных Олеся Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков МГПУ, e-mail: chernykhoul@mail.ru

Шиманский С.А.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МИЛ»

Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в бумажном варианте и в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: akirilina@inyaz-mil.ru

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в Вестнике.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- название вуза полностью и города (курсивом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
- ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке;
- перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке;
- ключевые слова на английском языке.

Основной текст статьи должен содержать:

- введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;
- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);
- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;
- библиографический список.

Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 14. Абзацный отступ – 1,25 см.

Все страницы рукописи в бумажном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

В электронном файле страницы не нумеровать!

Объем статьи – до 20000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Размер шрифта для аннотации и ключевых слов – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать O (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «i»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации не принима-

ются. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Размер шрифта – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания, если нужно – страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: <http://www.bookchamber.ru/gost.htm>).